

Мансуров Андрей



18+

Шестая Эра. Поверхность

Остросюжетная фантастика

Андрей Арсланович Мансуров

Шестая Эра. Поверхность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33200640

SelfPub; 2018

Аннотация

Я стараюсь объективно и с долей юмора подходить к своему творчеству. И понимаю, что со временем обрастаю, как днище корабля – ракушками, излюбленными приёмчиками, фразочками, и штампованными сюжетными ходами и персонажами... Но если отнестись к делу серьёзно, можно и подходя к делу с иронией, как я и пытаюсь в этой книге, добиться вполне себе интересных результатов. Добро пожаловать: гарантирую, что скучно не будет!

Долбанный трезубец опять запутался, и прочно застрял в ячейках чёртовой сетки на щите противника!

Роджер, оскалив зубы, изобразил страшную гримасу на лице, зарычал, вскинув левую руку в ложном замахе – словно собирается хлестнуть сетью по щели шлема. Противник отдёргнулся, автоматически отмахнувшись мечом. Роджер успел присесть, пружинисто согнув и приготовив мышцы ног. Затем, делая вид, что хочет сблизиться с мирмиллионом, сам вдруг отпрыгнул назад, что было сил вцепившись в чёртово древко.

Зазубренные лезвия-гарпуны оружия Роджера наконец высвободились, вырвав огромный клочок из защитного покрытия щита, и противник только чудом удержал сам щит, да и устоял на ногах: рывок оказался настолько силён, что мускулистое, остро пахнущее потом и пылью, мощное тело врага по инерции буквально пролетело мимо Роджера! Однако ударить пока не удалось: с...ный трезубец, будь он неладен, нужно вначале привести в «рабочее» состояние!

Роджер освободил левую руку просто: бросил на песок чёртову сеть. И пока враг пытался остановиться и разворачивался, рыча от злости, и наверняка думая, как бы добратся до Роджера половчее, дернул, обламывая и срывая решетчато-сетчатую хрень, засевшую на трёх зубьях его оружия: сволочи, вот уж постарались!.. Этот кусок решётки-сети оказался третьим здоровущим фрагментом из уже содранных им со щита противника.

Конечно, умно придумано: решётка-сеть из тонких ке-
нафных верёвок, гибких прутьиков ивы, и рыболовной лески
почти ничего не весит, а цепляет крючья его оружия практи-
чески гарантированно, не давая добраться до хозяина щита.
И Роджеру приходится постоянно думать, как бы снова не
зацепиться, уже так, чтоб лишиться и трезубца: достаточно
позволить вырвать его из своих рук, и противник просто пе-
реломит древко, сделав колющее оружие бесполезной коро-
тенькой зубочисткой!

Это раздражает: возни много, толку мало.

Противник, однако, не дремал, и снова, даже не передох-
нув, кинулся на Роджера.

Ну и гад! Роджер увернулся от размашистого рубящего
удара, который, придись в цель, словно гнилую тыкву рас-
кроил бы его череп, вскинул руку, отбив подставленной мед-
ной накладкой-нарукавником на левом предплечье – колю-
щий... Да что же это такое!

Он откинул ногой подальше оказавшийся наконец ото-
драным клоч сети-решётки, зарычал, словно в предвкуше-
нии, сделал ложный выпад. Противник на секунду отступил,
но только, как оказалось, для того, чтоб кинуться на него с
ещё большим остервенением!

Теперь пришлось бежать. Правда, недалеко, и небыстро:
иначе бронированный идиот догадается, что Роджер легко
перегонит при необходимости его увязающее в песке под
тридцатью килограммами доспехов, тело. Чтоб остановить-

ся, Роджер присел, и заставил тело почти завалиться назад, вырыв босыми ступнями две борозды в песчаном покрытии арены. При этом он матерился вполголоса и шипел: незащищённым ступням было горячо и больно.

Гад, продолжавший бежать прямо на него, на радостях даже заорал – он-то был в сапогах! – и припустил вперёд ещё быстрее! Похоже, решил, что Роджер наконец устал уклоняться и драпать, осознал, что сопротивление бесполезно, и, смирившись с участью проигравшего, примет его «милосердный» роковой удар так, как положено: подставив незащищённую ничем, кроме потрескавшейся корки из пота и песка, грудь!

Ага, нашёл дурака!..

Роджер сделал вид, что собирается ударить всеми тремя остриями в прорезь шлема, противник поспешил спрятать голову за верхнюю кромку щита. Роджер не стал ничего выдумывать, или бросаться в ближний бой, а просто пробежал мимо двигавшегося по инерции ещё некоторое время вперёд и явно озадаченного таким финтом врага, на бегу подхватив свою валявшуюся на песке сеть.

Вот теперь они почти на равных: предохранительные решётки на щите врага закончились! Ну, почти. Но те неаккуратно выглядящие обрывки и клочки, что там остались, теперь, скорее, мешают, чем помогают его противнику.

Сеть накинуть, конечно, оказалось не просто. Несколько ложных движений, и враг, отмахивающийся от его «оборудо-

вания» отблёскивающим на свету мощнейших софитов гладием, смог наконец нанести, как ему, наверное, показалось, такой удар, что выбил у Роджера из руки скатанную сейчас словно в валик, тряпочку. «Тряпочка» отлетела было на пару шагов, но затем, словно по мановению волшебной палочки, снова оказалась в руке Роджера: тот просто дёрнул за один из размахившихся тонких концов, который удерживал всё это время в кисти мизинцем и безымянным пальцем!

А вот теперь враг оказался настолько удивлён внезапным возвращением в руку хитро...опого «попрыгунчика» чёртовой сетки, которой по всем правилам полагалось отлететь на добрых двадцать шагов, что не успел взмахнуть мечом, когда валик из «тряпочки», оказавшийся на редкость увесистым, хлестнул его прямо по прорези в шлеме!

Роджер был уверен: песок, осевший на пропитавшихся потом верёвках, так и полетел в глаза врага!..

Мускулистый торс противника на долю секунды замер, пока его обладатель пытался решить, что делать дальше: то ли побыстрее отскочить, то ли – сразу попытаться протереть глаза и проморгаться. Пригнувшемуся Роджеру осталось лишь прыгнуть вперёд и на лету вонзить движением снизу – вверх своё оружие в незащищённую метровым щитом выставленную вперёд левую ляжку, оказавшуюся прямо перед ним.

Враг заорал – так, что в груди Роджера словно что-то обрвалось. Крик смертника.

Но пока расслабляться рано. Мирмиллион жив, только застыл в неловкой позе.

Приземлившись на спину Роджеру пришлось перекачаться, прищурившись, чтоб снова не нахватать песка глазами, затем быстро нырнуть вперёд, потянуться, и схватиться снова за нелепо торчащее параллельно арене древко. Он уже понял, что всё кончено. Но всё равно выдернул иззубренные гарпунные наконечники впившихся в плоть двух зубьев из мускулов бедра застывшего от болевого шока бедолаги. Раздавшийся после этого второй вопль, заглушивший отвратительный звук разрываемой плоти, был совсем уж отчаянным и жалобным.

Кем бы ни был его противник, но дураком-то он точно не был. Понимал, что проиграл. И сейчас, даже если Роджер не прикончит его сразу, вторым ударом, он и сам просто истечёт кровью... Но Роджер не стал добивать завалившегося на спину орущего и подвывающего врага, который даже отбросил бесполезные теперь щит и гладий, и зажимал дыры в ляжке обеими руками. Однако арена вокруг человека всё равно очень быстро окрасилась в алый цвет.

Прикусивший губу и набычившийся Роджер чуть отошел, пытаясь отдышаться. Отёр пот со лба, отплевался: проклятый вездесущий песок! Он осмотрел арену, приняхался. Нет, показалось: остро пахло пылью, его потом, медью и... смертью.

Добивать врага Роджер не стал. Ему всегда казалось непо-

рядочным бить того, кто и так проиграл. И сейчас беззащитен. И всё равно умрёт от потери крови.

Но что это?

Почему его противник словно замер в нелепой позе?! Почему голова, только что наклонённая к раненной ноге, вдруг вновь откинулась на песок?

И что это за... странный туман... Или не туман – навис над ристалищем?!

И почему так кружится голова и слипаются глаза?! Что за... Ведь не пахло?!

Ноги почему-то словно сами собой подкосились, и навстречу Роджеру внезапно ринулась поверхность арены!.. И вот он уже лежит, снова пытаясь выморгнуть брызнувший в глазницы от поднятых его телом и лицом крохотных фонтанчиков, песок!

Похоже, те, кто любовался ходом их схватки, решили, что достаточно: опять пустили, пусть и не пахнувший, но гарантированно обездвиживающий и усыпляющий га!..

– ...вообще ничего не значит! Он мог просто поопасаться, что если подойдёт поближе, то мирмиллион достанет его своим мечом! Ведь раненный мог и просто прикинуться обессиленным и отчаявшимся!

– Хм-м... Логика, в такой точке зрения, конечно, есть. Вот только кое-что не вяжется с фактами. Меч его противник уже отбросил прочь, и тот оказался слишком далеко, чтоб схва-

тить незаметно. Да и если хорошо вспомнить, этот Роджер и предыдущего спарринг-партнёра не добивал. Думаю, он и этого не стал бы. По-моему, он просто считает такие действия нерациональными. И смотрит на ситуацию с позиции: «зачем добивать, если враг и сам достаточно быстро сдохнет?!»

– Да, я тоже заметила, что он не любит лишних движений. И действий. Реалист. И рационалист. Ну что, сразу перезагружаем?

– Да. Чтоб ему жизнь-то малиной не казалась. Погнали.

Этот противник Роджеру сразу не понравился.

Маленький, жилистый, очень вёрткий, и ничем, кроме двух хопешей не вооружённый и не защищённый – набедренная повязка, точно такая же, как у самого Роджера, в счёт уж точно не идёт! Значит, враг умеет отлично пользоваться обеими руками, и в обороне отсиживаться наверняка не будет. Сощуренные почти в щёлочку глаза глядят злобно и непреклонно. Такой не остановится, пока не убьёт Роджера. Или не погибнет сам.

А ещё Роджер почему-то чувствовал странную усталость – словно его тело не набралось, как это обычно бывало после очередного периода беспамятства, новых сил. В мышцах ног сидела странная дрожь – словно только что бегал по песку часа два. Да и пальцы рук, которыми он сжимал рукоять того оружия, которым его снабдили – длинного двуручного меча

– катаны – так и норовили разжаться. Тело, правда, выглядело вымытым и ухоженным: ни песчинки, ни капельки пота.

В чём же дело?! Или твари, что постоянно стравливают его со всё новыми и новыми противниками, хотят посмотреть, как он справится, будучи уставшим, и вооружённым лишь одним, тяжёлым и длинным, оружием?

Да и ладно: плевать! Он отлично знает, что вечно никто жить не будет! И излишняя осторожность сродни глупости!

Поэтому он сегодня для разнообразия станет сражаться не «от обороны»! Потому что «выматывать» поджарого, лёгкого, и явно отменно себя чувствующего врага – глупо. Поскольку при этом сам Роджер вымотается куда сильнее и быстрее!

Роджер не стал издавать свой «фирменный» боевой клич, которым пару раз удавалось не то напугать, не то – удивить врага, а просто накинулся на того, вращая катаной так, что её лезвие слилось в сверкающий круг – он по себе знал, что такой блеск мешает сосредоточиться. Ага: вот враг и слегка опешил, отступает. Наверняка при этом думая, что столь быстро отнимающий силы порыв скоро пройдёт, и враг приостановится, чтоб отдохнуть, и станет доступен. Ну, пусть себе думает.

Теперь нужно продолжать махать, скалиться в угрожающей усмешке, и наступать.

Порядок – противник, стараясь синхронизировать движения рук с движениями ног, вынужден реагировать уже толь-

ко на его удары, пока не помышляя о каких-то своих «контр-выпадах», и отступать: почти бегом и вприпрыжку! И – задом: боится, что в беге Роджер окажется быстрее! (Правильно боится: ноги Роджера куда длинней!)

Стало быть, стену Арены противник сейчас не может видеть, а только предполагает, где она находится: боковое зрение, каким бы изошрённым ни было, не позволяет видеть того, что находится за затылком, а уж следить, чтоб враг не мог ни на секунду отвлечься, чтоб сориентироваться – проблема Роджера. И она решена.

Один из хопешей вдруг жалобно звенькнул, столкнувшись с пятиметровой стальной стеной, ограждающей арену, и от удара чуть не вырвался из руки противника. Роджер нагло воспользовался ситуацией: попросту отрубил пытающуюся удержать рукоять, и на мгновение застывшую, кисть, а когда враг зашипел, выставив над собой второй египетский меч, нанёс весьма «подлый» удар снизу: в незащищённый живот! Плевать на то, что там кто подумает: не до реверансов, когда речь идёт о жизни!

После удара Роджер рывком выдернул меч. Отступил на миг, но тут же вновь сделал шаг вперёд, и сделал то, чего до этого никогда не делал: отрубил нагнувшуюся вниз оскалившуюся в жуткой гримасе голову!

Та откатилась недалеко: всего на шаг. Песок же!..

Сказать, почему он решил добить именно этого противника, он не смог бы и под присягой. Потому что и сам не

очень понимал, что руководило его действиями.

Инстинкт?..

Проклятый серый туман из чёртового аэрозоля опять опустился на арену, скрывая матовой пеленой всё: и поверженного врага, заливавшего песок вытекающей толчками из обрубка шеи и руки, кровью, вонявшей медью, саму арену, и ослепительную яркость прожекторов наверху.

Роджер на этот раз поступил умней: не стал ждать, когда рухнет наземь, а сразу лёг сам, на спину. Правда, всё равно на всякий случай сжимая катану обеими кистями, и отодвинувшись подальше от отсечённой руки, так и сжимавшей хопеш.

На этот раз газ подали привычный – пованивающий.

Снова навалилась темнота...

– Неплохо.

– Да уж. Особенно, если учесть, что периода релаксации мы ему не дали, и восстановление находилось на отметке где-то в пятьдесят процентов. Ну что? Подходит нам?

– Думаю, подходит.

– Отлично. Значит, моем, даём выспаться, и переправляем на Уровень Це. Доложи координаторше.

– Слушаюсь, мэм.

Чёртов ярко-красный кабриолет впереди вдруг завилял, дура с развевавшимися, словно пламя, рыжими волосами в

прозрачном и ничего не скрывавшем топчике, сидящая за рулём, ударила по тормозам, и по клаксону!

Роджер в последнюю секунду успел затормозить и объехать маленькую машинку, не наподдав той в зад так, чтоб вылетела влево, туда, где за перилами моста в пятидесяти метрах внизу, сверкала блёстками полуденного отражённого солнца вода Гудзон-ривер. Он успел заметить и причину, по которой сволочная идиотка дала по тормозам: на проезжую часть перед её машиной выскочила чья-то, вероятно, потерявшаяся, крохотная собачка-пикинес. Роджеру запомнились идиотские панталончики в кружавчиках, и широкий кожаный ремешок ярко-алого цвета с круглыми хромированными заклёпочками на шее пёсика. И ещё – выпученные круглые глаза-пуговицы.

После этого последовал страшный удар: это его Тойота-камри врезалась почти на полном ходу в толстые стальные трубы, торчавшие из полуприцепа грузовика, неспешно двигавшегося по крайней правой полосе.

Роджер ещё успел заметить какого-то парня в синем комбинезоне: вероятно, рабочего из бригады, обслуживающей стропку моста: сидя верхом на одном из толстенных канатов в десяти метрах над дорожным полотном, он пялился на Роджера, раскрыв рот в неслышимом крике...

Что-то врезалось Роджеру в грудь, да так, что затрещали ломаемые рёбра, ещё что-то ударило прямо в висок. В ушах возник жуткий грохот и гул, в глазах потемнело...

И он понял, что умер.

С криком он вскочил.

Нет, это просто всё тот же чёртов кошмар – он жив!..

Сволочной сон – снится здесь уже в пятый раз... Тут не то, что вспотеешь, а и описаешься со страху! Да и от боли: вспоминать – себе дороже...

Роджер снова лёг на своё жесткое ложе, поёрзал, пытаюсь устроиться поудобней. Но чёртов стальной пол мягче не стал.

То, что он вообще начал просыпаться – несомненно результат того, что в шестьдесят два, спустя всего год после страшной аварии в которой выжил буквально чудом, да и встать с постели смог лишь через четыре месяца, решил-таки вложить деньги (Немаленькие, кстати!) в своё «воскрешение». Когда-нибудь в отдалённом будущем. Когда наука достигнет. Должного уровня.

Дал снять с себя психоматрицу.

Позволил сделать биопсию, терпел, пока из него добывали образцы спинного мозга, брали кровь, отделяли тоненькие цилиндрики мышц, набрали чуть ли не пинту крови... За те деньги, что уплатил, как он считал, они могли бы делать всё это и поаккуратней. Да и обезболить получше.

В больнице компании пришлось тогда пролежать целых три дня. Но потом ему сказали, что всё в порядке, и брать что-либо повторно не будут: всё их устраивает.

Осталось только снять саму мнемоматрицу: чтоб он помнил всё предыдущее...

Роджер был чертовски рад. Ведь сам «съём» происходил безболезненно. Он уже жалел, что связался с чёртовой компанией «Вечная жизнь». С другой стороны, денег у него было достаточно. Да и мало ли: вдруг и правда, случись (тьфу-тьфу!) что, входящее в «страховой случай» – оживят?!

И вот теперь он убедился воочию, что действительно. Оживили. Всё, как прописано в контракте: он в «расцвете сил».

Правда, вот как-то странно его «воссоздатели» используют его омоложенное тело. Впрочем, нет. Тело не омоложенное – оно просто новое. Клон, скорее всего. Выращенный из его же «образцов». Но то, что клон именно – его, сомнений не вызывает. Вон: даже родимые пятна на руках на своих привычных местах... Это они ближе к старости разрослись, и к ним добавились и просто коричневые – «старческие».

Но пенять на то, что его травят, словно зверя в клетке, как понял Роджер, некому! То ли сменилось правительство, то ли он не выплатил вовремя какую-нибудь страховку, то ли его просто куда-то контрабандно перепродали. И тут он – гладиатор.

Которого стравливают с другими, возможно, такими же, как он, гладиаторами-людьми. А до людей были животные: тигры, львы, леопарды... Даже крокодил.

А в самом начале – тесты. Насообразительность и интел-

лект.

Проклятье! Чего им от него надо?!

Неужели тот факт, что сам он, Роджер Тандерволд, шестидесяти двух лет (Вот уж поверишь в «магию» чёртовой науки!) погиб, или умер от старости – правда, и его «оригинальный носитель» не может отстаивать свои права через суд, и делает теперь его новое тело со старым сознанием – чьей-то игрушкой?!

Гладиатором на потребу извращённой публике?

Или уж – объектом для каких-то изощрённых опытов?..

То, что теперь от него потребуется нечто совсем другое, чем победить кого-то в схватке, Роджер понял сразу.

А ещё бы тут не понять!

Когда очнулся от очередного беспомыслия и быстро (Уж этому – научился!) вскочил на ноги, пытаюсь сообразить, почему не дали оружия, всё и рассмотрел.

Он абсолютно наг – даже набедренной повязки, если эту чисто условную тряпочку можно было так называть, нет. Тело явно вымыто, и даже умощено какими-то благовониями – кожа прямо бархатистая, и приятно пахнет! Усталости как не бывало, словно только что проспал часов пятнадцать-двадцать. Ни песка, ни пространства Арены нет и в помине. Пол ровный, гладкий. Твёрдый. Белый. А чтоб уж сомнений в том, что от него сейчас потребуется, не оставалось никаких – вот *оно*.

Великолепнейшее тело. На огромной – с добрых шесть квадратных метров! – кровати. А больше ничего в огромной же, с добрую четверть чёртовой Арены, комнате, нет!

Только он, белая комната, постель, и женщина. На постели.

Женщина не спит. (Вот уж он удивился бы!) Смотрит на него. Выражение этого взгляда он описал бы как... Вожде-деющее. Да, точно: именно *этого* от него и ждут!

Хм-м... Странно. Возможно, конечно, что необузданный секс и является следующим испытанием, но...

Но пока он не обыщет всю чёртову кровать, не посмотрит за подушками, под матрасом, и вообще – везде, где возможно (Вдруг в стенах – имеются какие-то замаскированные ниши. С ожидающими, что он поддастся на зов того, что воспряло сейчас между ног, и свалает беспечного идиота, сволочами?!) скрываются убийцы, или оружие, он им, этим самым чёртовым сексом, пусть и с раскрасавицей, и «мечтой всех его юношеских фантазий» – не займётся! Как бы призывно она не глядела на него. И как бы капризно не заламывала бровь и хитро не улыбалась!..

Но вот комната обыскана, даже простукана, ничего не найдено, и пытаться сопротивляться позывам похоти смысла, вроде, больше никакого нет... Тем более, что женщина – действительно: божественно сложена. И лицо... Такие, наверное, и служили образцами всем этим скульпторам да художникам, лепивших или рисовавших чёртовых древне-гре-

ческих Богинь.

Тонкая, подчёркнутая изящной перетяжкой, талия. Небольшие и аккуратные груди. Чувственные, по контрасту с талией – массивные, бёдра. С шелковисто-гладкой, атласной, чуть тронутой здоровым загаром, кожей. Блинн...

Ладно, пусть думают, что хотят. (А они, проклятушие наблюдатели, наверняка подумают!) Но он поступит так, как считает нужным!..

– Неплохо. Пошёл, так сказать, на поводу своей похоти – но – с оглядкой!

– Ага. И – поступил умно. Когда обыскал её. И перетащил «девушку» на пол. (Бедная координаторша!) Потому что как...опой чуял: оттуда ей до припрятанной иглы с ядом не дотянуться!

– Да, инстинкты у него на уровне. Но, знаешь, я удивлена. Тем, что он-таки въехал ей в челюсть, когда стала сопротивляться. Я почему-то считала, что чёртов Роджер *женщину* бить не станет!

– Ну, мало ли чего ты там считала... Да и, если честно, я Анне и сама всегда мечтала. В челюсть. Так что спасибо этому Роджеру – вот уж порадовал! Хе-хе. Ладно, газ сработал. Оба спят. И спермоприёмник полон. Давай нашу любимую начальницу – в медотсек, пока семя свежее, а чёртова перестраховщика и юмориста Роджера – дальше.

Длинный коридор.

Роджер не совсем понял, как очутился здесь: похоже, снова потерял сознание прямо там, на женщине. Но – выполнив то, что было положено «выполнить». С честью!

Ну, во-всяком случае, почти очнувшаяся после хука в челюсть партнёрша очень даже натурально стонала и содрогалась в конвульсиях оргазма: приятно! Осознавать, что справился и с этим «поединком». Или – тестом. И то, что пришлось слегка «вразумить» непокорную, и никак не желавшую слезать с мягкого матраца женщину, его нисколько не смущало. Он – главный! Поэтому сделает всё так, как хочет – ну, вернее, хотел! – сам!

Встать на ноги и оглядеться удалось лишь после некоторой передышки на одном колене: голову буквально вело – она кружилась. Да и сознание мутилось. Переборщили они там с усыпляющим сегодня, что ли?..

Но что же это за коридор? И почему тот его конец, ближе к которому он очнулся, оказался глухим? Роджер не придумал ничего лучше, как подняться-таки на ноги и быстро доковылять до отдалённого противоположного конца, придерживаясь рукой за стену.

Так. Дверь. Открывается простой поворачивающейся ручкой. Он и открыл её.

Хм-м... Комната. Пустая. Странная. Ни следа привычной белой краски ни на полу, ни на стенах, ни на потолке... Сами пол, потолок и стены – голый металл. В угрожающе вы-

глядящих сиренево-голубых разводах... Ловушка? Вряд ли. Ловушку можно было бы устроить и посложней. А если б его и правда хотели убить – он бы просто не проснулся в очередной раз!

Значит – просто очередное испытание. Вперёд.

Он вошёл. Дверь медленно, явно толкаемая пружиной, закрылась. Щёлкнул замок – солидно так щёлкнул: не иначе, как запоры тут с надёжной подстраховочкой. Но...

Но тут же открылась другая дверь, в противоположном торце квадратного помещения. Роджер хмыкнул. Не заколебавшись ни на миг, вышел.

Хм-м. Ещё один коридор. А дверь за его спиной закрылась. Сама. Щелчок. Но...

Что это за странный гул и шипение донеслись из-за закрывшейся двери?!

Могучие, и басовитые – как от водопада Ниагара-фоллиз! Непонятно. Но очень уж похоже на гул и рёв мощного потока не воды, а – пламени! Роджер приложил ухо, чтоб убедиться. Да, верно: именно так и гудит пламя, мощно вырываясь из форсунок! Да и дверь – потеплела, откуда-то, вероятно, из тонких щелей по периметру, остро запахло нагретым металлом...

Дезинфекция после его прохода? Вот уж – хм-хм...

Странно всё это.

Но деваться некуда – нужно пройти очередной тест. И выжить.

Каких только он здесь, в этом странном месте, проверок уже не проходил!

Лабиринты. Многоуровневые, и с ловушками. Светлые, и во мраке «ночи».

Комнаты с логическими задачами. (О, да: он отлично понимал условия задач, которые обычно имелись на листке с Заданием при каждом столе.) Сборно-разборные звёзды, кубики с разноцветными гранями, трансформеры-механизмы: чего только он не складывал, переставлял, состыковывал из непортящихся деталей – вероятно, из сверхпрочных металлов!

Бег по псевдопустыням, саваннам, джунглям. И даже северной тундре. Сражения с животными – тиграми, гиенами, волками. А затем и – с не то – монстрами, не то – мутантами, явно выведенными кем-то искусственно. Хорошо хоть, адекватным оружием его снабжать не забывали – не то, что сейчас.

Хуже всего, конечно, оказались последние несколько дней. (Дней? Может, часов – только с перерывом на те краткие мгновения, что требовалось его натренировавшемуся телу для полного восстановления сил?!) Когда биться пришлось с... Людьми.

Он, правда, вынужден был признать определённую логику и последовательность в действиях тех, кто его таким образом «испытывал»: задания шли от простого к сложному.

И каждый следующий противник-враг был всё опасней. И

сильней. И умней.

Но что же... Ждёт его теперь – после «проверки» на «мужскую состоятельность»?!

Дверь в торце второго коридора открылась так же – простой ручкой.

Он оказался в ещё одном коридоре: широком, не менее пяти шагов, и длинном: конца в обе стороны не увидеть за плавным изгибом стен! А может, так происходило из-за странного света, словно бы не столько освещавшего, сколько скрывавшего стены и пространство внутри бело-жемчужного и как бы матового, тоннеля? Чуть ярче, конечно, чем в камере, где его содержали между тестами и сражениями. Но гораздо слабее, чем тот слепящий свет, что заливал обычно Арену.

Над головой внезапно что-то щёлкнуло – он невольно вздрогнул и присел, приняв боевую стойку для рукопашной. Но ничего не произошло.

А, нет, произошло: мягкий женский голос из-за круглой сетки на потолке, находящейся возле одного из длинных плоских светильников, сказал:

– Роджер. Повернись налево. И иди по коридору, пока не увидишь дверь с надписью на табличке «Администратор». Войди туда.

Смысла не поступить так, как порекомендовали, а сделать с точностью до наоборот, Роджер не видел. Поэтому повер-

нулся налево и двинулся.

Двери тут, действительно, имелись. Буквально через каждые пять шагов в стене располагались белые прямоугольные входы куда-то. Возможно – действительно в каюты. На дверях имелись нашлёпки с чем-то вроде пазов под ключи – явно замков! – и ручки. Таблички на уровне чуть ниже его глаз тоже имелись.

И чего только на них не было написано: «Главный психолог», «Главный анестезиолог», «Заместитель главного хирурга», «Управляющий складом», «Главный инженер холодильного оборудования», «Заместитель главного механика», и прочее в таком же роде. Табличка с надписью «Администратор» нашлась всё же раньше, чем Роджер начал терять терпение: ближе к концу этого крыла, который уже был отлично виден – как глухая и невыразительная стена, перекрывающая коридор.

Роджер подошёл и повернул ручку. Дверь открылась.

Роджер вошёл. Дверь за собой прикрыл.

Невыразительная комната. Пять на пять шагов. На полу – тонкий пластиковый ковёр. С простым геометрическим узором. Белые стены, на потолке – белый матовый плафон светильника. Из мебели – один простой пластиковый стол, да три стула.

Спартанская прямо тебе простота...

У стены – три шкафа. Нет, не шкафа: скорее, просто вместилища для хранения чего-то, уж больно напоминающего

флэшки: вон они, навалены в пластиковых прозрачных кубиках кювет, с подписанными бирками на передней стенке: «2451», 2452», и так далее – явно по годам. Во втором месте кюветы с флэшками шли по разделам: «История», «Реактор», «Двигатели», «Оранжерея», «Антенны», и ещё – всего не меньше пятидесяти. В некоторых кюветах флэшек было много, навалено буквально горой, в других – не более десятка. Странно. Третий шкаф не порадовал: кюветы оказались подписаны шифром – с буквенными и цифровыми значками. Секретные материалы?..

Хм-м...

Вряд ли. Иначе его сюда не направили бы.

Роджер развернулся к той стороне комнаты, что располагалась напротив входной двери. Подошёл ближе. Точно!

В стене имелся ещё один дверной проём: сразу и не заметишь – настолько тонкими оказались линии, оконтуривающие его. А это что – сбоку? Похоже на клавишу. Роджер нажал. Дверь, пшикнув пневмозатворами, ушла вглубь и в сторону. Он вошёл.

На потолке зажёгся плафон: похоже, сработал фотоэлемент.

Вот оно как. Комната небольшая, но обставленная куда уютней: псевдоокно со стереофотографией лесной опушки. Декорировано изящными драпировочками: тут тебе и тюлевые, и плотные шторы-занавеси. Шкаф: этот – уже настоящий, старинный, из ДСП, обитого шпоном. На полках сто-

ят... Книги?! Гос-споди! (Прости, что помянул все!)

Кто сейчас, если идёт и правда, как он видел – 2459 год, может позволить себе иметь книги? Да и кто станет читать их, зная, какой невосполнимый вред здоровью наносит невидимая и невесомая целлюлозная пыль, постоянно сыплющаяся и взлетающая с их ветхих страниц при любом их перевоороте?! Впрочем, хозяин коллекции опасных раритетов явно знает об этом свойстве книг: шкаф спереди закрыт толстыми и явно герметичными стеклянными перегородками-панелями.

А вот и доминирующая составляющая небольшой комнаты: огромная, двуспальная, и занимающая весь центр комнаты, кровать. Над ней – два светильника-бра, по бокам – тумбочки. Тумбочки умилили Роджера: классика! Уютно, ничего не скажешь.

Пол в этой комнате оказался покрыт реально пушистым и явно призванным создавать уют и расслабление, ковром. Тому, кто живёт здесь, должно быть приятно стоять и ходить по нему босыми ступнями. И этот ковёр – с рисунками и орнаментами. Роджер отлично помнил такие. В той части памяти, что отвечала за «общее устройство Мира». Нежно-коричневые и песочные тона взор ласкают и успокаивают.

Недурно. Особенно, если учесть, что в стальной коробке три на три на три, где его содержали между «использованиями», не то что кровати – лежака приличного не было. И спать приходилось прямо на полу, только отодвинувшись подаль-

ше от санитарного отверстия, из которого вечно воняло чем-то тухлым, и горелым – пластмассой, что ли. И мочой.

Роджер не придумал ничего лучше, как обследовать ещё раз все стены спальни.

Ничего.

Вышел в первую комнату. Ага, есть!

Ещё более тонкие нити контуров скрывали две каморки: одну с ванной и душем, другую – с унитазом и... Тем, что Роджер принял за биде!

Надо же! Здесь обитает и женщина! Неужели у Администратора есть жена? Любовница? И не андроидная кукла для плотских утех, а *настоящая*?! Или...

Жуткая мысль заставила Роджера содрогнуться: а ну как Администратор и есть – эта самая женщина?! Он, кинув взгляд на унитаз ещё раз, получил полное подтверждение: сиденье-то... не поднято! Так обычно бывает, только если им постоянно...

Чёрт возьми.

Во что это его теперь угораздило?!..

Проснулся Роджер от шума: в соседней комнате явственно раздавался стук каблуков по пластиковому, и поэтому тонкому, ковру. Он было подумал, что нужно встать, но потом передумал: зачем? Если его притащили сюда как раз для того, что он заподозрил, то тут ему самое и место: «использовать» его явно будут на этой самой кровати!

Стук каблуков приблизился к двери, замок щёлкнул, дверь отошла.

Появившуюся в проёме женщину никто не назвал бы привлекательной. Нет, она была и стройна, и подтянута: не больше шестидесяти килограмм. Но вот лицо...

Веяло от него какой-то суровой непреклонной решимостью, и... Да: пожалуй, можно назвать это – Чувством Долга. С большой буквы. Хотя сами черты казались и правильными, а глаза – большими и ясными, грозный, словно осуждающий, взгляд портил всё. Хотелось или вытянуться в струнку по стойке смирно, и отдать честь, или...

Банально сбежать.

Бежать Роджеру было некуда, поэтому он просто остался лежать, спокойно рассматривая женщину. А неплохо она одета. Со вкусом.

Хотя прикид и сугубо «деловой»: блестящие лайковые колготки, чёрная строгая миди-юбка чуть повыше колена, и белая блузка-кофта не позволили бы усомниться, что перед ним Администратор собственной персоной, даже если б на левой стороне груди не имелось соответствующего бейджика. Жаль, с такого расстояния нельзя было прочесть имени.

Женщине на вид можно было с равным успехом дать от тридцати до пятидесяти, но Роджер, подумав, склонился всё же к первой цифре: преждевременно наметившиеся на лице морщины не дополнялись таковыми на шее и ниже. Значит – возникли от забот, а не от возраста. Похоже, должность-то...

Накладывает ответственность.

Женщина чуть поморщилась, понимая, что её рассматривают, словно племенную лошадь. Спросила:

– Ты ел?

Голос, в-принципе, приятный. Но вот тон... Не вопрошающий, а, скорее, вот именно – командно-приказной. Суровый. Привыкший повелевать и наказывать. (Да и допрашивать провинившихся, случись таковые, наверное, помогает!) Роджер сразу почувствовал себя по-идиотски: словно он – отказывающийся раскаяться и отречься от скверны своих глупых убеждений еретик, а женщина – Главный Инквизитор.

Но ответить надо:

– Нет.

– Тогда вставай. Нужно поужинать.

Он поднялся, даже не пытаясь прикрыть наготу. Напротив: постарался упругие мышцы живота, груди, и крепкие бицепсы выставить напоказ. Женщина криво усмехнулась, действительно оглядев его от длинных стройных ног до мощной шеи, покачав головой. И сразу стала куда больше похожа на живое и чувствующее существо:

– Красавец, знаю. Брюки и трусы – в шкафу. Не нашёл? Или не захотел надеть?

Роджер решил ответить правду:

– Не нашёл.

– А, понятно. Тогда смотри: шкаф с одеждой здесь. И от-

крывается вот так. – она подошла к проёму у «окна», и провела рукой вдоль стены.

Открылась незаметная до сих пор створка, и показались полки с аккуратно разложенной одеждой и бельём.

Роджер подошёл. Только встав рядом с женщиной, он понял, что она невысока, можно даже сказать, маленькая: ему по плечо, не выше метр шестьдесят без каблучков изящных туфельек на невысоком каблучке. Это открытие удивило его, поскольку в форме она смотрелась чертовски солидно и впечатляюще. Зато теперь оказалось возможным прочесть и имя на бейджике: Диана.

– Смотри: вот это будет твоя полка. Всё, что понравится – одевай.

Роджер сгрёб пачку одежды, что лежала, выделяясь по сравнению с остальными кучками, небольшой высотой. Перенёс на постель. Разложил. Хмыкнул: тут оказались и брюки, и рубаша, и майки с трусами, и носки. Всё – мужское.

Значит, готовилась.

Да и ладно. Если всё у них будет так, как он подумал – он... Не против!

Он натянул армейскую стандартную футболку защитной расцветки, трусы и камуфляжные армейские же брюки. Женщина, пока он разбирал бельё, молчала, и стояла, не без интереса наблюдая за его нарочито неторопливыми действиями. И только когда он взглянул ей в глаза, прокомментировала:

– Всё верно. Спокойный, собранный, рационалистичный. Словом, мой идеал. – и, поскольку Роджер промолчал, глядя на неё, продолжила, – Ладно, клади всё остальное на место, и идём кушать.

В большой комнате, в одной из её боковых стен, оказался откидной стол и линия экспресс-доставки. Роджер подтащил от рабочего стола два стула: один напротив другого.

Встал за её стулом, когда она присела, пододвинул. Диана хмыкнула:

– А приятно, когда за тобой ухаживают. Спасибо, Роджер.

– Пожалуйста, Диана. Приятного аппетита.

– И тебе.

Больше никто из них ничего не сказал до тех пор, пока они не «разобрались» с едой: на первое оказалось что-то вроде зелёного борща с какой-то кисловатой травкой, а на второе – бифштекс. С отварным картофелем и зелёным горошком на гарнир.

Роджер не без удовольствия съел мясо, удивляясь, насколько оно нежно и хорошо прожарено. Подобрал с пластика тарелки соус и подливу последним кусочком отрубного хлеба, с довольным видом откинулся на спинку стула: вкусно! Не то, что белковые палочки, которыми его кормили там, в камере, и которые по вкусу напоминали самый обычный мел, пропитанный подсолнечным маслом. А сейчас Роджер чувствовал себя сытым. И отдохнуть успел неплохо. К даль-

нейшим «приключениям» «готов»!

Но женщина не спешила переходить к главному делу, как, по-идее, полагалось бы после трапезы. Вместо этого решила пояснить:

– Бифштекс, разумеется, не натуральный. Заменитель мяса, соя, костная мука, ароматизаторы и загустители... И всё такое прочее.

– Всё равно – отличный вкус. И пахнет божественно. Да и насыщает неплохо. Не то, что белковые палочки там. У меня.

При упоминании места, где, как наверняка знала женщина, его содержали, он удивился: её уши покраснели! Впрочем, с собой она справилась легко, и даже взглянула ему в глаза вполне дружелюбно. Сказала:

– Спрашивай. Ты же наверняка хочешь узнать, почему тебя не... Утилизировали.

– Ну, то, что меня должны были, как ты изящно выразилась, «утилизировать», мне стало понятно после того, как там, за стальной дверью, зашипели горелки. А то, что спасла меня именно ты, я понял по голосу. Он у тебя вполне приятный, несмотря на стальные начальственные нотки. И узнаваемый. А спросить я хотел вот о чём: когда ты... Как бы это поизящней... натешись со мной, меня всё равно...

Утилизируют?

Диана всё же вспыхнула – на этот раз краска затопила всё лицо и перешла на шею, за которую она вдруг схватилась рукой – словно женщине стало трудно дышать. Когда снова

взглянула ему в лицо, в глазах стояли слёзы:

– Я... Прости. Наверное... – она моргнула раз, и другой, – Боюсь, я не смогу сохранить тебе жизнь, как бы мне не хотелось! Мне всё равно придётся. Да, отправить тебя на... утилизацию. Потому что через три недели будет очередная по-вальная чистка и проверка, и тебя так и так обнаружат!

Роджер не стал показывать, что разочарован или обижен:

– Понятно. И... Сколько их, несчастных секс-игрушек, было до меня?

– Никого! Нисколько их не было! – женщина действительно рассердилась, закусив губу. С гневным взором она напонила какую-нибудь древнюю фурию. Но молнии её взор метал недолго: похоже, спохватилась, что по должности не по-ложено проявлять столь открыто эмоции, и даже улыбнулась почти нормально, а не наиграно, как вначале, – Ты у меня – первый!

– А... Что же надоумило тебя, уважаемая спасительница, оставить меня... Для себя?

– Если честно, ты... Хм-м... Ну, понравился мне. Ты – рационалист. Как и я сама. Но ты можешь быть и поразительно смел и азартен! Как я сама могу только... Мечтать.

Да и лицо твоё... Вполне приятно. А кроме того, я, как пятое лицо на Станции, тоже имею кое-какие привилегии. И своё представление о субординации: чего можно, а чего нельзя высшему Персоналу Станции.

Почему эта с-сучка, Координаторша, может заводить лю-

бовников, а я – нет?!

– Ага. То есть то, что я пока остался жив – свидетельство и твоего благорасположения, и твоего... Статуса?

– Ну... В какой-то степени – да. И того, и того. – она отвела взгляд. Роджер легко догадался, почему женщина так смущается и сердится, несмотря на этот самый «Статус». Всё-таки женщина – всегда женщина. Какой бы властью её не обличили, и как бы тщательно она не пыталась контролировать свои эмоции. Им-то как раз – не прикажешь!.. Даже если их почти незаметно нетренированному наблюдателю, вроде подчинённых, Роджер-то – тренированный! Он научился читать микромимику тела и лица ещё тогда – в той жизни. Оказалось очень полезно. И для работы, и в «быту».

Ну а главное – вряд ли то, что ему сейчас втюхивают про «спасение» – правда. Скорее, заготовленная и отрепетированная Легенда. И именно от осознания того, что она ему её «втюхивает», женщине и некомфортно.

Но чего же от него хотят кроме?.. Или – больше ничего, но – чтобы *много!*..

Роджер долго и пристально глядел в красивые, большие, и сейчас чуть покрасневшие глаза. Вздохнул. Сказал:

– Ладно. Настаивать не буду. Не хочешь – не говори.

– Чёрт! Ты... Ещё и умён и хитёр. Когда догадался?

– Когда ты открыла дверь в спальню. Несмотря на всю твою «сдержанную деловитость», еле слышный вздох облегчения у тебя вырвался.

Женщина невольно покачала головой и дёрнула плечиком:

– Зар-раза ты, Роджер. Циничен. И наблюдателен.

– Что есть, то есть. Без этого не выжил бы.

Он ласкал её неторопливо, с чувством, с толком, с расстановкой.

Знал, что не должен пока ни пугать излишним напором, ни изображать «мечтательного и романтического воздыхателя». А вот именно – умудрённого и опытного любовника. Профессионала.

Когда они вылезли из ванны, где он долго и тщательно намыливал а затем и смывал пену с её поджарого и стройного тела, заодно оглаживая и массируя то, что полагалось оглаживать и массировать, она уже только молча моргала, учащённо дыша: явно не могла дожждаться!..

Роджер постарался даму не разочаровать: всё для этого у него имелось. В «рабочем» состоянии.

Разумеется, делать это с ней было и приятней, и спокойней, чем с подсадной уткой.

Ну, он и расстарался. Как говорится, раз уж ему всё равно умирать, (А он, собственно, в этом и не сомневался – ведь не мог же он в самом деле рассчитывать всегда побеждать всё более и более сильных противников!) грех не воспользоваться.

Тем более, что он и сам получал вполне адекватное удо-

вольствие. Поэтому к жарким поцелуям и ритмичным движениям он вскоре подбавил и нешуточного напора, стиснув ладонями так, что она чуть вскрикнула, упругие груди, навалился уже всем весом, и даже зарычал: ему всё это тоже нравилось!

Диана задышала, часто-часто, прерывисто. Затем заби-лась, закричала: тоненько, жалобно – и её тело изогнулось дугой! Роджер поспешил подсунуть под талию руку, а затем – и подушку. Но не остановился. Только чуть сменил направление движений.

Не прошло и минуты, как женщина снова завопила: уже в полный голос, мышцы напряглись, и судороги мощного орга-зма чуть не сбросили Роджера с её тела.

Надо же. Она не играет – *так* симулировать нельзя.

Роджер, конечно, испытал вполне простительное чувство удовлетворения – нет, он не сомневался, конечно, что как самец он вполне состоятелен и «породист» – восемь дюймов всё-таки! – но никакое очередное подтверждение не бывает в таком деле лишним.

Он решил себя пока до логического финала не доводить – её оргазм сейчас важнее его. А сейчас его лишние движения могут только испортить «девушке» праздник. Особенно не хотелось бы этого, если он у неё действительно – первый.

Он нежно отстранился, прилёг рядом.

Диана застонала, развернулась к нему лицом. Он смотрел на неё не отрываясь.

Да, глаза у неё очень красивые. Большие и густо-зелёные. И сейчас, с расширившимся почти во всю радужку зрачком, и словно тронутые поволокой, смотрятся бесподобно. Он мягко провёл ладонью по её шелковистым и всё ещё влажным после ванны волосам. Провёл кончиками пальцев и по нежной коже щеки. Улыбнулся. Открыто и искренне. Разлепил высохшие губы:

– У тебя очень красивые глаза. Выразительные. Ты можешь не надевать маску: я вижу, что ты очень чувствительна. И ранима. Как тебе удаётся скрывать это там, на работе?

Она поморгала. Вздохнула. Но голос прозвучал спокойно и мягко:

– Там – мне легко. Скрывать это. Ведь вокруг – одни эти с-сучки. И ни одного мужчины. Вот и приходится тоже... Изображать. С-сучку. Чтоб не выделяться.

– Странно. Я и раньше догадывался, конечно, что что-то не так с этим миром. Раз меня, как крысу, гоняют по лабиринтам, проверяют на сообразительность, да стравливают с бойцами-гладиаторами. Которые всё сильнее и проворней. А это вы, амазонки недоделанные, так отбираете себе на потеху «элитных самцов».

Диана вспыхнула. И на какое-то время потупилась. Полные чувственные губки надулись. Но она нашла в себе силы снова взглянуть ему в глаза:

– Нет. Всё не так. Думаю, ничего не случится, если я скажу тебе правду. Мы так отбираем элитного... Не самца-тра-

хателя. А просто – донора спермы.

Сперму эту замораживают. В жидком азоте. И потом этой спермой «осеменяют» носительниц. Разумеется, здоровых и молодых. Избранных в производительницы потомства, и прошедших все положенные медицинские тесты и проверки.

Роджер криво усмехнулся, откинувшись на подушку:

– Понятно. То есть всё у вас происходит примерно так же, как во времена примитивного сельского хозяйства. Три века назад, в моё время, по такой методике осеменяли коров. Бык должен быть призовой и матёрый. Так?

– Ну... Аналогия уместна, (Какой же ты пошлый циник!) – она хмыкнула, покачав головкой, на лице появилась невестёлая, но – улыбка, – А поскольку мы законодательно запретили мужчин, вот и приходится... Идти на хитрости. Для вот того, чем мы только что...

– Это – как так? В-смысле – почему *вы* «запретили» мужчин?

– Ну, это-то понять тебе будет нетрудно. Ты же ещё и рационалист. Это ведь вы, мужчины, развязали последнюю, и самую страшную и разрушительную, войну. Из-за которой мы не сможем жить на планете ещё как минимум двести лет.

Роджер намотал на ус. Но решил всё-таки уточнить:

– Так мы сейчас – не на Земле?

– Нет, конечно. (Как это ты до сих пор не догадался. А, знаю: гравитация поддерживается такая же, как там, внизу. Чтоб не отвыкали мышцы!) Мы – на Станции, которая вра-

щается, конечно, вокруг Земли. На геостационарной орбите, над всем тем наследием, что осталось на более низких орбитах – спутниками связи и военными. Которые с оружием. И над облаком космического мусора. Так что мы сейчас – в восьмидесяти шести тысячах километрах над поверхностью. И регулярно посылаем туда зонды. Для контроля уровня радиации. И температуры.

– А что там – с температурой?

– Всё ещё ниже нуля. Даже на экваторе.

– А как – океаны? Замёрзли?

– Ну... Нет, конечно. Замёрзла только часть океанов. Те районы, что возле полюсов – ну, немного выходя за сороковые широты. А так-то... Шторма, конечно, там сейчас ужасные. И тучи. С ливнями и снегом. Но на суше ещё хуже. Коегде толщина снежного покрова доходит до пяти метров... Слышал же, наверное, про «ядерную зиму»?

Роджер в своё время чего только не слышал. И чего только не обнаруживал в своей «памяти». (Какое счастье, что потеряно при снятии матрицы, вроде, совсем немного! Причём в основном такого, что относилось к последним годам жизни. Поэтому всё, чему научился в школе, и в Университете Джона Гопкинса, помнил отлично.) Спросил:

– Стало быть, намечаете всё-таки возврат назад, на «альма матер»?

– Разумеется. Нам так и так придётся. Поскольку никакие наши здешние оранжереи, парники, и теплицы не дают в

нужных объёмах «натурпродукта». Да и полноценность нашего рациона... Ну, там, микроэлементы, энзимы, соли всяких разных металлов... Оставляет желать. Вот и выходим из положения, применяя замкнутый кругооборот веществ. Что выросло – съели, а что... э-э... выделили – на перебраживание, а затем – переработку калифорнийскими червями в компост. На котором снова растёт. Благо, оранжереи-теплицы у нас получают солнца вполне. Достаточно.

– Понятно. А мясо? Мы же ели – мясо?

– Я же тебе про мясо уже рассказала. Никакое оно не мясо.

– Точно. И что? Совсем натурального нет?

– Ну почему же. Там, в первой оранжерее, «пасётся» и стадо кур. Вот их, родных, мы – ну не все, конечно, а только руководящие работники! – и потребляем.

– Стало быть, повезло мне. С тобой. Глядишь, и жаренной ножкой угостишь. Если постараюсь. – он скосил глаза вниз.

– Пошляк.

– Ты это уже...

– Знаю. Но в определённом смысле – да. Повезло тебе. Потому что обычно тех, кто из доноров спермы прошёл все тесты, был признан подходящим, и сделал своё дело, утилизируют сразу. Чтоб не тратить лишних продуктов и кислорода на их содержание.

Роджеру захотелось спросить о... Но спросил он о другом:

– А откуда, кстати, вы берёте весь нужный кислород?

– Вот с этим, кстати, (А ты зришь, как я уже отмечала, в

корень!) проблема. Ты прав: теплица-оранжерея не столько даёт кислород, сколько съедает его – что бы там ни талдычили древние экологи про то, что растения его выделяют. То, что они выделяют, они же сами на самом деле и потребляют. Ночью. И никакая хлорелла не восполняет *всего*.

Поэтому примерно раз в три-четыре месяца нам придется посылать на планету большую транспортную ракету. Она, к сожалению, тоже недостаточно большая – не может загрузить за раз больше двухсот тонн воды. Но мы её, в смысле, воду, тут с помощью электролиза разлагаем на кислород и водород. Заодно и соль выделяем – нужную для пищи.

Кислородом, после долгого карантина, и окончательной очистки от радионуклидов с помощью фильтров, дышим. Ну а водород – сжигаем в энергоустановке. Потому что не всё нужное нам электричество дают солнечные батареи. Ведь со временем их КПД падает, а новых мы сделать не можем. Нет промышленной базы. Да и специалистов.

– Стало быть, вам нужно продержаться тут, на орбите, ещё двести лет. – это был не столько вопрос, сколько утверждение. Она кивнула:

– Как минимум. Пока фон не спадёт до нормы. И не исчезнет снежный покров. И почва не оттаёт на нужную глубину. И зёрна злаков, которые тут у нас хранятся в жидком азоте, станет можно высадить.

– Понятно. – Роджер сделал вид, что «лекция» по выжива-

нию обитательниц Станции слегка утомила его, и даже позволил себе прикрыть ладонью якобы подавленный зевок, – А сейчас мы чем займёмся?

– Ну... Если честно, я ещё не совсем отошла от... – Диана, мило выпучив губки, тоже взглянула вниз, туда, где одеяло прикрывало её бёдра и животик, – Всё-таки ты у меня – первый! Поэтому думаю, будет лучше, если мы просто поспим. Чтоб отдохнуть. А то у меня шевелятся – только пальцы. Ну, и немного – язык и мозги.

Роджер ухмыльнулся широко и открыто:

– Да уж, острячка ты моя доморощенная. Отдохнуть – нужно. Чтоб набраться новых сил перед трудовыми буднями. – Точно.

Ощущать, как головка с высохшими пушистыми после мытья волосами мирно прикорнула у него на плече где-то возле подмышки, было приятно. Так же, как и чувствовать нежное тепло, идущее от мягкой ляжки, покоящейся сейчас на его усталых чреслах. Однако вот думы о своём будущем вовсе умиротворяющими и милыми назвать было ну никак нельзя.

Роджер, расслабив тело, которое как-то само укачало и усыпило еле слышно сопящую ему в грудь партнёршу, рассудку расслабляться не позволял. Жить почему-то хотелось.

Может, нужно рассматривать то, что с ним случилось, просто как ещё один тест? На выживаемость. Что, если по-

пробовать «приручить» облечённую высокой властью женщину, и попытаться уговорить её помочь ему? Сбежать. Когда там, интересно, очередной рейс «за водой»? Или...

Или на корабль, забирающий воду, пробраться окажется совсем уж невозможно? Да и существует, конечно, вероятность того, что в тех местах, где эта посудина сядет, жить или высадиться будет нереально. Поэтому в первую очередь нужно разузнать. Всё, что возможно разузнать. О месте посадки. О дате. О планете. О тех местах, что там, внизу, в восьмидесяти шести тысячах кэмэ, сохранились лучше всего. Или оказались не столь сильно заражены. Ну, и, разумеется, переохлаждены.

Затем. Нужно ещё разузнать о его «статусе» здесь.

Может, Диана приврала? И на самом деле представительницы эшелонов высшей власти регулярно что-то вот такое и проделывают? Ну как же: «прелести натурального секса» – не просто образное выражение. А и правда – неплохая встряска иммунной системы, нервов. Отличная зарядка для тела. Да и просто – приятны: он смеет надеяться, что и другие «элитные самцы» не ударили лицом в грязь в этом плане: «элитные» же!

Отборные, то есть.

Интересно: может ли такая как Диана – забеременеть?

И если забеременеет – не повлияет ли это на её... Статус? Социальное положение в иерархии Руководства колонии, живущей на Станции? Могут ли её повесить? Пони-

зитель? Или вообще – деклассировать и низвести до положения низшего персонала?

А ещё Роджера интересовало – КТО ОН?!

Он сам.

Как и почему он оказался здесь? В этом месте. В этом теле.

Он отлично помнил, что раньше его мозг принадлежал кое-кому другому.

И настоящему ему, Роджеру Тандерволду, инженеру-строителю, пусть в юности и увлекавшемуся айкидо и йогой, было на момент снятия матрицы с мозга – шестьдесят два года.

И тело его в этом возрасте имело солидный пивной животик, возникший отнюдь не на пустом месте, а в связи с хорошим, благодаря высокой зарплате, питанием. И питьём. А весило оно, это тело, более ста десяти килограмм. А уж о накачанных мышцах и поджарой фигуре, каковая сейчас наблюдалась у его нынешнего, чужого, молодого и явно не старше двадцати лет, тела, речь не шла даже в случае применения тренажёрного зала или массажей со всякими прочими процедурами для «нормализации» «физической формы». И кое-каких «странностей» только клонированием объяснить уж точно нельзя. Да, вот они – бородавки. Но!

Куда делись метр девяносто один – роста?! И почему не растут усы и борода?!..

Нет, он отлично помнил, как очнулся однажды здесь, в

каморке с низким потолком, и размером три на три шага, как вскочил с пола, как тыркался во все углы, думая, что это друзья расстарались: к его Дню Рождения сделали вот такой вот сюрприз, подшутили, якобы «наказав» за слегка – или уж не слегка! – нездоровый образ жизни, и ограничив его «сексуальную свободу».

Но эта мысль быстро прошла, когда на потолке зажёгся тусклый светильник, и он смог рассмотреть своё нынешнее тело, прикрытое одной набедренной повязкой в виде простой полосы грязно-серой обветшавшей материи – явно старой и истрёпанной половой тряпки! (Унизительно – что одели даже не в обноски, а в!..)

Тело на ощупь казалось молодым, кожа и мышцы – упругими. И весило это новое тело явно не более семидесяти кило. (А сам-то он в свои двадцать был – на добрых десять-пятнадцать – побольше!..) А рост тело имело лишь под метр восемьдесят – куда ниже того, что было! Зато вот мускулы рук и ног выглядели впечатляюще.

Но вот как оказалось возможным вселить его сохранённый Разум в это не совсем, конечно, чужое, и молодое, и подправленное, тело, Роджер пока никакого представления не имел.

А больше всего недоумевал – кому и зачем это понадобилось?! Особенно с учётом всех идиотских тестов и испытаний, что выпали на его долю до того, как начались бои.

Недоумение, правда, длилось недолго: как раз до поедин-

ка с первым человеком, на который его выгнал раздражённо-лающий женский голос с потолка, и почти ставшие привычными разряды электрического тока, бьющего в пятки из пола. По коридору к арене его гнала какая-то механическая тележка с манипуляторами. Что в её четырёх конечностях зажаты боевые электрические плётки, Роджер тоже усвоил быстро.

Первого противника Роджер запомнил хорошо: коренастый крепыш с него ростом, но как раз с таким телосложением, как было у него до... Преображения. То есть – без особых мышц, и с небольшим животиком. А поскольку мужчина, вооружённый саблей в стиле древних монголо-татар и крохотным щитом шутить явно не собирался, и сразу накинулся, вопя, и располосовал живот и руку Роджера порезами и царапинами от острейшего лезвия, пришлось «засучить рукава», взяться за катану, что оказалась тогда в его распоряжении, да и разрубить голову обидчика на две неравные половины...

После этого Роджеру пришлось заснуть «принудительно» в первый раз: он тогда и не понял, что это – действие усыпляющего газа. Подстраховочка, так сказать, организаторов «гладиаторских боёв». От бунта победителя.

Но потом, очнувшись вновь в своём закутке, он был удивлён: обнаружил, что наиболее глубокие разрезы на теле аккуратно зашиты, а царапины чем-то заживляющим заботливо смазаны.

Догадаться, что предстоят новые сражения, оказалось нетрудно.

Как и понять, что если хочет пожить подольше – нужно не тянуть кота за ..., и не рефлексировать, а убивать врага. Не допуская даже мысли о том, что этот враг – «тоже человек»!

Цели его «воссоздания» в «подкорректированном» виде он тоже вычислил довольно быстро: чтоб лучше сражался. И обладал большими возможностями.

Отдыхать ему тогда, и приходить в себя, позволили около трёх дней. Как понял Роджер, отнюдь не из человеколюбия. А просто для того, чтоб хорошо зажили раны, и он мог полноценно пользоваться телом в последующих битвах.

А всего таких битв, с противниками-людьми, или для разнообразия с животными в виде пантеры, леопарда, и львицы, (очень, нужно признать, свирепой и умелой!) оказалось двенадцать.

И последний противник, как тоже понял Роджер, в свою очередь вышел победителем – уже в своей «Олимпийской серии».

Недаром же оказался столь шустрым, расчётливым и умелым.

Ладно, узнать то, как он попал в это тело сейчас, в связи с чётко обозначенной Дианой позицией насчёт его дальнейшего возможного существования, представляется не столь существенным. Куда важней вопрос, как ему это новое, прекрасное и молодое, тело – спасти. Потому что его «пользова-

тельница», похоже, ничего не приукрасила: он действительно должен был пойти на «утилизацию». После того, как выдал положенную порцию. Семени. И пусть на его взгляд это – излишняя роскошь: получить со столь тщательно отобранного бойца и производителя лишь одну, первую, порцию этой самой спермы, местных руководителей, а точнее – руководителей, его частное мнение в вопросе о сохранении его жизни вряд ли впечатлит.

Поскольку методика за прошедшие триста лет явно отработана.

А кроме того, он и правда не знает, на скольких «носительниц», и за какой срок его семя распределяют. (Верно: ведь здесь, на Станции, число живущих не может быть особенно большим – вот именно: ресурсы! Пища, кислород, вода... А уж число «избранных» производительниц так и вообще – наверняка лишь какие-то проценты от общего числа обитательниц.) Кто знает – может, такой порции хватает лет на десять? Двадцать? Сто? Где-то он читал, что количество сперматозоидов у «активного» производителя семени может доходить до восьми-десяти миллионов...

Однако раз уж его спасли, и он выжил, глупо не подумать о том, *почему* местное руководство не учло все плюсы от сохранения таких как он: постоянная возможность «естественного» оплодотворения, прелесть «естественного» секса, с автоматической регуляцией гормонального баланса «обработанных» им, и предохранение от всего остального негатива

– в виде депрессий и головных болей. Да и мыслят мужчины куда рациональней.

Стоп. Вот оно!

Вероятней всего те «производители», которых, возможно, хотели сохранить до него, как раз и пытались.

Повлиять на решения руководства. Навязать своё, рационалистическое, видение ситуации. Может, даже пробовали поднять что-то вроде бунта?.. Хм-хм... Зная мужчин, последний вариант представляется как раз самым...

Тогда становится понятно, почему здесь ввели такие жёсткие правила и законы.

Во избежание, так сказать. Повторения ситуации с планетой.

Чёрт! Облажались они там, на Земле, значит. «Сильная» половина человечества.

Обидно. С другой стороны мнение женщин по поводу того, кто виноват в гибели планеты и цивилизации, не лишено прагматичности. Всё вполне логично: кто же ещё служит в Армии, Флоте и Авиации?! Мужчины. Кто агрессивен, и вечно бряцает оружием? Солдаты. Кто всем рулит и управляет? Политики.

А кто нажал на красную кнопку? Президент.

Наверняка – мужчина. Иначе, если б это сделала женщина, и свалить вину оказалось бы не на кого. А так...

Очень удобно: во всём виноваты эти самовлюблённые и тупые козлы. Мужики.

И вот он – в самом сердце, так сказать, новой цивилизации. Построенной на совершенно иных основополагающих принципах. Моногамии.

И всем вокруг заправляют женщины. Амазонки.

Новые амазонки.

Когда-то он даже читал фантастический рассказ, который, кстати, так и назывался. Или это был фильм?.. Да и в древности... Точно: было такое племя. С ним ещё воевали какие-то древне-римские греки. Или – греческие герои... Геракл, что ли?.. Неважно.

А важно, что воспроизводились эти амазонки как раз с помощью мужчин. Из соседнего племени. Насколько он помнит – добровольцев. Которые приходили совокупляться на определённое место, и – только раз в год. И к которым потом, чтоб не убивать, относили родившихся мальчиков.

А нынешние дамы, стало быть, опыт предшественниц учили. И «размножаются» только с помощью спермы «отборных» самцов-производителей. *Не* добровольцев.

Проклятье!

Ситуация парадоксальная, и если посмотреть непредвзято – где-то даже смешная. Но ему почему-то не смешно. Да и усомниться в реальности происходящего невозможно!

Остаётся только думать. И смотреть, насколько эта... Диана... Способна поддаться на его «чары». И пытаться вычислить, может ли она ради него и всего того, что он может дать ей, отказаться от льгот и преимуществ своей должности. И

забыть о Долге перед соплеменницами...

Где-то в этом месте своих рассуждений он и уснул.

Утром Диана растолкала его:

– Вставай! Нам нужно позавтракать, и я уйду на работу. Дверь не открывай никому! Что бы ни случилось! А я приду – открою ключом. Сама.

Роджер покивал, соображая, *кто* тут может к нему прийти в гости. Хе-хе...

На завтрак оказалась каша – на вкус она, конечно, походила на овсяную, но он понял, что всё же – не овсяную, а только – вот именно – похожую. Подсознание, которое теперь отлично знало, что «натурпродуктов» на космическом корабле быть не может, придирчиво выискивало отличия: и комочки-то зёрен ему не такие, и вкус... Не тот.

Тосты со сливочным маслом, впрочем, от обычных практически не отличались: наладили они тут, что ли, промышленное выращивание пшеницы для выпечки хлеба?

Как ни странно, за завтраком почти не разговаривали. Только обменивались взглядами.

Роджер старался смотреть на партнёршу как кот на сметану, а она...

Она почему-то отводила глаза, и улыбалась... Как-то затравленно.

Ну не должна женщина, получившая вчера всё, что положено получить – улыбаться и смотреть на *своего* мужчину –

вот *так!*

Когда дверь за ней закрылась, Роджер окончательно понял, что проиграл.

Проиграл, ещё не начав кампанию по «приручению» де-вушки.

В чём же дело? Что он сделал не так?! Может, нужно было растолкать её и среди ночи?!.. Или – утром продолжить «приручение»?!

Подумав, он приступил к тщательному и методичному обыску.

И нашёл ответ. В спальне.

В третьем из стальных шкафов, на полке, где хранились прокладки и нижнее бельё в виде трусиков, за упаковками стерильных бинтов, он и нашёл его. Фалоимитатор.

Размер поразил Роджера: а дама-то предпочитает... Не мелочиться! Возможно, поэтому его старания и не увенчались «полным успехом»: чёртова хреновина с приспособлением для вибрации оказалась на добрый дюйм длиннее, чем у него. Да и толще.

Всё ясно. Рассчитывать, что ему удастся «подсадить» именно эту даму на его «натурпродукт», нереально.

Так что? Ему придётся подыскать другую обличённую властью, и жаждущую предаться прелестям «естественного» секса, начальницу?

Но как это сделать?

А точнее – как ему сделать это так, чтоб его не обнару-

жила первая же встречная амазонка, и не подняла тревогу, в результате которой его так и так отправили бы на утилизацию?! А Диану – на уборку туалетов до конца жизни?

Нет, он не сердился на «умыкнувшую» его женщину. Он – реалист. И отлично понимает: той просто хотелось... Попробовать. Хоть раз в жизни. Того, чего у обитательниц Станции не было более трёх веков.

И теперь, попробовав, и слегка разочаровавшись, она просто сдаст его.

Возможно, даже уже сегодня.

Он вернулся в большую комнату. Продолжил обыск. Но ничего существенного больше не нашёл.

Ни того, что могло бы пригодиться как оружие, ни инструментов, ни запчастей.

А обследовав комнату тщательней, обнаружил, что его опасения насчёт контроля персонала подтвердились: пусть в углах комнат и не было видеокамер, за решётками вентиляции в обеих комнатах и ванне имелись чёрные штуквинки с проводками, уж больно похожие на чувствительные микрофоны.

Понятно. Стало быть, Служба Внутренней Безопасности имеется и в «идеальном» Обществе. Которое настолько идеально и совершенно, что не доверяет даже своим руководящим членам настолько, что цинично, и без зазрения совести вторгается в их частную жизнь и личное пространство. Ста-

ло быть, их вчерашние «охи-вздохи», да и разговоры, местное подразделение секретной службы отлично слышало. И сейчас может просто прийти и арестовать его. Впрочем, зачем его арестовывать: отправят сразу на чёртову утилизацию – как пить дать!

Он сел на один из стульев. Лицо наверняка покраснело, и под кожей щёк ходят желваки. Да и кулаки сжимаются – словно сами собой.

Но об этом хотя бы никто не узнает. Да и лицу можно позволить грызть губы, и подводить глаза к потолку, и скалиться: никто его не видит. А мимических проявлений в микрофоны, какими бы чувствительными не были, не слышно.

В дверь аккуратно и тихо постучали.

Он невольно вздрогнул. На цыпочках подошёл поближе, приложил ухо к двери.

Стук раздался снова: на этот раз чуть громче. Он удивился: ухо, приложенное к двери, различило и тихий шепот:

– Роджер! Роджер, если хочешь жить – открой дверь!

Голос оказался незнакомый, но куда более живой, чем у администраторши.

Роджер подмигнул сам себе, ехидно улыбаясь.

Он уже примерно представлял, что ему сейчас предстоит!

Рассудив, что он не против, и терять-то особенно нечего, мягко, чтоб не щёлкать, открыл замок.

Молодую женщину, почти девушку, миловидной ну никак

назвать было нельзя.

Лицо пересекал глубокий и словно набухший по бокам разреза шрам, идущий со лба на подбородок, деля безобразным рубцом правую щёку, и деля верхнюю губу похожей на заячью. Поражала и странная бледность кожи: женщина казалась буквально зелёной. Зато миниатюрная фигурка выглядела великолепно: точёная талия, крутые бёдра, очень длинные относительно тела, ноги. Грудь... Тоже наличествовала. Хотя и первого размера, но очень пикантно пучившаяся на соответственных местах комбинезона маленькими сосками. Пропорциональная и сексапильная фигурка: ничего не скажешь! Хотя и невысокая: едва ему по плечо – даже ниже Дианы. Такая весит, наверное, не больше сорока пяти. Что не мешало её отлично подогнанному комбезу подчёркивать вполне выдающиеся достоинства. В тех местах, где им полагалось быть.

А главное, что сразу понравилось Роджеру – так это то, что на куклу-биоробота для раздачи команд эта девушка похожа уж точно не была! На лице её вспыхивали самые разные эмоции: гнев, волнение, страх. И явно – желание что-то сделать. Побыстрее.

Убедившись, что Роджер её осмотрел, женщина кивком пригласила его в коридор.

Роджер вышел, оставив, однако, дверь приоткрытой: мало ли! Вдруг придётся там снова прятаться? Спасаясь от этой... Гости. Или той же Службы Безопасности.

Женщина вытащила из-за спины левую руку. Там оказалось нечто, очень даже похожее на оружие: на древний УЗИ.

Роджер почувал, как его глаза прищурились, и руки напряглись, готовясь выбить оружие, если дуло будет направлено на него. Но он заставил себя пока замереть.

– Это – автоматический пистолет. – девушка сунула УЗИ Роджеру в руки, – Может стрелять и одиночными и очередями. Вот: переключатель. А это – предохранитель. А вот и запасная обойма. – он кивнул, и спрятал обойму в свободный карман – он так и вышел как был: в одних штанах и футболке. И босиком.

– Если хочешь жить, идём. – её шёпот казался напряжённым. – Расскажу всё по дороге. А то – сам уже всё понимаешь: прослушка! А в коридоре её нет.

Роджер не колебался: так рисковать может только женщина, отлично знающая, чего хочет, всё спланировавшая, и твёрдо уверенная в своих действиях.

Сказал лишь:

– погоди. Я одену обувь.

Обувь он одел. А заодно метнулся к шкафу, и сделал кое-что ещё – благо, это заняло не более двух секунд.

Пока они быстро шли по пустому широкому коридору, он спросил только одно:

– Почему в коридоре никого нет?

– Все на работе. Занимаются своим делом. Сейчас – сере-

дина первой вахты. На это я и рассчитывала. Ну и ещё, конечно, на то, что сейчас все двери жилых кают заблокированы, а дежурный офицер Службы Безопасности лежит связанная в туалете. С кляпом во рту.

Роджер впечатлился, но виду не подал: пока что его дело – исполнять команды. Потому что он не владеет ситуацией. А девушка – владеет.

Они дошли до конца коридора, и женщина кивком головы показала Роджеру, чтоб он следовал за ней. Сама же нырнула ногами вперёд в колодец-тоннель, открывшийся при нажатии кнопки в стене, и ведущий вниз и вверх.

– Если что – притормаживай прямо локтями и ногами!

Роджер не замедлил послушаться.

Через минуту плавного спуска, он оказался на одном из нижних уровней, о назначении которого догадался сразу: палуба спасательных и десантных кораблей. Именно их горбатые, и мало изменившиеся за триста лет силуэты и торчали тут повсеместно, стройными рядами. Женщина, хмурившаяся, и, казалось, что-то нехорошее предвкушавшая, сидя за одним из массивных корпусов, сделала ему жест рукой. Он подполз. Выглянул.

Ага, понятно. Действительно: хорошего тут мало.

– Это – наш единственный сейчас шанс. Подготовленный на экстренный случай и полностью заправленный горючим, спасательный бот. На остальные горючего уже не хватает. Вон те три дуры, – кивок головой, – охрана. Они ничего

спрашивать не будут, а сразу начнут в нас стрелять. Поэтому уж будь любезен: не сюсюкайся с ними, а просто – пали! Целься прямо в грудь!

Им ничего не сделается! Ну, кроме, может, потери сознания: они – в жилетах!

А уж вывести бот в космос и потом приземлиться – моя проблема.

Задача понятна?

Роджер кивнул.

«Дуры» действительно вскинули пушки и попытались в него пострелять.

Пришлось продемонстрировать, что не зря существует поговорка о мужском инстинкте к любому оружию: он потратил ровно три пули, и вся троица грохнулась на палубу, не потеряв, впрочем, как он понадеялся, сознания. Но не оставляя попыток встать, или попытаться снова прицелиться, пусть и лёжа. Он поразился: отдача его крошечного оружия была чудовищной, но и действие пуль, попадавших в тела, оказалось реально убойным: плотные и явно мускулистые женщины отлетали буквально на два-три шага – словно их лягнула лошадь! Даже удивительно, как от такого удара эти амазонки ещё оставались в сознании! Особо тренированные и противоударные они тут все, что ли?! Ладно, некогда спрашивать! Нужно работать!

Роджер наступил на руку, пытавшуюся приподнять что-

то вроде такого же как у него, автомата, и вырвал оружие из кисти женщины, казавшейся постарше и глядевшей особенно злобно. Не иначе, как начальница поста. Затем присел на колени, и вырубил вредную охранницу весьма приличным ударом в челюсть. Ему хотелось гарантий полной безопасности...

Двух остальных «добила» его напарница, просто въехав со всего маху кованым носком полусапога – тоже в челюсти упавших. Она-то не «миндальничала»!

– Я уже говорила. Они – в бронежилетах. Компенсирующих. Поэтому и не «вырубались». Но нам нужно как-то обездвигнуть их, пока не уберёмся отсюда. Со Станции.

Роджер снова кивнул.

Синтетический прочнейший шнур нашёлся в под сумке «злой» женщины.

Роджер её же ножом разрезал его на шесть частей, и тщательно скрутил руки и ноги «вырубленных». Он теперь тоже не разводил сантиментов, и вязал туго: как объяснила его напарница, сюда скоро всё равно прибегут по тревоге – взвод дежурных от СБ, и бригада техников: после старта бота на контрольной панели в рубке сработает сигнализация.

– А что там у нас с видеонаблюдением из рубки? За внутренним пространством?

– А с этим у нас всё отлично, – его напарница, обыскивающая охранниц и перекладывавшая всё экспропрированное

в сумку, тоже снятую с одной из женщин, подмигнула, – Всё посдыхало ещё восемьдесят лет назад!

– Ты-то откуда об этом знаешь?

– Ещё бы мне не знать. Я сейчас – исполняющая обязанности начальника отдела технического обеспечения. Вот и воспользовалась служебным положением: зашла в дежурку к эсвэбэшницам, якобы потрепаться о работе микрофонов, а потом, когда по звукам поняла, что ты микрофоны нашёл, позвала их начальницу в туалет. Якобы посплетничать о нашей Главной. Ну, о начальнице Станции. И Координаторше. А там – въехала ей электрошокером в задницу, и тоже, как ты – в челюсть. А верёвка-то у меня была приготовлена заранее.

Вот в одной из кабинок она сейчас, надеюсь, и отдыхает.

Пока женщина рассказывала, посмеиваясь, и похмыкивая, они закончили свои дела. Роджер встал. Напарница тоже.

– Ну что, «элитный» самец? Готов к побегу на родимую праматерь Землю?

– Ну – так! Вперёд?

– Вперёд. – Впрочем, энтузиазма в голосе своей спасительницы Роджер не слышал.

А если честно, то и сам его не особо испытывал.

Но не оставаться же действительно здесь, в ожидании вот именно – «утилизации»?!

Потому что в том, что с ним рано или поздно отчаянные и фанатичные амазонки из СВБ справятся, он не сомневался.

Потому что убивать их он не... Вот именно.

Управлять ботом-челноком его напарница явно умела не слишком хорошо. И, похоже, училась этому делу по книгам типа «Руководства для начинающего пилота», или «методическим указаниям по пилотированию спасательного оборудования». Поэтому трясло и болтало их в первую минуту ощутимо. Роджер порадовался, что ел давно: иначе вся хорошая пища, съеденная на завтрак оказалась бы... Утрачена.

Осмотреться здесь у него особо возможности и времени не было, но из-за простоты конструкции и осматривать-то было почти нечего: простота и функциональность. Как на типично военной посудине. Везде торчали неприкрытые декоративными панелями лонжероны-стрингеры, проходили трубопроводы, и кабели электропроводки, и вся внутренность бота чертовски напоминала устройство древних подводных лодок: узкий и вытянутый цилиндр. Только вот на подлодках нужно было противостоять внешнему давлению, а тут – не дать воздуху уйти наружу – в космос...

Внутри царил полутьма, и гулкость тесного пространства наполняли атмосферой напряжённой деятельности лишь сервомеханизмы: подвываниями и пощёлкиваниями, да поскрипывали от перегрузок шпангоуты и обшивка. А освещали внутреннее пространство мертвящим голубоватым светом только приборы. Романтика, будь она неладна!

Сидя в кресле второго пилота, Роджер не вмешивался,

и действия напарницы никак не комментировал – понимал, что будет только мешать и отвлекать. Однако женщина, часто на него поглядывавшая искоса, заговорила сама:

– Не бойся – не отвлечёшь и не помешаешь. Поскольку я отключила автопилот, и сама только иногда поддаю газу – чтоб чёртова бандура летела побыстрее. И маневрирую. Это уже – чтоб понепредсказуемей.

– А почему она должна лететь побыстрее и понепредсказуемей?

– А потому, что я так думаю, наше бегство в любом случае уже обнаружили, и сейчас отслеживают радаром. И уже наводят на нас противометеоритные пушки. Так что нам наша... э-э... непредсказуемая и «вихляющаяся» траектория очень даже не мешает.

Как бы подтверждая её слова, мимо просверкало нечто, принятое Роджером за метеор – огненный шнур-поток. Пронёсся он, а вернее – просто возник, словно от пасса невидимого фокусника размером с полвселенной, всего в паре сотен метров, или даже ближе – оценить расстояние здесь, в космической пустоте, без ориентиров, оказалось невозможно. Но то, что такой луч при попадании наделает им проблем, Роджер смекнул быстро.

Напарница снова с усилием потянула рули управления на себя, смещая кораблик в ту сторону, где только что сверкнула игла разряда. Роджера вдавило в кресло:

– Держись дорогой! Сейчас мы совершим манёвр под на-

званием «брошенный камушек»!

– Что... ещё... за «брошенный камушек»? – говорить оказалось тяжело.

– Да просто название такое. По аналогии. – по женщине незаметно было, чтоб она страдала от перегрузки. Тоже тренированная, что ли? – Правда вот, никто из нас, в двенадцатом поколении живших не на земле, никогда этого не видел. Ни открытой воды, ни камушков. А так, они там, в учебниках, пишут, что если плоский камень бросить под небольшим углом к этой самой открытой воде, он отскочит, и будет прыгать, словно попрыгунчик, пока не затормозится. – его пилотша теперь быстро и уверенно щёлкала какими-то тумблерами над головой, и нажимала клавиши на пульте перед собой, но основное её внимание было сосредоточено на рулях и педали газа.

Роджер подумал, что для человека, первый раз угнавшего незнакомое транспортное средство, она, возможно, забывшись, как-то уж слишком... Уверенно действует – даже не смотрит на надписи у тумблеров! Но свои сомнения он попридержал – именно от навыков и инстинктов его напарницы сейчас и зависит их жизнь! Она, кинув на него краткий взор, и убедившись, что он слушает, продолжила:

– Так вот. Если войти в атмосферу планеты слишком быстро и под неправильным углом – нас просто отбросит от неё. Вот примерно так!

Роджера вдавило в кресло ещё сильнее, в ушах застучала

прилившая кровь, затем произошло обратное – жуткая сила попыталась выбросить его из кресла, и если б не крестообразно застёгнутые ремни, он точно врезался бы головой в огромный обзорный экран, полукругом изгибающийся перед ними.

– Ага. Сработало. Нас отбросило. – казалось, что его тоже чуть задохнувшаяся напарница вполне довольна тем, что вход в атмосферу и посадка не получились.

Роджер, ощущавший себя так, словно желудок придавил сердце, старался продышаться. Но вот спустя десяток секунд всё вернулось на место, и ему больше не кажется, что он стоит на голове. Он смог выдать:

– Ты, вроде, собиралась приземляться.

– Конечно! Но не здесь же?!

– Почему?

– Как – почему?! А-а, ну да. Откуда же тебе знать. Короче: мы сделали вид, что собираемся войти в атмосферу планеты здесь. Телескопы и датчики на Станции это чётко зафиксировали. Поэтому нас начнут искать на этой стороне – той, что обращена к Станции. А мы просто облетим планету, и войдём с той, теневой сейчас, стороны. Найти-то они нас, конечно, всё равно найдут. Хотя бы металлодетектором. Но мы получим некоторую фору. Думаю, примерно с месяц. Максимум – два. И сможем успеть привыкнуть, обжиться, и отойти от бота достаточно далеко.

– Мысль понятна. Но... Там же везде, вроде, снега и льды?

Ну, на поверхности. И мы так и так будем заметны, как слоны среди кур.

– Хе-хе, мой плохо информированный будущий любовник, муж, и господин – хе-хе! Похоже, эту незатейливую сказочку тебе навесила неподражаемая Диана?

– Ну... да. А что – дело обстоит не так?

– Лучше назовём это – не совсем так. Большая часть поверхности у полюсов и в средних широтах, действительно – снежно-ледяная пустыня. И океан свободен от чёртовых айсбергов только до примерно сороковых широт. Но в области экватора на континентах уже есть огромные – нет, правда: огромные! – проплешины оттаявшей земли. В-принципе, думаю, там земледелие уже возможно. – напарница уверенной рукой ввела корабль в зону тени. И вот они пересекли терминатор: словно кто-то выключил свет!

Вокруг мгновенно наступила крошечная тьма, словно они оказались в заднице у сотни афроамериканцев! Лишь призрачное мерцание лампочек светодиодов кое-где на пульте, экран с точечками звёзд, да подсветка нескольких рычагов и кнопок перед его напарницей не давали совсем уж погрузиться в чёрное «ничто».

Роджер поразился: какие они, оказывается, яркие! Звёзды.

Женщина, которая не то – страдала от клаустрофобии, не то – её просто раздражали пронзительно светившие огоньки на лобовом экране, включила внутреннее освещение рубки.

С видимым облегчением вздохнула:

– Ну вот, вроде, смылись. Большому радару и пушкам мы теперь недоступны, а зонды летают куда медленней – догнать точно не смогут. А нам теперь нужно добраться до экваториальной области Америки. Там-то нас точно искать будут в последнюю очередь. Наверняка подумают, что мы захотим расположиться в Африке: там полно мест, где можно спрятаться в джунглях, и уже почти тепло: всего минус два ночью, и до плюс пятнадцати днём! И радиационный фон уже почти вернулся к норме.

Конечно, подумал Роджер, фон там должен вернуться к норме. Потому что какому идиоту пришло бы в голову бомбить – *Африку*?! Сроду там не было ни ракетных баз, ни промышленности...

– А что – там... В Америке?

– Нормально. Пусть немного попрохладней, да и фон пока выше довоенной нормы раза в три, но тоже есть джунгли. И прогалины. И – самое главное! – я кое-что нашла, когда просматривала материалы с зондов. Карстовые провалы. С пещерами. И густыми зарослями на плоском (Ну, сравнительно!) дне. Где мы сможем спрятать наш бот, и какое-то время скрываться и сами. Потому что на поверхности, ты прав, нас будут искать в первую очередь. И тепловизорами, и сканнерами движения, и детекторами запахов, и прочим арсеналом, ещё не сдохшим от старости на нашей милой Станции. Нет, ты не думай: у них сохранились и квадрокоптеры, и зон-

ды во вполне рабочем состоянии! Уж я-то, как отвечающая за техническое обеспечение, знаю не понаслышке – сама поспособствовала!

Роджер глянул на неё вопросительно. Женщина покачала головой:

– Нет. Испортить или вывести из строя не было времени. Потому что если б я задержалась с твоим спасением ещё хоть на полчаса – утилизировали бы тебя как миленького, мужчина моей мечты!

– Ну спасибо! – Роджер и сам покачал головой, – Уж постараюсь тебя не разочаровать, о моя юная и отчаянная возлюбленная!

Женщина хихикнула. Потом снова глянула на него – уже совсем с другим выражением:

– Смотри-ка! А ты, оказывается, с юмором. Ну повезло нам. С твоим юмором и моей задницей у нас точно получится. Возродить человечество!

Внезапно рубку наполнили странный шелест, и треск. Затем прорезался и чей-то голос – женский, разумеется! – с командными интонациями и ощутимым раздражением:

– Внимание! Внимание! Спасательный бот ноль три дробь четырнадцать. Предлагаю лицам, незаконно похитившим данное транспортное средство немедленно вернуться на Станцию и добровольно сдать представителям СВБ. В этом случае наказание будет минимальным: разжалование до ранга разнорабочих. Если же вы проигнорируете этот при-

каз, то этим просто отсрочите своё наказание. Куда более суровое. И после поимки вы можете быть... – девушка в кресле пилота вытянула руку, и с видимым удовольствием что-то нажала. Голос смолк. Напарница Роджера сказала:

– А неприятный у неё голос, да? В-смысле, у Координаторши.

– Так это была Координаторша? Хм. Весьма раздражительная особа. Похоже, любит командовать. И явно не привыкла, чтоб ей перечили.

– Вот уж точно. Но надо признать: дисциплину она подерживает железную. Наверное, такая была в старой, довоенной, армии. Да, собственно, и все наши Координаторши так делают. Держат бразды правления, так сказать, железной рукой! И в смысле достойно наказать виновных, за ними и правда – не заржавеет. Это естественно, и вполне понятно: иначе мы бы не могли продержаться так долго. Там, на Станции.

– Кстати, об этом самом наказании... Если мы сами не вернёмся, она, когда поймает, прикажет нас расстрелять?

– Ну... Если и правда поймает, то – да, примерно так. Только вначале ещё будет допрашивать. С применением ужасных пыток. В назидание остальным. И чтоб выведать.

– Чего же это, интересно, она собирается у нас выведывать?

– Наши коварные планы. По ре-заселению Земли. Именно – *нашими* потомками.

Роджер откинулся глубже в кресло, и непринуждённо рас­смеялся. Ему почему-то стало гораздо легче, и он действи­тельно почув­ял в себе силы вот именно – возродить челове­че­ство! И заселить Землю. Их с этой юмористкой потомками.

Напарница, направившая наконец нос бота вниз, почти, как Роджеру казалось, в центр огромного шара, присоеди­ни­лась к его смеху. И слушать этот смех оказалось очень прият­но: он реально напоминал перезвон хрустальных колоколь­чиков.

Роджер наконец решился. Потому что они, наконец-то, похоже, в относительной безопасности. И им ничто не гро­зит. Ну, хотя бы в ближайшие часы. Он спросил:

– Скажи, о моя верная подруга и спасительница, мать на­ших будущих детей. – тут он с высокопарно-восхищённого сменил тон на обычный, – Тебя как зовут-то?

– Пенелопа. Пенелопа меня зовут, о мой муж и господин, Роджер. Родоначальник и Вождь нового рода человеческого.

– Очень приятно. Вот и познакомились. И готовы к новой и очень ответственной миссии.

– Точно! Точно.

Приземление прошло с проблемами и трудностями.

Около четверти часа ушло на поиски намеченного Пе­нелопой плато с карстовыми провалами-изолятами в райо­не, где, как она объяснила, «раньше базировались какие-то майя!».

– Проклятье. Я могла бы поспорить, что эти сволочи должны быть где-то здесь...

Но вот они и над нужным районом: сканнеры и тепловизоры бота, конечно, куда слабее тех, что на зондах, как объяснила женщина, но вполне годятся для определения. Пригодности места посадки.

Первый карстовый провал, к которому они подлетели, кормой опираясь на струи огня, показался Пенелопе при непосредственном осмотре через наружные видеокамеры неподходящим – слишком большой. Да и дно – почти лысое. Незаросшее. Второй – напротив, был слишком узкий и извилистый, похожий, скорее, на долину пересохшей реки.

Зато третий, с высоты не слишком бросающийся в глаза из-за громоздящихся вокруг и внутри поваленных и торчащих во все стороны стволов, вроде, подошёл.

Спускались медленно. Роджер, следивший за тем, что показывали задние обзорные экраны, корректировал командой направление, Пенелопа регулировала скорость спуска газом и рулями. И вот их посудина всеми шестью посадочными опорами пружинисто ударила по дну похожей на гигантский стадион впадины, где уж точно – триста лет не ступала нога человека. Роджер вздохнул с видимым облегчением: всё, вроде, нормально. Они живы, бот цел. Напарница утёрла обильный пот со лба прямо рукавом комбеза:

– Ф-фу-у... Поздравляю. Мы сели.

– А что? Были какие-то сомнения насчёт этого?

– Ну, понятное дело. До этого же я пилотировала и сажала только на тренажёре! Так что жду положенных аплодисментов!

Роджер пооткрывал и позакрывал рот. Потом решил, что лучше он промолчит.

Пенелопа фыркнула:

– Раньше надо было бояться. И возмущаться тоже смысла не вижу – приземлились же. А сейчас нечего расслаживаться да прохлаждаться. Нужно как можно скорее натянуть термоплёнку – пластиковый «мешок» с угловыми микроотражательными призмами. Чтоб не вынюхали газоанализатором, и не нашли радаром. А затем – и маск-сеть.

– А от металлодетектора чем мы?..

– А вот от него – ничем. И никак. Одна надежда: тут, рядом, есть отличные скалы с месторождением чего-то-там магнитного – я проверяла. Так что могут и не найти, подумав, что просто выход породы. Ладно, поехали. В-смысле – вставай, и пошли в трюм.

Термоплёнка оказалась огромным полотнищем действительно плёнки – вроде полиэтиленовой. Только пожестче, и приятного глазу зелёного цвета: как словоохотливо объяснила повеселевшая Пенелопа, «для маскировки – хорошо!». Роджер не считал, что это хорошо, потому что предвидел сложности с накидыванием и натаскиванием этой громадины на торчащий, словно десятиметровый штырь, бот-чел-

нок.

Однако проблема решилась просто: Пенелопа на его замечание, почесав затылок, и буркнув: «Ты прав. И как это я сама...», прошла в рубку, и включила автоспуск. Пневматика привода опор засопела, заскрипела, и зашипела, и Роджеру пришлось схватиться за какой-то кронштейн, чтоб устоять, потому что их посудинка начала заваливаться на бок, и, хотя и делала это плавно, он испытал несколько неприятных моментов.

Но вскоре пол оказался там, где до этого была одна из стен, и они смогли прямо по ней ходить. Пенелопа, выглядящая теперь куда мрачнее, вернулась из рубки с двумя шприцами, наполненными прозрачной жидкостью:

– Хорошо, что напомнил. Ну-ка, напарничек-муженёк, поворачивайся задом. И снимай штаны.

Роджер не помнил, чтоб что-нибудь подобное упоминал, но попробовал отшутиться, подмигнув:

– Это – предложение?

– Нет. Это – приказ. Потому что без универсальной вакцины нам сейчас – никуда. Потому что если здесь кто из бактерий-вирусов-бактерий и выжил, то уж не сомневайся: мутировал так, что мало не покажется!

Роджер с показным смирением и вздохом сделал так, как ему приказали. Впрыснутая хреновина оказалась чертовски болезненной. Или это его «медработник» неумело ввёл жидкость. Или неудачно выбрал место. На теле.

– Терпи. Я, понятное дело, больше по ремонту механизмов. Но и первую помощь, если что – оказать могу запросто.

– Ладно. А теперь поворачивайся и снимай ты. Я в прошлой жизни уколы милым девушкам в... э-э... основание ноги – делал.

Пенелопа хмыкнула, дёрнув точёным плечиком:

– Ну надо же. Твой-то... Оригинал... Похоже, времени не терял.

Роджер, опустившийся на колено, отметил себе этот момент, но спрашивать пока ничего не стал, сосредоточившись на чётком определении места на симпатичной упругой попке, оказавшейся перед ним, и не торопясь всадил иглу точно куда надо. Медленно нажал поршень. Пенелопа, надо отдать ей должное, даже не поморщилась.

И только когда он выдернул иглу, проворчала, качая головой:

– Твоя правда. Не больно.

– Мы спиртом протирать не будем?

– Это ещё зачем? Там, в вакцине, уже всё что нужно – есть.

– А-а, понятно. И сколько нам теперь нужно ждать, пока она?..

– Пока сработает? Да нисколько. Кровь разносит всё это дело по организму за пару минут. Как раз успеем нацепить оружие, броневые да термопластины, и вытащить чёртову плёнку из трюма!

– А оружие-то нам сейчас на фига?

– Ну как же! А монстры-мутанты? Злобная и кровожадная фауна? Да и обитатели подземелий... Тут, насколько помню, даже дождевые черви – в метр длиной, и с руку толщиной! Я видела фотографии. А уж зубки у них... Позавидовала бы любая акула!

Роджер сглотнул. Но плёнку вынуть из ящика и подтащить к люку помог. Пенелопа щёлкнула клавишей огромного, почти во всю ширину корпуса, люка. Тот медленно, с шипением, откинулся. Внешний край пандуса лёг на почву. Роджер порадовался, что и это, оказывается, продумано: кто бы ни находился в боте, будь то отряд космодесанта, или толпа пионеров-первопроходцев, выйти и выгрузить громоздкое оборудование, если таковое имелось бы – без проблем!

Единственное, что напрягало – чернильная темень снаружи. Облачное марево, как понял Роджер, мешало проникновению к ним даже света звёзд. Пенелопа крикнула:

– Чёрт! И как это я... Подожди: сейчас внешние прожектора включу.

– А нас... Не найдут по ним?

– Вот уж вряд ли! Для этого нужно совсем уж о...рентительное невезение! Но долго рассиживаться при внешнем освещении всё равно не стоит. Потащили!

Снаружи их никто не ждал. Так что нервно сжимавший рукоять своего УЗИ Роджер закинул его на спину, и двинулся вперёд по пандусу первым, таща за собой тяжеленное полотно. Сапоги гроыхали по металлу. Пенелопа придер-

живала сзади, помогая. Роджер, ступив на землю «обетованную», сделавшую неприятно и демаскирующее грохотавшие до этого шаги бесшумными, не удержался:

– Всего один маленький шаг для человека, но гигантский скачок для всего че...

– Сделай одолжение, заткнись. – Пенелопа отдувалась, ноша явно оказалась неудобной и тяжёлой, – Хватит цитировать заплесневелые перлы первопридумков.

– Понял. Молчу. Но надо же было что-то подобающее ляпнуть. Всё-таки мы – первые. За триста-то лет. А, возможно, и вообще – «родоначальники». Адам, так сказать, и Ева.

– Ладно уж, родоначальник ты мой разговорчивый. И любитель красивых высокопарных фраз. (Напоминаешь ты мне наших активисток из отдела Пропаганды и агитации.) Давай, тащи эту штуку вон туда, где поровней: нужно вначале расправить и расстелить.

На то, чтоб расстелить плёнку на поверхности земли, предварительно порубив какие-то голые кустики и тощенькие стволыки зачахших деревьев имеющимися в боекомплекте бота мачете, ушло с полчаса. Внешние прожектора светили вовсе не так «предательски», как он было подумал, и свет давали, скорее, рассеянный. Но видно всё окружавшее было неплохо.

Роджер поразился: оглядевшись как следует, он увидел вовсе не то, что привык обозначать словом «джунгли». Нет,

здесь не было ничего – вот именно – зелёного! Но подумав, он понял, что так, собственно, и должно быть: за триста-то лет, да на пятидесятиградусном морозе... Все давно посдыхало. Точнее, посдыхало то, что принадлежало к царству флоры. А вот фауна... С ней ещё предстоит.

Ладно, главное – пока никто на них не нападет, и это радует.

Можно спокойно и обстоятельно замаскироваться.

Больше часа ушло на то, чтоб протащить плёнку поверх посуды, и накрыть бот.

Роджер к концу этого времени вспотел как мышь, и ободрал все руки. Он, конечно, примерно представлял, кому достанутся все трудности и шишки, и оказался прав: именно ему пришлось залезать на ещё не вполне остывший корпус, и мачете, оказавшимся в багажном отсеке, рубить стволы и лианы, мешавшие затащить тяжеленную ткань с просвечивающими сквозь полупрозрачную поверхность плёнки искорками действительно крохотных впечатанных уголков – а умно придумано! – наверх, а затем и спущенные вниз концы закреплять. «Подстраховочка от ветра», как объяснила его напарница.

Однако когда плёнка оказалась натянута, даже он признал: если не знать, что под ней космический корабль, ни за что не догадаешься – даже с десяти шагов!

Пластиковый чехол универсальной серо-зелёно-коричневой маскировочной расцветки затащить сверху антирадар-

ной плёнки оказалось куда легче: он почти ничего не весил. Зато, как сказала не без гордости Пенелопа, «Теперь нас ни визуально, ни радаром, ни тепловизором, ни даже градом с дождём не проймёшь!» Вымотанный, будто пять часов кряду отбивался от львов-тигров, Роджер только кивнул: на разговоры сил уже не было.

Однако именно он предложил навалить сверху ещё и срубленных веток и лиан: чтоб всё выглядело, как девственные и неповреждённые джунгли, которые их бот неплохо опалил и переломал при спуске и последующей посадке на ноги-колонны, да и опускании с них. Пенелопа согласилась, что так будет, конечно, понадёжней.

Работали, не покладая рук, ещё два часа. Но уж сделали всё на совесть: обгорелые серые и чёрные стволы и кусты убрали, новых сверху понапристраивали. Теперь и следа от их кораблика на поверхности сельвы, имевшейся на дне провала, не было. Роджер буркнул:

– Эх, мне бы сейчас – хотя бы белковых палочек. А то я из-за кое-кого пропустил обед.

– Ну, знаешь!.. Я его, можно сказать, из лап смерти!.. А он – только о еде может!..

– Хватит. – он прервал её жестом, – Ситуация ясна. Ты и сама устала и голодна. Юмор вообще не воспринимаешь.

– Ах, так это был юмор?! А почему тогда никто не смеётся?!

– Ну, наверное, как я уже и сказал, от голода. И холода.

И, конечно, нервного напряжения!

Если на замечание насчёт «нервного напряжения» его напарница отреагировала сердитым дёрганьем плечиком, то на слова о холоде ей возразить было уж точно нечего. Холод, действительно, начал пробираться чуть не до костей – Роджер, несмотря на то, что сразу одел универсальный комбез и пару утеплённых армейских полусапог, нашедшихся в багажнике, и подошедших, как ни странно, ему по размеру, ёжилась и поводил плечами всё чаще. Там, на Станции, ему тестов и проверок на «хладостойчивость» никто не делал. К счастью. Но если так пойдёт и дальше, придётся носить и кальсоны и тёплую фуфайку...

– Хм-м... Насчёт холода ты, конечно, прав. – она поёжилась и сама, оглядевшись так, словно только сейчас всё окружающее увидела, – Когда не работаешь, всё мёрзнет. Ну, я уж сказала – около минус пяти ночью.

– А как там с рассветом?

– А нормально с рассветом. Часа через два как раз наступит. Вон: видишь, на востоке чуть сереет?

– Точно. – Роджер и сам заметил чуть посветлевшую тьмоту на восточной кромке скал, оконтуривавших гигантский колодец-стадион, в котором они теперь находились, там, куда указывал палец напарницы, – Хорошо, что успели. И постарались от души.

– Да. Будем надеяться на лучшее.

– Будем. Так как насчёт – поесть?

– Вот прагматик ...ренов. Ладно – идём. В боте должно быть пайков на две недели. На десятерых. Хватит тебе на пока?

– Ну... На «пока» – хватит. Надеюсь. А потом и зверушку какую-нибудь завалим. Да поджарим. Или спечём. (Дров-то вокруг – море!) А вот сварить, с картошечкой да морковью, какой бульончик – точно не удастся. Ты же наверняка кастрюлю захватить забыла?

Ответом было только очередное возмущённое фырканье.

Паёк оказался ничего себе – пусть по вкусу и сильно напоминал всё те же белковые палочки, но насытил неплохо.

– Рассчитан на тяжёлую работу тех, кто спасся бы на таком боте. Содержит всё необходимое. – как ему с понятной гордостью за разработавших это пресное на вкус чудо экспертов-гастрономов, сообщила Пенелопа.

– Я рад, конечно. Особенно тому, что он «содержит». Теперь вот... Ладно, спрошу проще: тут туалет-то есть? На боте. И ванна.

– О, да. Есть. Он – вон в том отсеке. Но вот насчёт ванны... – она криво усмехнулась. – Только раковина. И душ. С поддоном.

– Отлично. Ну, я пошёл.

После того, как Роджер сделал всё, что хотел, он залез на свинство, которое его напарница остроумно поддоном. Больше, конечно, это хромированное изделие напоминало про-

стой носовой платок с чуть загнутыми краями: да и вообще поместиться на крошечном пространстве Роджеру удалось с трудом, и он оббил себе все локти, пытаясь отдраить пот и пыль, превратившуюся от пота в грязь. Но смыть всё это с тела душем на гибкой кишке удалось неплохо. Мыло так и вообще – пенилось отлично.

Роджер повздыхал. Интересно, насколько тут, в баках бота, хватает воды? И не глупо ли он делает, тратя её на помывку? Ведь пачкаться наверняка предстоит ещё много раз.

Когда вылез из крохотной кабинки душевой, обнаружил, что соседняя занята – Пенелопа тоже, похоже, ощутила последствия приёма пищи. Роджер покашлял.

– Я немного занята. – тон Пенелопы после его второго покашливания был весьма недовольным. Похоже, он мешал «сосредоточиться».

– Я понимаю. Однако вопрос важный. Насколько нам хватит воды? И не глупо ли я поступил, истратив часть её на мытьё.

– А-а, вон ты о чём. Нет, вода, которой ты мылся – всё равно не питьевая. Она техническая. Хотя и пресная. Служит для охлаждения движков и силовых агрегатов. И её там всего тонна. А вот питьевой – только полтонны. Вернее, четыреста сорок литров.

– Ага. Ну, значит, живём. – и точно. Он сразу подумал, что вода как-то странно... Пахнет – словно с реактивами. Вероятней всего – добавки, чтоб не откладывались в трубах

соли.

Он прошёл в крохотную рубку, и стал последовательно открывать дверцы всех имевшихся там шкафов и ёмкостей, постепенно продвигаясь к выходному люку трюма. Делал он так на всякий случай: все ящики и шкафчики были подписаны, но – мало ли... Всегда полезно знать, насколько содержимое соответствует анонсам на надписях.

То, что он искал, обнаружилось в трюме, в весьма объёмистом ящике: несколько синтетических упругих матрацев, и тёплых, синтетических же, одеял. Разумеется, цвета хаки. Простынь спасающимся на боте явно не полагалось. Очевидно, кто-то посчитал, что это уж будет слишком роскошно. И будет способствовать утрате «боевого духа».

Он расстелил матрацы в рубке. К тому моменту, когда из кабинки душа вышла, словно пеннорожденная Афродита, его напарница, вытиравшая волосы непонятно откуда взявшимся полотенцем, он уже лежал, подсунув под голову ещё один сложенный вдвое и расстеленный поперёк, матрац – подушек не нашлось.

– Надо же. А ты – не промах у меня. Что-что, а постель обнаружил сразу.

– О, да. Куда ж без неё, без постели! В списке наших приоритетов она всегда – номер уан! Собственно, я старался не столько для себя, сколько для тебя, моя радость. Ну, приди же, приди в мои объятия! – он, как бы в страстном порыве, протянул руки.

Пенелопа невесело усмехнулась:

– Ты ещё можешь думать о сексе?

– Тебе ответить – как? Честно или дипломатично?

– Достаточно, можешь не продолжать. Я и сама мечтаю только расположить тело горизонтально, да спать. Утомилась что-то с непривычки. Такой нагрузки ни на одном тренажёре не получишь. Да и... Понервничала я, если честно.

– Пожалуй. Так – что? Караульного оставлять не будем?

– Зачем это?

– Ну... На тот случай, если нас найдут.

– Не будем.

– Почему?

– Бессмысленно. Если нас найдут – или сразу жажнут из лазерной пушки, и испаримся мы к такой-то матери... Или применят ЗГ – звуковой генератор. Тогда бот останется цел, а мы перед смертью помучаемся: кровь потечёт из глаз и ушей, да и вообще из всех дыр и отверстий... А боевой зонд-беспилотник мы с нашим-то зрением в небе всё равно не увидим. И приборов, чтоб его засечь, на нашем боте не предусмотрено.

– Понял. Должен сказать, что умеешь ты при случае вселить оптимизма... И веры в светлое будущее. Ладно, иди уж сюда. – он, притворно вздохнув, приподнял одеяло, подвинувшись с нагретого места. Чёртовы шпангоуты, впившиеся в рёбра холодными острыми краями, тут же заставили его чуть сместиться обратно. Ровного места на – не то борту, не

то – палубе, даже чтоб прилечь, имелось минимум. Впрочем, вряд ли кто-то из проектировщиков рассчитывал на то, что в боте будут ещё и ночевать. Но от мысли расставлять где-то снаружи найденную в одном из ящиков-шкафов палатку, Роджер сразу отказался.

Пенелопа мягко вдвинулась в нагретое им пространство, вначале, вроде, смущаясь, а затем и прижавшись вдруг порывисто всем телом! До него донеслось что-то вроде чуть слышного не то – стоны, не то – рычания. Тело девушки затряслось. Но Роджер просто промолчал, постаравшись только понежней и покрепче прижать свою измочаленную, но чистенькую и приятно пахнущую лавандой напарницу (Не иначе, как он не заметил спрятанный где-то в крошечной ванной флакон с шампунем!) к себе.

Вскоре девушка перебралась к нему на грудь, и сотрясающие стройное миниатюрное тело рыдания начали затихать. Она глубоко вздохнула. Поводила пальчиком по густым волосам на его груди. Спросила чуть слышно:

– Считаешь меня дурой?

– Вовсе нет. Я бы тоже расстроился, если бы пришлось вдруг поменять весь уклад своей жизни, сытой, обустроенной, и комфортной, на пещеру первобытного человека. Сырую, холодную и неудобную. А именно так нам и предстоит, похоже, жить в первое время. – он старался говорить спокойно, ещё и мягко проводя ладонью по мускулистой спине, и по чуть выступающему позвоночнику, – А, может, и не в

первое. Ведь как бы мы ни старались, обучить наших детей нормально, всему, что знаем, и что положено знать человеку техногенной эры, мы не сможем. Значит, они поневоле скажутся до того уровня жизни, какой мы сможем им тут предложить. Охота. Собираательство. Рыбалка. Костёр, который нужно всегда поддерживать. Шкуры вместо комбинезонов...

– Ты очень логично рассуждаешь. Я смотрела, разумеется, кто твой носитель. Роджер Тандерволд, инженер-строитель. Шестьдесят два года на момент снятия мнемоматрицы. Но сейчас, когда ты в молодом теле, что ты чувствуешь? Что думаешь на самом деле?

– О чём? О чём я должен думать? – он постарался спросить спокойно, но вот чего сейчас, когда вдруг опять всплыла щекотливая тема его «переселённой» души, там, в этой самой душе, не было, так это как раз – спокойствия!

– Ну... Обо всём. О Станции. О войне. О... Нас с тобой. Что с нами будет?

– Ладно. Приляг-ка, – он нежно притянул её вскинувшуюся и глядящую на него пылающими глазами широко распахнутыми головку снова к себе на грудь. – Что я думаю о Станции, сейчас не столь важно. Потому что ты знаешь – я рационалист. И отлично понимаю, что тебя беспокоит в первую очередь. Буду ли я с тобой, буду ли я тебя любить, буду ли я любить наших детей.

Отвечаю: буду.

Теперь о войне. Сказать честно – я про неё узнал впер-

вые только там, на Станции. Вероятно это оттого, что мне-матрицу с меня сняли до того, как она произошла. Но того факта, что вы живёте вне Земли уже триста лет, мне сейчас для оценки ситуации вполне достаточно. Выводы-то я делать умею.

Ну а о нас с тобой...

Ты мне понравилась. И не потому, что рискуя всем, спасла мне жизнь. А хваткой и собранностью. Целеустремлённостью. Готовностью отрезать пути назад. Из нас выйдет, я ... адницей чую, – она невесело хмыкнула на его попытку пошутить, – отличная команда.

И семья.

Мы же не будем, надеюсь, развлекаться скандалами да разборками в стиле «кто она, эта другая стерва, с которой ты мне наставил рога?!»?

А если серьёзно, то что с нами будет, я, конечно, тоже хотел бы знать. Но как говорится – человек предполагает, а Господь – располагает.

Поэтому постараемся всё сделать для того, чтоб нас не нашли, и будем – ты уж извини! – рожать как можно больше детей. И стараться обеспечить их нормальным питанием и воспитанием. И учить выживать здесь. – он надеялся, что его спокойный и монотонный голос звучит достаточно правдиво. Сам он ситуацию видел, конечно, несколько по-другому... Но поговорить об этом честно и прямо время ещё не пришло!

– А ты молодец. – она не поворачивала и не поднимала головы, расслабившись, и сейчас словно растеклась по его телу. Голос уже не дрожал от слёз, – Умеешь подбодрить трясущуюся от страха и сомнений девушку в трудный момент. И чуткий и понимающий. Секса от меня не требуешь.

– Солнышко моё наивное, – он усмехнулся в усы. – Что бы там ты не услышала и не вычитала о мужчинах, из ваших обучающих программ и в Архивах и библиотеках, оно не всегда соответствует. Потому что есть мужчины, а есть – мужчины. Да даже один и тот же мужчина, просто, например, взятый в разном возрасте, имеет и разные приоритеты!

В двадцать лет – перетрахать, например, всех доступных баб. В тридцать – заработать все доступные деньги. В сорок... Ну, в сорок мужчина как раз и начинает приходить, так сказать, в себя. Жить по-настоящему. Переоценивает, вот именно, ценности. Понимает, что на самом деле важно, а что... Словом, – он сглотнул, потому что воспоминания о Натали, Мэри и Сарочке, жгли, словно огнём. – мужчина только к пятидесяти становится более-менее зрелым. И умудрённым. Да и то – не каждый.

– Я знаю. Наши предки, те, первые, кто основал нашу Общину, при эвакуации выбрали матрицы только таких, зрелых и «состоявшихся», мужчин. Собственно, в Хранилище других и не было – чтоб попасть туда, нужно же было доказать. Что мужчина не страдает физическими и умственными расстройствами. Может обеспечить себя и семью. Не склонен к

алкоголизму, суициду, экстремизму, идиотизму или ещё каким комплексам или излишествам... Да и деньги, насколько знаю, заплатить немалые. Уже одно это сразу отсекало тех, кто... Легкомыслен и недалёковиден.

Так что пусть ты и не совсем такой, как кажешься, но всё равно приятно. Ощущать себя – в объятиях такого... телом молодого, а душой – зрелого и опытного... Мужчины.

– Ну спасибо. – он прижал её к себе чуть сильнее, затем вновь ослабил руки. Женщина уже «вписалась» в его тело так, словно всегда была его составной частью. Или он просто привык? Как, вероятно, рано или поздно привык бы к любой, кто захотел бы с ним?.. Он решительно отогнал от себя эту мысль. – Ты тоже. Умеешь. Вселить в меня мужество. Дать надежду. И уверенность в завтрашнем дне. Потому что без тебя, без Женщины с большой буквы, без матери наших будущих детей, всё, что бы я ни сделал, не имело бы смысла. И я это отлично понимаю.

Да и ты тоже – ты же умна.

– Ага. – в тоне её не чувствовалось особого энтузиазма. – И «красива». Но ты, скотина похотливая, небось, всё равно вспоминаешь и о Диане.

Он рассмеялся. Просто и весело.

– Пенелопа. Ты – бессовестная свинья. А ведь та Пенелопа, твоя тёзка, которая жила в древности, отличалась именно замечательным умом и рационалистичностью. Поэтому напомним тебе на всякий случай ещё раз. До того, как меня

спасла ты, от смерти меня спасла и Диана. Разумеется, я ей благодарен. Хотя бы за это.

– И ты хочешь сказать, что секс с ней тебе не понравился.

– Почему же. Понравился. Но могу тебе сказать конкретно: думаю, она спасла меня не для секса. А в гораздо большей степени – для престижа. Чтоб показать, подчеркнуть перед окружающими коллегами, свой исключительный начальственный Статус. Продемонстрировать, так сказать, своё превосходство над ними. Конечно, она не собиралась играть со мной долго. Ей, если честно, и одного раза хватило. И я не удивился бы, если б она и сдала меня сама.

– Ну, то, что ты умный и наблюдательный, я знала и так. Ты прав: это она тебя и сдала. Не напрямую, конечно, а косвенно: словно специально делала двойные заказы ужина и завтрака. Такое не может не насторожить наших работников камбуза. А те, соответственно, сигнализируют СВБ. Конечно, они тебя тут же вычислили. Переключили, и подключили дополнительные мощности на микрофоны. И услышали.

– Ну, видишь? Так что особых поводов любить нашу милую Диану у меня нет. Можешь не ревновать.

– Ревновать?! – она чуть дёрнулась, но потом снова легла спокойно, – Надо же... Пожалуй, ты прав. Теперь я понимаю, что значит это слово в отношении чувств к мужчине. Ну так вот знай: никому я тебя не отдам, умный ты мой и прагматично-циничный.

Твоим телом и разумом я хочу распоряжаться только са-

ма!

– Договорились. – он позволил довольной улыбке расплзтись по лицу, – Сама. А сейчас давай завершим этот интереснейший разговор, и постараемся всё-таки отдохнуть.

Дел на завтра – вернее, уже на сегодня! – море!

Выспаться им всё равно не удалось.

Проснулись от чудовищных толчков: весь модуль бота сотрясался так, словно по нему ходят слоны. Ну, или динозавры пытаются играть их корабликом в футбол!

Пенелопа метнулась к пульту, и включила внешние камеры обзора. Пришлось включить и прожектора, потому что во мраке уже снова наступивших вечерних сумерек разглядеть, что происходит вокруг, оказалось невозможным.

Роджер подошёл к пульту не торопясь. Вчера он имел возможность рассмотреть конструкцию и материалы, из которых был сделан их кораблик, подробно. И не сомневался, что ничто из живого не сможет причинить ему особого вреда. Но то, что предстало их взору, удивило и его.

Вначале испугавшиеся было света мощных прожекторов, а сейчас убедившиеся, что вреда от них нет, они возвращались. Странные существа. Явно – мутанты.

Выглядели они словно комодские вараны, только двигались куда как шустрей, и в длину достигали, наверное, добрых десяти шагов! Плотные и длинные приземистые чёрные туши, весившие, похоже, не меньше тонны-полтора каждая,

снова стали тереться о борта и тыкаться в них. А длинные пасти с высывающимся всё время раздвоенным языком и острыми клинообразными зубами так и норовили что-нибудь от нового и непонятного чужака откусить. Вдоль спин проходили гребни – совсем как у динозавров, которых Роджер видал в каком-то музее, а лапы заканчивались толстыми и явно прочными когтями. Зубы не вызывали столько уважения – по сравнению с когтями они казались мелкими и словно несерьёзными.

– Проклятые твари. Они, похоже, добрались до запасной наружной антенны: вон, потащили! – действительно, Роджер увидел, как два сцепившихся мордами ящера поволокли куда-то в сторону что-то круглое, с тянущимся за ним кабелем. Быстро, впрочем, оторвавшись.

– Смотри-ка, вот наглецы. Так нас и на винтики разберут. – Роджер не торопясь натянул полусапоги.

– Ну, до этого, думаю, далеко. Обшивка бота – из стали всё-таки. Но вот потеря периферийной наружной арматуры... Светит. А там – камеры, прожектора... – она прикусила губу, затем, словно что-то решив, вскинулась:

– Ладно. Надо бы гадов поубивать.

– Нет, не надо. Лучше просто отогнать.

– Ну, можно и так. Возьми, наверное, большую пушку. – карабин, возникший словно ниоткуда, уже оказался у неё в руках.

– Нет. Я лучше возьму ракетницу. А разрывные пули нам

ещё пригодятся.

– Ты прав. Сигнальными ракетами мы тут никому ничего сигнализировать уж точно не... Но пушку тоже возьми – мало ли!

– Ладно, – он пожал плечами, – А где они у нас? В-смысле, ракетницы?

– В первом нижнем ящике у выходного люка. Слева. Там на нём так и написано.

Роджер нашёл ракетницу и пять запасных зарядов легко. Один патрон сразу вставил в оружие. Остальные рассовал по карманам наспех натянутого комбеза. Нажал кнопку люка. Когда пандус опустился, выбрался наружу, даже не подумав закинуть за спину карабин протягиваемый ему с разрывными – Пенелопа сделала сердитую гримасу, но ничего не сказала – он приложил палец к губам.

Роджер передёрнул плечами – минус пять, будь они неладны, в одном комбезе прохладно. Значит, чтоб не замёрзнуть, нужно подвигаться. Для начала – увидеть проблему, так сказать, воочию. Ну, она должна быть большая и сильная – мимо не пройдёшь.

И правда, с этим проблем не возникло: вот и задница первой твари-ящера.

Нет, стрелять осветительной ракетой в такую бронированную, и явно прочную шкуру с костяными пластинами, смысла явно нет. Не пробьёт, а отскочит. И толку не будет.

Роджер, уже не таясь, подошёл ближе, и изо всех сил пнул

в бок трущегося о корпус бота монстра носком армейского полусапога. Знал, что там – стальная накладка.

Сработало. Ящер замер на мгновение, а затем начал медленно разворачивать почти двухметровую морду с открывшейся от такой наглости пастью – посмотреть, что это там за блоха посмела отвлечь его от очень важного дела по уничтожению чужой собственности. Роджер долго ждать не стал: когда развёрстая пасть оказалась в трёх шагах, выстрелил прямо туда.

Эффект сказался сразу: сполохи огня из захлопнувшейся было, и тут же снова распахнутой пасти, шипение магниевого заряда, и утробный вой из обожжённой глотки сказали ему, что тактика выбрана правильная. Ящер подпрыгнул, словно ужаленная оводом за круп лошадь, взревел, и, тряся головой, ринулся прочь, шумно ломая кусты и подлесок.

Однако остаться гордым победителем на покинутом врагом поле боя пока не светило: на Роджера уже бежали, переваливаясь, и нагло облизываясь, две новые твари. Он перезарядил. Прицелился.

Первую угостил прямо в глаз – огромный, чуть ли не с яблоко!

Глаз вытек сразу. Утробно взревевшая тварь замотала башкой, завертелась на месте, словно собака, гонящаяся за своим хвостом! Но Роджеру опять не удалось насладиться лаврами победителя: чтоб перезарядить снова, пришлось быстро нырнуть за корпус, а затем и побегать вокруг бота,

пока его пыталась догнать и укусить третья, самая шустрая из напавших, пресмыкающаяся скотина.

Её пришлось подпустить поближе, пару раз увернуться, отступая, от клацающих челюстей, и тоже пнуть: уже в верхнюю челюсть. А то тварь никак не желала подставлять ни глаз, ни нёба, ни ещё каких уязвимых частей тела.

Пинок пришёлся удачно: в ноздрю. Монстр чуть опешил, затем отреагировал наконец как положено: сердито заревел, и раззявил во всю ширину и высоту двухметровый ротик, в точности напоминавший крокодилий. Рождер второго шанса ждать не стал: выстрелил прямо в открывшуюся, и просматривавшуюся чуть ли не до хвоста, утробу.

Конвульсии оказались чертовски сильными: удар четырёхметрового хвоста точно переломил бы ему ноги, словно спички, если б он не догадался укрыться за одной из упирающихся в землю опор бота. Та даже ощутимо спружинила, к счастью, не погнувшись, но мощно загудев: «Бам-м-м!» Роджеру показалось, что эхо прокатилось по всей их яме, но он порадовался: ажурная решётчатая конструкция выдержала и устояла, а вот хвост после удара как-то куце обвис – сломался, что ли?..

Тварь, таща за собой волочащийся по земле хвост, поковыляла прочь, обиженно подвывая, тряся башкой, и пытаясь отплёвываться.

Роджер тоже сплюнул. Окинул взглядом поле боя: наконец-то! Порядок, вроде. Оба накинутае маскполотнища не

пострадали. Осталось только найти антенну, которую первые два скота уволокли наверняка недалеко, убедившись в её несъедобности, и присобачить тарелку назад, к корпусу. Впрочем, это не горит.

Сейчас ему куда актуальней согреться, чтоб не простыть, и позавтракать. А точнее – поужинать.

Он вернулся к пандусу, зашёл, нажал кнопку запираания. Покачал головой.

Ценные и явно понадобившиеся бы в будущем разрывные пули сохранены. Да и как бы они с Пенелопой потом избавлялись от разлагающихся тяжелых трупов, на которые наверняка сбежались бы все местные падальщики?!

От которых в свою очередь тоже наверняка нужно было бы отбиваться.

Нет, они – вернее, он! – придумал правильно: просто отогнать.

Ну, вот и первая, пусть и маленькая, победа над местной «природой»!

На то человек ей и – Царь!..

Оказавшись снова внутри, и услышав за спиной щелчок закрывшегося пандуса, Роджер постоял в раздумьи. Как бы новым взглядом окинул всё, что их здесь окружало. Тёмное цилиндрическое пространство. Шпангоуты, приборы, бесконечные ряды встроенных ящичков. С чётко наведёнными по трафарету надписями: «Ракетницы». «Скафандры». «Ком-

бизнесоны». «Обувь». «Запасные обоймы к оружию». «Шанцевый инструмент».

Всего таких ящиков было около пятидесяти, и в них, как он убедился, но ещё не запомнил, где что лежит, можно было найти практически всё, что могло понадобиться спасшимся в первую неделю, случись им и правда оказаться на Земле: в пустыне ли, на леднике, или в тайге.

Это не могло Роджера не напрягать. Уж слишком тут всё... Подготовлено.

Причём явно – на основе каких-то прецедентов. Может, всё же стоит спросить Пенелопу – не пытался ли уже до них кто-нибудь вернуться на праматерь человечества, да обосноваться?..

Нет, пока, наверное, не стоит. Спрашивать. Хотя... Что ему терять-то?

Но вот заняться кое-каким расследованием – надо прямо сейчас. Потому что ему чертовски хочется узнать: как же эти козлы – облечённые властью мужики из правительства! – допустили, чтоб война-таки произошла.

А сильней всего он хотел узнать, как и откуда и появились чёртовы амазонки. И узнать побыстрее. А ещё – почему с ними никто так и не сладил! И для этого ему нужно...

– Милая, у нас есть тут, на борту, компьютер?

– Конечно! – собственно, вид его напарницы не располагал к разговору: она казалась отнюдь не «милой», а сердитой и чем-то недовольной. Но Роджер проигнорировал: он будет

поступать так, как считает нужным. «Разборки» и претензии – позже! – Иначе мы просто не сели бы. А зачем он тебе, да ещё именно сейчас?

– Хочу посмотреть кое-какие флэшки.

– Нет у меня никаких флэшек! – Ого! Чего это она так вскинулась?!

– Флэшки есть у меня, – он сунул руку в карман, и показал ей пригоршню, затем показал и те, что имелись и во втором кармане, – Позаимствовал на прощанье. У Дианы в шкафу.

– Ах, вот как! Ты, оказывается, ещё и воришка?!

– Называй как хочешь. Но мне показалось интересным и полезным, – он подчеркнул последнее слово, – узнать, что тут у вас, и как, происходило. Может, были какие предыдущие... Попытки? Заселиться?

Пенелопа фыркнула:

– Ага, два раза! Что за чушь?! Мы же – не идиотки! Кому бы это, и зачем, могло понадобиться – сунуться сюда, пока фон держится выше нормы? С гарантией обрекая себя на верную и мучительную смерть?!

– Э-э, остынь, ласточка моя сердитая. Может, ты про такие попытки просто не знала. Вдруг они – вне твоего «Статуса доступа»? А вот у Администраторши-то архивы наверняка... Засекреченные. Удалённые из станционных ресурсов, и от общего доступа. Полные. Может, ей они достались по наследству. – Роджеру показалась несколько наигранной её попытка уйти от прямого вопроса. Но он решил, что когда

придёт время, она расскажет, что знает, и сама.

– Хм-м... А ведь верно: что-то такое есть в твоих словах. Какая-то сермяжная правда. К *полным* архивам у нас... Допускают, разумеется, не всех! Да и то, даже руководящий персонал связан ограничениями: не ко всем файлам, а только к таким, которые касаются непосредственно каких-то общественных, бытовых участков Станции. Учебных методических материалов. И областей работы. Разумеется, и механизмов жизнеобеспечения – уж мне-то, как технику, приходилось...

Ладно, иди сюда.

Подключились, и первую флэшку из раздела «История», датированную, как сказала Пенелопа, прошлым годом, вставили в комп легко.

Только вот радоваться оказалось рано: на экране всплыла надпись: «Введите пароль». Роджер сплюнул, и мысленно выругался: подобрать шифр из шести цифр или букв – работёнка на пару месяцев! А у них сейчас есть более насущные проблемы!

Но задачу решила Пенелопа: поколдовав над клавиатурой, она всего с третьей попытки взломала шифр, и на экране засветилось: «Добро пожаловать, Мария!»

Роджер почесал в затылке:

– Кто это – Мария?

– Самая первая назначенная Советом Станции Админи-

страторша. Она давно умерла. Но про неё-то знают все. Вот я и набрала её дату рождения. Предварительно, правда, попробовала даты твоей, – она дёрнула плечиком, – Дианы, и Розы – она была до Дианы.

– А почему Совет решил, что вам, спустя двести с чем-то там лет жизни на Станции, нужна именно Администраторша?

– Ну, как же! Не может же Координаторша реально заниматься *всем*! Для этого ни у кого просто не хватит компетенции. И времени. Вот Совет и решил лет семьдесят назад спихнуть хотя бы проблемы с материальным обеспечением – на Комендантшу, а проблемы с персоналом – на Администраторшу.

– Логичное решение... Ладно, раз уж мы вошли – приступим.

– Приступим. А что ты хотел бы узнать?

– Ну как – что?! Как и когда вы, независимые во всех отношениях, умные и находчивые, решили жить сами по себе, а от козлов-мужиков – отделаться!

– Ха! Не нужно иронизировать. Мы – такие и есть. Но!

Никогда ты ничего такого тут не найдёшь! Это – только в засекреченных файлах. Которые хранятся только в спецсекторе Главного Компьютера. Доступ к ним есть только у членов Совета и Координаторши. А тут могут быть только ведомости да акты – сколько и когда специалисток обучено для мастерских, для оранжереи, для камбуза, для обслужи-

вания двигателей. И кого когда уволили, перевели на другую должность, кому назначили взыскание, или наказание, и за что... Ну – кадровая политика Станции!

– Ладно, посмотрим. – Роджер не хотел показать, насколько он разочарован, и решил для порядка всё же ознакомиться, – Открывай оглавление.

– Чего?

– Меню, говорю, давай.

– А-а, так бы сразу и... Вот оно. – на экране возникли подзаголовки содержимого флэшки. Роджер прищурился. Ну-ка, ну-ка... «Выпуск начального курса 2457 года».

– Что это? – он, не стесняясь, просто ткнул пальцем.

– Это – список фамилий тех курсанток, кто закончил начальное обучение, и был аттестован Комиссией, как усвоивший этот курс. И которых теперь можно распределять по спецпредметам. Ну, тем, где им предстоит научиться будущей профессии.

– Открой-ка.

– Да пожалуйста.

Список с двадцатью семью фамилиями и именами ничего Роджеру не сказал.

Правда, напротив каждой значилось что-то вроде: «Склонность к шитью и ремонту одежды», или «Проявила себя при моделировании пищевых рационов», или «Пассивна, мышление неадекватно. Абсолютно не подходит для сложной технической работы». Он снова ткнул пальцем:

– Что вот это значит? Приговор к назначению на низшую должность? Девушка – тупа и ленива?

– Ну... Типа, да. То есть – только самая простая работа. Где требуется АйКью не выше восьмидесяти. Вроде подсобной рабочей. Или грузчицы. Или уборщицы, или помощника помощника кока. Годящейся только для чистки картофеля, и мытья посуды.

– А у вас и картофель есть?! – Роджер и правда – удивился.

– Есть. Оранжереи дают до тонны в месяц.

– Хм-м... Маловато для прокорма трёхсот с... Сколько вас там?

– На самом деле – пятьсот восемьдесят три. И картофель – не для «прокорма», он – от цинги!

– Точно. – Роджер вспомнил. Что сырой картофель и правда – предотвращает. – А что ещё у вас растёт? Там, в оранжерее?

– Ну... Томаты. Соя. Арахис. Пшеница, конечно. Кукуруза. Морковь. Лук. Да всё! Всё у нас растёт.

– Странно. И где же это «всё» помещается? Чтоб вырастить пшеницы на прокорм шестисот девочек, нужно по моим прикидкам как минимум гектар сто!

– Нет. В нашей оранжерее – всего десять га. Но просто пшеница, да и все растения у нас – особо выведенные. Один колосок, например, даёт в год чуть ли не полкило зерна. Вот раз в три месяца подсобницы оранжереи то, что уже созрело, и собирают.

– Вручную?!

– Вручную. Чтоб не повредить ствол. И не допустить потерь.

– Небось, и выглядит эта пшеница – как дерево?! – Роджер представил себе эту картину.

– Да, как маленькое такое, по плечо, дерево. Многолетнее.

– Ладно, понял. Закрой этот чёртов список, верни меню. Открой-ка мне теперь вот это. – он ткнул во «Взыскания и кадровые изменения статуса основного персонала за 2457», – Кстати, что такое – «основного»?

– Это значит – из низшего и среднего звеньев. То есть – простые рабочие, и младшие техники и инженеры. – выплыла таблица.

Ого! Год-то – всего один! И обитательниц Станции в «трудоспособном» возрасте явно не больше четырёхсот-пятисот, с учётом юных девочек и тех, кому далеко за... (Вот интересно: есть ли здесь «пенсионеры» – то есть те, кто может уже не работать?..) А в появившемся перечне насчитывалось двадцать две страницы!

Роджер стал читать мелкий текст в графе «История прецедента» подряд. Поглядывал и в графу «Предпринятые меры воздействия».

«13 мая. Стандартным тестом на хроматографе выявлено, что главный агроном сектора Джи оранжереи Штефани Бёхлер забыла добавить в январе ...57 в гидропонный состав для кустов арахиса соли магния. В результате чего уро-

жай оказался меньше расчётного на сорок два процента, и пищевая ценность продукта упала на пять пунктов. Погибло шесть кустов, сорок восемь потеряли половину и более лиственного покрова, прежде чем была выявлена причина. (...) Произведены следующие кадровые перестановки: главного агронома сектора Джи оранжереи Штефани Бёхлер понизить до должности подсобной рабочей в машинном отделении, на её место назначить заместителя главного агронома секции Джи, Николь Фэссель.»

«18 мая. В результате драки в столовой, спровоцированной старшим лаборантом отдела биоконтроля Марией Эйди, рассечена губа, и сломаны два ребра у заместителя Администратора, Лауры Стадлобер, и вывихнута челюсть у младшего помощника Координатора, Астрид Якобсен. Нанесены травмы разной степени тяжести двум сотрудницам СВБ, Норе Колдуэлл, и Паулине Хиггинс. Виновная приговорена к пятидесяти плетям, пяти суткам карцера, и переведена на должность младшей ассенизаторши».

Роджер опять ткнул пальцем:

– Что за драка? Из-за чего?

– А-а, это Мария высказала им, что Координаторша готова заморить всех голодом, и калорийность и без того скудного пайка минимальна, а себе она, небось, заказывает еду в комнату. И жрёт там от пуза деликатесы, оставшиеся со времён войны. Ну, помощница и заместительница стали защищать да заступаться, но эта коза ничего не хотела слушать.

А женщина она здоровая, и упрямая. Если чего втемяшила в голову – уж не выбьешь. Да и СВБ она никогда не боялась. Вот, слово за слово, они и сцепились, словно коты по весне.

Роджер посопел. Но ничего не сказал. Вместо этого стал читать дальше.

«29 июля. Обнаружено младшей уборщицей Ванессой Пуаро, что компостная жидкость из бродильной цистерны номер пять проела дно, и просочилась на палубу Це, залив пять кают по левому борту, номера сто два – сто шесть, и полностью выведя из строя всю электропроводку этих помещений. Устранение аварии заняло три дня. Потеряно полторы тонны жидкости. Запах полностью не устранён. Главный техник оранжереи, Соня Хенни, понижена до заместителя главного техника, её заместитель, Розалинда Хименес, назначена Главным техником оранжереи.»

– А почему эту, – Роджер ткнул в фамилию, – Соню, не понизили до «разнорабочей»?

– Комиссия установила, что дно разъело просто от ветхости металла резервуара. Её вины не было. Разве только то, что вовремя не засекала протечки.

– Ух ты. Какие вы там демократично-справедливые.

– Хватит прикалывать. Координаторша старается невинных – не наказывать.

– А как же тогда – вот это? – Роджер ткнул в следующую запись.

– Так, что тут... А, ты про это: «При замене вентиля в си-

стеме подачи воды в жилые помещения подсобные рабочие Берта Иверсен и Хасима Омурра забыли про указание помощника главного Инженера водоснабжения Люси Видаль, перекрыть заглушки в секциях Дэ и Эр, в результате чего оказалось потеряно до полутоны питьевой очищенной воды...»

Хм. Ну, подумаешь – сто плетей. Да, высекли их так, что неделю ходить не могли... Так это же – вода! Питьевая! Знаешь, как трудно её делать?! А без неё на Станции – кранты!

– Слушай, я смотрю, у вас тут каждую вторую провинившуюся или лопухнувшуюся, – Роджер указал дальше по списку, – порют, как сидоровых коз! А судя по списку только за один – один! – год – есть за что. Так что: «телесные наказания» – норма? Вашего быта?

– Ну... Да. Порют, конечно, не по голой... – она осторожно погладила себя, словно её обуревали воспоминания, – заднице, а – в комбинезоне. Тонком: чтоб кожа... оставалась целой. Причём порют всегда – в Зале для собраний. Прилюдно. Присутствовать должно всё взрослое население. Так что воздействие на провинившуюся не только физическое, но и моральное. Позору не оберёшься: все потом пальцем тычут. И сидеть во время еды в общей столовой... Хм.

Роджер промолчал, но Пенелопе мысленно посочувствовал. Однако от основной работы его слова напарницы не отвлекли: он продолжал вести пальцем вниз по экрану, зачитывая уже только отдельные фразы формулировок из «истории прецедента»:

– «Забыла включить резервный...». «Перепутала полярность». «Не затянула надёжно гайкой гроверную шайбу...». «Проспала». Через минуту его прорвало:

– Слушай, ...ерня какая-то получается. Как вы вообще Станцию не упорили полностью до сих пор?! У «непредвзятых» наблюдателя может сложиться мнение, что у вас там на должностях младшего, да и среднего техперсонала сидят сплошь – безответственные овцы, или круглые идиотки. Это что – и правда так? Или всё-таки – через одну?

Пенелопа надулась:

– Сам ты – идиот! Баран. Девочки и так из кожи вон лезут, чтоб всё там, на Станции, работало, и мы могли прожить ещё хотя бы сто лет... Они не виноваты, что технические дисциплины, и все эти чёртовы механизмы и приборы такие сложные. А Станция старенькая, и текущий ремонт требуется постоянно. Но все эти сложности и проблемы с оборудованием мы преодолеваем. Просто...

Просто навыки высококвалифицированного ремонтника, и так называемое «чутьё» к техническим дисциплинам и машинам даются нам не столь легко, как...

– Ну, договаривай. Не столь легко, как нам, мужчинам?

– Ага. Хи-итрый, да? Я скажу так, а ты скажешь: «Вот! Не надо было нас, умных и склонных как раз к технике, уничтожать, словно чумных псов»!

– А что – надо было?

– Надо! – в её голосе слышалась столь железобетонная

уверенность, что у Роджера не осталось сомнений: девушке с детства промывали мозги! И промывали – на совесть.

А ещё ему стало кристально ясно, что никакого «спасения» не было. А был только коварный, и хорошо продуманный план. В главных целях которого он, конечно, пока уверен не был. Но догадаться особого труда не составляло. Он же – циник и прагматик.

Ладно. Он снова наматывает это себе на ус, но пока ничего ей не скажет. Потому что сейчас куда важнее то, что текущие цели и задачи у них пока вполне общие: посмотреть, как тут и что. И прикинуть, как бы выжить на планете-праматери.

Ну а сейчас можно смело оказавшиеся действительно неинтересными и бесполезными флэшки по «истории» отставить в сторону.

Ничего реально важного про «блеск и нищету» мужчин он так не узнает.

Он вытащил флэшки из другого кармана:

– Так. «Навигация». Может, ещё скажешь, что вы куда-то на Станции – слетали?

– Нет. Но орбиту постоянно корректируем.

– Понятненько... Как считаешь – стоит смотреть?

– Думаю, смысла нет. Станция-то – на месте.

Он хмыкнул снова. Сунул флэшку в карман. Вздохнул:

– Всё равно не понимаю.

– Чего же это?

– Как вы действительно – выжили. За триста-то лет... А

чинить или даже заменять наверняка нужно было многое.

– Да, многое. Но тут у нас есть «секретное оружие» предтеч. Нам в наследие достался Главный Компьютер, у которого есть программа общей диагностики Станции. Он подключён ко всем внутренним датчикам и анализаторам. Вот он-то (Верней – она. Мы называем её – «Мать»!) и подсказывает нам, что нужно срочно заменить, а что – ещё подождёт. Обычно она оказывается права.

– Надо же. Удобно. И, конечно, её придумали и запустили вы, женщины?

Ответом ему было очередное возмущённое фырканье. Роджер резюмировал:

– Ладно, хватит копаться в документальных источниках, у нас снаружи – необследованная и вожделенная Терра Нова. Но вначале – поесть бы.

На этот раз она ничего не сказала. Но уж посмотрела.

На завтрак, который правильной было бы назвать всё-таки ужином, ничего нового Пенелопа выдумывать не стала:

– Ешь, что дают, и не выступай. Поймаешь и убьёшь какую съедобную дичь – я её, так и быть, приготовлю. А пока не поймал – жуй концентраты.

Роджер, собственно, так и делал, недоумевая, почему напарница всё ещё сердится. Вроде, он всё сделал, как надо, без надобности не рисковал, с тварями «разобрался»...

Чего – не так?!

Придётся спросить. Потому что если она слишком долго будет копить это в себе – хорошо оно не кончится. Он знал это не понаслышке – всё та же Натали... И Римма.

– Ничего я не сержусь. – на его прямой вопрос женщина возмущённо дёрнула плечом, показывая, что слова разительно расходятся с фактами. Потом, помолчав, смилостивилась, – Нет, сержусь. Ты обещал, что будешь моим мужем и защитником. А сам – что? Полез драться чуть не в рукопашную с гигантской ящерицей, да так, словно всю жизнь только этим и занимался, и она не тяжелей тебя в двадцать раз! А если бы ты погиб?!

– С чего бы это я погиб? – Роджер выразил недоумение традиционно: почесав в затылке, – Тварюга, конечно, была – ну, вернее – были! – здоровые. Но жутко глупые. С интеллектом вот именно – ящерицы. Ну, или курицы, с которыми они, если не ошибаюсь, в родстве.

– Да плевать мне на их интеллект, будь он неладен! И на родственников их! Я-то о тебе думала! А если б ты споткнулся? Или рядом не оказалось опоры?! Или... Ну, там, тварюг, скажем, оказалось бы больше?! Ты-то, ты-то сам – тоже вёл себя как безмозглая и наглая скотина: пинал их почём зря! Ногами! А у них – вон: зубы, когти!..

А если б тебя чем-нибудь достали?!

Роджер вздохнул. Он всё понял.

Напарница, как заправская жена (Уж у него-то имелся в этом плане опыт!) беспокоится на самом деле вовсе не о нём.

А уже – о себе, о своей безопасности. И комфортном обустроенном существовании. Своём, и своих будущих детей. Ведь погибни Роджер, или стань нетрудоспособным в случае, например, банального перелома – и кто тогда будет кормить и защищать остальных членов семьи?!

Мышление рационалистки. Собственницы. Каковыми и являются все женщины.

С другой стороны – если уж слишком истово «беречься», так ему тогда и из бота лучше не выходить.

– Дорогая, прости. Согласен: я вёл себя излишне... Храбро. Можно даже сказать – вызывающе. Обещаю: впредь буду осмотрительней! Ящеров больше пинать не буду, и опору, за которую можно было бы в случае чего – спрятаться, всегда буду носить с собой. На все наши охоты и разведки.

Пенелопа почему-то долго молчала, а уж взглядом – словно пыталась прожечь в нём дырку. Затем смилостивилась:

– Ладно, твоя взяла. Ворчать больше не буду. Я не настолько дура, чтоб не понимать: рисковать нам так и так придётся, раз уж мы вынуждены жить здесь. И монстров тут наверняка встретим и пострашней. Но... Ты не мог бы разделяться с ними как-то...

– Понежней?

– Нет, балда ты такая! – его треснули, и отнюдь не шуточно, по затылку миниатюрной ладошкой, – Не нежней, а понадежней! Уж так, чтоб мало не показалось. И – из безопасного укрытия! И – главное! – без дурацкой бравады! Я и так,

без дурацких пинков, заценила, какой ты у меня храбрый!

Роджер понял, конечно, справедливость упрёка. Женщина права: пиная тварюг, он вот именно: больше рисовался. А ведь можно было и просто палкой кинуть! А ну как реакция и движения оказались бы быстрее? Тогда и точно: ему что-то могли и повредить!

– Хорошо. Согласен больше незнакомых тварюг не пинать, и раздетым из бота не выходить. – он взялся руками за своё любимое место, и закончил мысль, – Чтоб самый сейчас нужный нашей семье орган – не отморозить!

Почему-то на него посмотрели вовсе не так, как он ожидал.

Не-ет, в глазах Пенелопы вовсе не было веселья от его невинной, как он посчитал, шутки. А имелось там нечто совсем другое. И оно очень быстро прорезалось в конкретные приказы:

– Хватит мне зубы заговаривать. И отлынивать. Выспался? Выспался. Книжку почитал? Почитал. Любимую девушку спас? Спас. Ну-ка, снимай чёртов комбез!..

Через час, измочалив напарницу до испарины, впрочем, и сам задохнувшись, Роджер вынужден был признать: Пенелопа достойная партнёрша! И, хотя других мужчин у неё уж точно не было, вытворяет в постели такое, (Не иначе, где-то вычитала, или какую хронику просмотрела!) чего обременённая «начальственными» комплексами и соображениями

престижа Диана себе уж точно никогда бы не позволила.

И от этого его «мужское» естество получает море наслаждения!

А ещё бы! Когда мужчина ощущает, чего хочет его партнёрша, и может ей это дать – это и называется, насколько он понимает ситуацию, «полной гармонией».

Он с удовлетворением констатировал, что лицом в грязь явно не ударил: у Пенелопы было пять пиков, а у него – два. И последний как раз совпал с её: самым бурным, и мощным: они раскачивали бот, кажется, даже активней чёртовых ящеров!..

После того, как он осторожно вышел из её огненно-горячей кошечки, и прилёг сбоку, заботливо прикрыв партнёршу тёплым одеялом, она пробормотала только:

– Что-то я как-то... Вымоталась. Ничего, если я посплю ещё?

– Конечно, малышка. – у Роджера защемило сердце от её беззащитно-умиротворённого, и в то же время такого «уютно-домашнего» вида, – Я покараулю. И на хозяйстве тут побуду. Спи.

Пенелопа действительно быстро уснула, свернувшись калачиком, и мирно посапывая в кулачок.

Роджер, понимавший, что про разведку, де ещё в темноте, речи уже быть не может, маялся. Лёжа рядом, он, однако не спешил прижаться животом к её тёплой спине, как у них автоматически получилось в предыдущую ночёвку – вернее,

днёвку.

Мысли в голову лезли всякие. Преимущественно очень тревожащие.

Во-первых, ему очень не нравилось то, как они спрятали и укрыли бот.

Ведь и ему ясно: в первую очередь женщины там, на Станции, пошлют зонды именно в такие места: те, где есть естественные, так сказать, укрытия. Пещеры. Карстовые провалы с их обычным прилегающим лабиринтом проходов-тоннелей. (А ведь они даже ещё не вылезали на разведку во все эти, пока только в теории имеющиеся, проходы!) Джунгли, расположенные в районах экватора. Ведь именно здесь намечающееся потепление даёт возможность семенам, сохранившим всхожесть после трёхсот лет вынужденной зимовки, вновь возродить этот, сейчас ломкий, серый, пожухлый и мёртвый, лес.

Ну и, разумеется, руины древних городов. В которых, вероятно, могло сохраниться хоть что-нибудь полезное или съедобное, и на которые, если честно, он и сам точил зубы.

Во-вторых Роджер был недоволен тем, что они не разведали ничего, что было бы «восполнимым» ресурсом: вода, еда... (Точнее, они пока вообще *ничего* не разведали!..) Пока что базироваться приходилось лишь на то, что имелось в боте: НЗ, вода, оружие с боезапасом и запчастями. Они ведь даже на пятьдесят шагов ещё не отходили от бота, и не знали: есть ли поблизости какой-нибудь родник или ручей,

и водятся ли здесь съедобные тварюшки поменьше, и с более тонкой шкурой, и *съедобным* мясом. А не таким, явно вонючим, жёстким и жилистым, как у их недавних гостей.

Ну и, в-третьих, конечно, его беспокоило то, что он никогда раньше сам родов не принимал.

Нет: он однажды даже присутствовал по просьбе очередной бывшей супруги на её родах, но – только как наблюдатель. И переволновался тогда так, что толком и не помнил, как всё это происходило!

Но сейчас...

Впрочем, рано ещё об этом беспокоиться. Решать проблемы лучше непосредственно по мере их возникновения – иначе можно просто спятить, если всё время беспокоиться сразу обо всём. Вначале нужно хотя бы чтоб Пенелопа действительно – забеременела. Ну а потом – ещё и прожить, продержаться эти девять месяцев...

Что они будут есть? Что – пить? Что одевать? И – главное! – где жить?

Если остаться жить в защищённом, (Конечно: с металлическими-то бортами!) боте, слишком велик риск, что рано или поздно их обнаружат и накроют чёртовы амазонки со Станции. Которые тёплых чувств к ним уж точно – не питают.

А с другой – если удалиться слишком уж далеко, нужно ну очень хорошую пещеру найти. И ещё заделать вход в неё: так, чтоб ни ящеры, ни ещё какие здешние милые зверушки

не могли пролезть, проползти, или вломиться.

Нет, он не сомневался, конечно, что его партнёрша, жена, напарница, и мать его будущих детей, очень умна и наверняка во всех его начинаниях ему поможет. Но нельзя же, в самом деле, подставлять её, таская повсюду с собой, и подвергая риску внезапного нападения всех тех монстров-с-которыми-они-ещё-даже-не-встретились. Особенно сложно и опасно это будет, когда Пенелопа и правда – забеременеет. Тогда ей как раз лучше сидеть в самом защищённом и обеспеченном уже пищей и водой, тёплом и удобном, убежище.

Стало быть, такое убежище нужно или оборудовать, или вот этот бот... Как-то понадежней укрыть. Перетащить, что ли, куда-нибудь в пещеру? Закопать?..

А как?

С этими, и сотней других тревожащих его прагматичную натуру вопросов, Роджер и уснул.

Пробуждение оказалось приятным.

В тесной кабине для разнообразия пахло чем-то очень вкусным!

Роджер обнаружил, что Пенелопа уже встала, влезла в комбез, и поджаривает что-то шкворчащее на небольшой сковородке, на откинутой панели портативной плиты.

– Доброе утро! – она мило улыбнулась, на секунду оторвав глаза от содержимого сковороды, – рада, что ты проснулся сам. А то всё равно пришлось бы будить, чтоб мы поели. По-

ка свежее и горячее!

– Доброе утро. – он поднялся на ноги, сладко и с расстановкой потянулся, словно довольный кот, – И что же это у нас там такое, что так восхитительно пахнет?

– Мясо. К сожалению – эрзац. Хотя то, что в аварийном НЗ оказались полуфабрикаты хотя бы таких стейков – удивительно. Ну, я добавила воды, как написано в инструкции, они расправились в стандартные котлеты. Вот теперь ещё и обжариваю – для аппетитности. Хотя можно было съесть и так: тут написано, что порошковые заготовки уже полностью готовы к употреблению.

– М-м... Пахнет действительно – изумительно. Особенно с учётом того, что меня после «воскрешения» в новом теле, стейками, да ещё «обжаренными для аппетитности», ещё никто не баловал. Слюнки так и потекли! Вот, глотаю. – он, конечно, нагло врал, сделав вид, что забыл про ужин у леди Дианы. Но подумал, что Пенелопе его комплименты будут приятны.

И точно – она улыбнулась:

– Отлично. Рада, что ты слюнки глотаешь. Зубные щётки – в шкафчике в ванне. Моя – розовая.

В крохотной камерке ошибиться с поиском казалось невозможным: всё функционально и на виду. Щётки Роджер действительно нашёл в надписанном шкафчике. Себе выбрал цвета хаки. Но зубную пасту взял ту, что уже лежала на полочке перед зеркальцем, и оказалась начатой, и да-

же тубик был снаружи влажным – Пенелопа уж точно решила не пренебрегать средствами личной гигиены, и не более нескольких минут назад умылась и почистилась. Молодец. Любопытно: здесь и правда имелось десять щёток.

На стандартное отделение пехотного взвода?

Собственно, он так и предполагал, что всё это, включая и саму Станцию – сделано военными. И – для военных.

Интересно всё же – как получилось, что всему наследовали чёртовы амазонки?

Ничего: он узнает. Но для этого придётся, похоже, вернуться на Станцию, и поработать с «Матерью».

А что? Почему бы и нет?

В правдивость того, что ему наплели Диана и Пенелопа, он уже не верил.

За завтраком не разговаривали. Наслаждались «приёмом пищи».

Роджер блаженно щурился, раз за разом запуская зубы в весьма удачную, хоть и немного подгоревшую, имитацию котлеты. При этом ещё и нагло причмокивал, и только что не чавкал. Пенелопа проворчала:

– Хватит! Не нужно мне показывать, что ты доволен моими кулинарными способностями. Если честно – кухарка я никакая. И душа не лежала, и повара у нас для готовки есть. Дипломированные. Ну, вернее, были – вряд ли мы вернёмся на Станцию.

– Пожалуй. Разве что ну очень попросят. – он хохотнул, – А ещё я предлагаю, раз мы сегодня ничем, вроде, особо спешным не заняты, сходить наконец на разведку. Нужно же узнать, что тут и как. Чем можно разжиться в смысле еды. Воды. И крова. Не век же нам и нашим детям жить в боте?

– Да уж. Да и печка скоро сдохнет – заряда аккумуляторов осталось процентов восемьдесят. А потом придётся разводить костры. Прямо здесь, внутри.

– Не думаю, что это хорошая мысль. Угорим.

– А если – пробить дыру в корпусе и вывести трубу-дымоход?

– Хм-м... Неплохая идея. Но всё же пока лучше бот не трогать. Мало ли. Вдруг придётся снова им воспользоваться?

– Ага, смешно. Это для бегства на «запасную точку», что ли – в Австралию? – она не скрывала иронии, – Тогда про печку лучше сразу забыть – аккумуляторов через пару-тройку дней уже еле-еле хватит на запуск движков. Да и горючего... Только на три часа полёта.

– Кстати, что ты там говорила насчёт того, что горючее на Станции закончилось?

– Да, именно это я и говорила. Дело в том, что пока шли эти самые триста лет, много уходило на маневрирование. Ну, чтоб удержаться на орбите. А ещё – ты, конечно, был прав, когда спрашивал, не пробовал ли кто-нибудь до нас... Да, однажды кое-кому из начальства пришла умная мысль, что показатели, которые передают зонды – неверны. Вот и от-

правили отряд. Уже не вернувшийся. И переболевший всеми этими... Лучевой. Нью-испанским гриппом. Супермалярией. Какой-то там холерой и эболой... Жаль их. Ну, тех, кто на своей шкуре проверял условия жизни.

– Погибли. – Роджер нахмурился, и не столько спрашивал, сколько утверждал.

– Да. Две девушки – от воспаления лёгких, потому что подцепили в лёгкие чего-то такого, что не лечилось никакими бортовыми лекарствами – скорее всего, боевым штаммом сибирской язвы. Ещё одна подцепила лихорадку, и тоже ничто из лекарств не помогло. Это мы условно называем эту болезнь – малярией. А на самом деле точно не знаем. А остальные шестеро – пострадали от холеры, эболы и чего-то ещё. Ну, а умерли от радиации, поскольку прожили подольше.

Я слушала записи – они передавали данные по радио. Омерзительно. Кожа, по их словам, слезала прямо пластами, тело шло как бы волдырями – с белёсой жижей гноя. Постоянный понос. В конце у некоторых не было сил даже отползти от ямы. Которую вырыли под временный туалет. Волосы выпали. И зубы... Бр-р!.. – Пенелопу передёрнуло.

– И... Давно это было?

– Да. Сто семнадцать лет назад первый раз. И семьдесят четыре – второй.

– И – что? Ну, во второй.

– Воспаление лёгких никто не подцепил. Малярии тоже. В смысле же радиации – почти всё то же самое. Только про-

жили эти несчастные подольше. Не сорок девять дней, а четыре с половиной месяца.

– Жаль девочек. А что же – начальство? Больше не решалось на спуски?

– На высадки не решалось. А на спуски... Ну, я же тебе говорила – каждые два-три года приходится летать за водой. Для кислорода.

– Точно. Помню. А вы не боитесь, что цистерна подберёт и притащит на борту этих самых... Бацилл-микробов?

– Ну уж нет! Она-то проходит по прилёте дезинфекцию и карантин... А воду цистерна набирает, зависнув над центром Тихого океана – там бацилл, вроде, нет. Да и воду мы, конечно, обрабатываем.

– Понятно. Неплохо для «не склонных к технике». Но... Насколько ещё хватит горючего для этой цистерны?

– Ну, для модуля-цистерны-то – надолго. Он же работает на ядерном топливе. Беспилотная – никто на ней не летает вживую. Это только в вот таких, пассажирских и спасательных, ботах, ещё нужно химическое горючее. Ах, да – забыла сказать, куда делась основная часть этого химического топлива. Мы раньше держали боты так, как предписывала инструкция – на поверхности Станции. И состыкованы они были с ней только переходными рукавами. А недавно – ну как недавно: пять лет назад! – проклятуший метеоритный поток, не помню названия, кажется, Плеяды! – поперепортил всё, что у нас имелось снаружи Станции. Снёс антенны. Видео-

камеры. Ну, и боты побомбил – хуже, чем получилось бы артиллерией врага. Вот там-то я и получила... – она невольно погладила себя по изуродованной щеке, – Тогда-то большая часть нашего химического и пропала. Вытекла, испарилась. Да и, если честно, мы и саму Станцию тогда спасли каким-то чудом. Некоторые помещения на нижних палубах до сих пор опечатаны – дыры в корпусе не заварены, и вакуум там не ликвидирован. И много девочек тогда... Вот нас и осталось всего пятьсот с небольшим. И может, именно поэтому Совет решил, что нам надо срочно... – она опять прикусила губу. Но Роджер сказал только:

– Мои соболезнования. По поводу погибших.

Смотри-ка, подумал Роджер, а весело, оказывается, проходят будни несчастных амазонок. А он-то думал, что работёнка у них – не бей лежачего. Сиди себе, да поплёвывай в подволок, пока ждёшь. Чтоб радиация спала. Ан – нет. Но...

– Словом, мы до сих пор не вполне оправились от этого потока. Хорошо хоть, оранжереи почти не пострадали – без нашего сада-огорода нам пришлось бы туго.

– Понятно. Но как – с «рабочими руками»? Как вы поддерживаете свою... э-э... – он замялся, чтоб не оскорбить чувства напарницы. – популяцию?

– Роджер. Хватит. Не нужно изображать политкорректность. Скажи проще – численность. Поддерживаем просто. Регулярно, вот как в этот раз, «размораживаем» несколько имеющихся здесь отобранных Комиссией тел мужчин-кло-

нов. (Я знаю, ты давно понял, что твоё тело – клон. Модифицированный. Замороженный и содержащийся в анабиозе. В криокамерах. Кажется, это сделали те, кто работал в компании «Вечная жизнь» – для своих клиентов. Как они попали к нам на Станцию с Земли, я знаю только по рассказам. Похоже, те, кто привёз их сюда, думали, что такими мужчинами, возможно, будет заселяться возрождённая и очистившаяся Земля. Но мы решили по-другому.)

Это Координаторша и Верховный Совет решают, какие из матричных записей памяти оживлять каждый конкретный раз. Мы обычно добиваемся разнообразия... э-э... семенного материала. После чего их в их же клоны и вселяют. Для гарантии «приживания».

Затем... Ну, ты уж знаешь, что – затем.

Гоняем этих «добровольцев», словно крыс по лабиринтам. Даём задачки решать. Выбираем самого умного и самого сильного. Затем стравливаем между собой. Кто победил – тот, стало быть, и – достойнейший. Чтоб передать свои – ну, вернее, носителя! – гены дальше. Через нас. Ну а дальше – ты уже преодолел.

Координаторша сама, лично, даёт себя изнасиловать. (Чтоб вставить семяприёмник так, как положено, уходит часов пять. И это – весьма неприятная процедура.) Затем, убедившись, что этот семяприёмник полон, она перекрывает клапан. Осеменителя нейтрализует. Проще говоря – убивает. Отравленной иглой.

Роджера передёрнуло. Кажется, он побледнел. И на лице явно какое-то нехорошее выражение проступило – Пенелопа замолчала, и нахмурилась. Затем мягко положила крохотную ладонь ему на руку:

– Прости. Я не хотела. Но ты же сам спросил...

– Да, я сам. Спросил. – Роджер заставил желваки прекратиться ходить под кожей лица, и мышцы руки – разжать посиливший кулак, что лежал сейчас перед ним на столе. Продышался. Взглянул Пенелопе в глаза:

– Не обращай внимания. Я – старый допотопный брюзга. Сторонник традиционализма. Меня немного... шокирует. Использование победившего мужчины только в качестве «элитного» одноразового самца. Это, это... Так нерационально. Расточительно – тратить двадцать клонов мужчин, чтоб отобрать только одного. Которого затем тоже – ликвидировать. Неужели у вас тут никаких бунтов контингента, ратовавшего бы за «естественный секс» раньше не случилось?!

– Случалось, конечно. Только – не контингента. А как раз – оживлённых мужчин! Лет двести сорок назад – случился первый. Когда победивший всех мужчина совратил Председателя Совета, и удрал с ней на челноке в неизвестном направлении. Но – явно не на Землю, потому что там тогда уж точно ничто не выжило бы. Мы, кстати, так и не нашли их, но пищи и кислорода у них было на пять лет.

Вот, чтоб предотвратить подобное, женщин-доноров ста-

ли использовать только проверенных и самых сознательных. А потом – так и вообще – лишь с Координаторшей! Координаторшу стали избирать не столько за организаторские способности (Хотя, конечно, учитывалось и это!) а за внешнюю красоту. Неотразимость. Чтиоб, стало быть, самец испытывал как можно большую степень похоти. Соответственно, и качество полового акта повысилось бы! И ещё донора стали снабжать иглой с ядом. (Но ты оказался всё-таки умным: стащил бедную даму за ногу прямо на пол! Ха-ха...)

Второй... Про второй лучше не вспоминать: мужчина смог как-то совратить сразу пятерых работниц СВБ, и они стали отстреливаться. Было много жертв среди ни в чём не повинных простых работниц, которые защищали палубу с десантными ботами...

А третий, и последний побег – вернее, попытка! – случилась восемнадцать лет назад. Я её даже смутно помню – мне было шесть. Мужчина не стал заниматься «оплодотворением», а сразу захватил координаторшу в заложницы, и угрожал, что свернёт ей шею, если его не выпустят... Ну, его выпустили, конечно. Из комнаты. А потом просто пустили в коридор газ. Строители Станции как знали – провели магистрали везде...

– И что – мужчина?

– Ну... Всё равно сдал семя. Хоть для этого его и пришлось приковать.

– Могу себе представить. – Роджер криво усмехнулся, по-

качал головой. – Смотрю, не много у вас тут причин любить нашего брата. Самца. Вам это, наверное, с детства втемяшивают? Как то, что дважды-два – четыре?

– Точно. И это сидит вот тут, – она постучала по лбу, – И если даже такой подход удастся хоть чуть-чуть изменить, это будет только со временем. И – вот из-за такого «самца» как ты: я сразу поняла, что такая прожжённая и цинично-расчётливая скотина будет отличным отцом для наших детей.

– Это что – комплимент? – Роджер поймал себя на том, что её шрам и искажённые из-за него черты лица уже вовсе не вызывают ощущения жалости или настороженности. Да и фигурка у неё – закачаешься! А уж на ощупь!..

Привык. Привязался? Пожалуй.

Да это и вполне понятно: ведь она – вылитый он. По мировоззрению и темпераменту. Спокойная. Рассудительная. С юмором. Словом – прелесть!

– Ну... Да.

– Вот спасибо. – Роджер не придумал ничего лучше, как покудахтать, изображая наигранный смех. – Считай что я – польщён. И тем, что ты наплевала на всё, что тебе «вбивали» педагоги в детстве, тоже впечатлён. Вижу, не больно-то тебе нравилось там, на Станции... И ты не в восторге от однополого социума. И самоудовлетворения.

Но секса сейчас – не будет. Мы идём на разведку!

Пенелопа сделала вид, что прекратила авансы и нежные взгляды. Рассмеялась.

– Если ты подумал, что я разочарована – так нет. Я лишь утвердилась во мнении, что ты – расчетливая и прагматичная...

– Замолчи. А то отшлёпаю. И сладкого на десерт не дам!

Снаружи всё равно было очень холодно – несмотря на то, что стояло позднее утро, температура в их «колодце» не поднялась пока выше плюс одного. Но они подготовились: надели по два комплекта нижнего белья, и комбинезоны оснастили нашедшимися к счастью, по версии Пенелопы, (Или кем-то заботливо приготовленными для такого случая, по невысказанной версии Роджера.) термопластинами. Пусть идти так было тяжелей, зато гибкие плоскости из многослойной алюмофольги отлично сохраняли тепло на животе и спине, и почти ничего не весили. Роджер щёлкнул клавишей наружного управления пандусом-дверью, проследив, как люк неторопливо закрылся, заперев трюм:

– Не хотелось бы, чтоб в наше отсутствие какая-нибудь шустрая скотина залезла сюда. И что-нибудь внутри испортила.

– Э-э, ерунда. Всё равно нам придётся рано или поздно обратиться отсюда. Не нужно слишком уж привыкать и привязываться к боту.

– Согласен, свалить придётся. Но согласись и ты – глупо отказываться от удобств, которые у нас есть сейчас, из-за той мысли, что нам так и так придётся привыкать к спартан-

ским условиям. Придётся, конечно. Но, думаю, лучше всё-таки заняться этим попозже. Когда хоть как-то адаптируемся. И разведаем.

– Ладно, разведаем, так разведаем. Потопали, муж мой и командир. Куда?

– Думаю, для начала – к вон той стене. – он указал на ближайшую отвесную скалу, что возвышалась на добрую сотню метров над их головами, и до которой, как казалось, было не больше трёхсот шагов.

– К стене – так к стене, поняла. Выдвигаемся, стало быть. – Пенелопа поправила автомат, что торчал на груди на ремне, да а сам Роджер невольно дотронулся до гранатомёта за спиной – тот, естественно, оказался на месте. – Думаю, ты хочешь для начала проверить «периметр».

– Точно. Обойдём, если удастся, нашу «милую яму» по окружности. Хотя бы для того, чтоб посмотреть, откуда понабежало столько чёртовых ящериц.

Они двинулись сквозь иссохшие стволы вымерзших пальм и побегов банана, и каких-то акаций, стараясь обходить наиболее толстые, и упавшие стволы. Иней на тех, что были в тени, да и на земле, ещё не растаял, и приходилось внимательно смотреть под ноги, чтоб не оскользатся. Роджер проворчал:

– Старайся не спотыкаться и не падать – колючки!

Пенелопа вдруг спросила:

– А почему ты думаешь, что ящерицы – понабежали?

– Это дотумкать было нетрудно. Чтоб прокормить достаточно большую популяцию таких тварей не хватит никакого «внутреннего» ресурса мяса. А траву эти гады явно не жрут. Вот и выходит, что они – именно понабежали. И регулярно везде тут шныряют. Как раз в поисках – не появился ли, и не размножился ли тут кто. Думаю, не ошибусь, если предположу, что в стенах нашей воронки мы найдём ходы и лазы.

Пенелопа фыркнула:

– Умный, да? Я ж тебе говорила: воронка – карстовая. Конечно, тут есть и ходы, и лазы, и ямы, и провалы. Со своим микромиром.

– Ага, помню. Этакий, так сказать, микрооазис. Экзотическая мини-вселенная.

– Да. – в голосе Пенелопы прозвучал вызов – в ответ на его ироничный тон, – Оазис! И мы, если забыл, как раз поэтому и здесь!

– Помню и это. – он, кряхтя, перелез через поваленный ствол, подал ей руку, – Если, конечно абстрагироваться от мысли, что в оазисах пальмы хотя бы зелёные. Собственно, травой и фруктами питаться пока так и так невозможно, даже если б они были и живы – радиация. А вот животные... Их здесь пока что-то не видать. В-смысле, не таких, как наши кожисто-щитковые друзья, а из тех, кого можно было бы скушать. А мы-то на это где-то подсознательно так надеемся... Мы же (в-смысле – гомосапиенсы) – хищники!

– Вымерзло-то оно вымерзло... Кстати, раз уж ты у меня

такой умный – не можешь ли сказать, почему тут все пальмы стоят без крон, а с деревьев словно посбивало ветки? Идём, словно по кладбищу: между не то – столбов-надолбов, не то – остовов.

– Ну, это просто. И вовсе не от ударной волны, как ты могла бы подумать. Всё это, все возможные сценарии и риски, уже много раз проигрывалось ещё при мне: ну, все последствия ядерной зимы.

– И что?

– А то. Снег. – видя, что она обернулась к нему, явно в недоумении, он пояснил, – Снегу, говорю, много выпадало. Особенно в первые годы, когда практически вся влага в атмосфере вымерзла, и превратилась в кристаллы. Вот и напало. На кроны. На ветки. Конечно, они и обломились! Кстати: по «кладбищу» мы так и так идём. Все эти растения, и даже лианы – мертвей мёртвого.

– А... Что с животными? Думаешь, они тоже?..

– Возможно. Думаю, те, кто населял этот изолят до войны, в любом случае мертвы. Но их-то точно лежать не оставили. Выживших падальщиков, вроде банальных муравьёв, клещей, крыс, да наших любимых варанов-крокодилов наверняка много. Кстати: думаю, что из всех живых мы встретим, кроме любимых пресмыкающихся, именно муравьёв и крыс. Они во-первых умные, а во-вторых – могут легко переживать до пяти тысяч рентген... Не то, что мы. На нас и тот радиационный фон, который сейчас здесь, скажется.

Ну, лет так через двадцать.

– Тьфу ты, напугал! – она сплюнула, затем вдруг резко дёрнувшись, остановилась. – Что это?!

– Это – яма. Как ты любишь выражаться – карстовый провал. В провале. Ну правильно – как-то откуда должна была стечь вся та вода, что образовалась от таяния местного снега!

– Уж больно правильные и ровные стены... – Пенелопа и он стояли теперь на кромке трёхметровой ямы, достигавшей побольше чем пятиметровой глубины, и Роджер не смог отказать себе в удовольствии тоже плюнуть – вниз. Он проследил, как его плевок пролетел над воронкообразным углублением в центре, и врезался во что-то, похожее на давно засохшее пятно крови, одно из тех, что оказались разбросаны по всему дну.

– Думаешь, это – кровь? – Пенелопа зябко поёжилась.

– Вряд ли. Чья это может быть кровь? Да и смыло бы давно всю кровь теми же дождями да снегами. Нет, это – явно что-то геологическое. Выход, скажем, особо рыхлых скальных пород – другого цвета. Или уж тогда остатки лишайника какого... Ладно, потопали дальше. Не век же нам тут пялиться в глубины местного унитаза. Желательно закончить хоть какую-то разведку до темноты. А то как понабегут наши кожисто-щитковые друзья...

– Проклятье! Вот уж подходящая компания для первых переселенцев! Впрочем, от перспективки встретить крыс и муравьёв-термитов я тоже не в восторге.

– Не парься. Термиты в этих широтах не водятся. А муравьи если и сохранились, так спят – у них не принято ползать при температуре ниже ноля. Да и невозможно кушать их, если и найдём – муравьиная кислота, всё-таки. А вот крыс есть вполне можно. И очень даже запросто. Я до того, как... – он постучал пальцем по голове, – попал сюда, успел прочесть много книг. В том числе об одном канадском натуралисте, который целых полтора года жил в тундре, изучая жизнь северных волков. Так вот он в целях эксперимента питался тем же, чем и те, кого изучал. Волки, стало быть.

– Оленями, что ли?

– Ха-ха. Если б так, мне бы не запомнилось. Нет, не оленями. А леммингами. На самом деле летом, когда волки живут не стаями, а семейными, так сказать, парами, и растят народившееся поколение, они и сами питаются, и волчат кормят именно леммингами. А тех вокруг до фига. В-смысле, в тундре.

Пардон – вернее, было до фига. Как и волков. И оленей. До войны. Но суть не в этом. А в том, что нам особенно выбирать или выдрючиваться явно не придётся. Будем есть то, что съедобно. И выжило. Ну, из того, что найдём. Единственное, что меня беспокоит, так это то, что в мясе мало витаминов. У нас может начаться цинга.

– А-а, поняла. Но там, в боте, имеется целый ящик. С витаминами.

– Нет, я не о таких, синтетических, говорю. А о таких,

что есть в свежих овощах-фруктах. То есть – в растениях. Кстати, от цинги лучше всего спасает простая картошка.

– Вот чего нет, того – нет. – Перелопа приостановилась, чтоб отбросить назад прилипшие на лбу волосы, – Не догадалась захватить – уж прости! – она развела руками в приговорном раскаянии, – И здесь вряд ли найдём. Всё-таки – триста лет морозов, это – триста лет морозов.

– Плохо. Ладно, присматривай за нашим правым флангом, и тылом. – он показал рукой её сектор, – Я возьму на себя левый фланг и фронт.

– Есть, сэр! – она даже честь отдала так, как положено в армии. Действительно, что ли, документальных фильмов насмотрелась? Про армию, да про сексуальные развлечения...

Ладно, не важно. И иронизирует она сейчас потому, что хочет скрыть свой испуг. Да Роджер, если честно, и сам настороженно смотрел сейчас в глубину одного из тоннелей в скале в добрых два его роста высотой, зияющего чернотой прямо напротив того места, где они вышли из зарослей. До тоннеля было не более десяти шагов, и тянуло оттуда явственным холодком и странным запахом. А всего таких тоннелей имелось в грязно-белой стене, отвесно нависавшей над поверхностью дна их воронки, несколько десятков: виднелись и более широкие, впору хоть на грузовике заезжай, (Роджер почему-то сразу представил, как они на катках из брёвен затаскивают бот в самое большое отверстие!) но были и небольшие: только-только пролезть кому-то вроде вара-

на. Или крысы.

Впрочем, похоже, чёртовых тоннелей было здесь гораздо, гораздо больше, но обзор в обе стороны скрывали всё те же лысые остовы и торчащие и наваленные стволы.

Радуюсь, что никакого подлеска или кустов не сохранилось, (Иначе продвигаться было бы куда трудней!) Роджер не торопясь подошёл к отверстию неправильной формы. Принюхался. Опустился на колени, внимательно осмотрел грунт, направив на него налобный фонарь. Поднял с земли нечто, похожее на чешуйку слюды.

– Наши друзья приползли отсюда. И, боюсь, действительно шныряют тут достаточно регулярно. Смотри: они протоптали целую тропинку. Мы, собственно, по ней и пришли.

– Да?! А я и не заметила.

– Зато я заметил. Когда кто-то где-то регулярно ходит, следы обязательно остаются.

– Научишь?

– Само-собой. От этого ведь зависит и твоё, и наших детей, выживание...

– Хорошо. А что – это? – Пенелопа указала на то, что он держал.

– А это – чешуя. Они же линяют, как нормальные ящерицы.

– А чем пахнет?

– А пахнет плесенью. И ещё – грибами. Не удивлюсь, если эти паршивцы выжили. В-смысле, грибы. Они же могут жить

и в Арктике и в Антарктике. Давай посмотрим.

В глубине лаза, на отдалении от входа примерно в сто шагов, на стенах действительно обнаружили грибы. По цвету они почти не отличались от этих самых стен, и переливались в свете их фонарей всеми оттенками серо-белого. Правда вот, аппетита крохотные шляпки с ноготь размером, почему-то не вызывали. И на вид казались ядовитыми.

Пенелопа буркнула:

– Вот уж чего бы я хотела попробовать в последнюю очередь, так это ядовитых грибочков. Я предпочитаю смерть в бою – хотя бы быстро и без мучений.

– Вот мы какие храбрые... Но не печалься – всему своё время. Придётся только немного подождать. Уж бой-то нам точно светит. Не с варанами, так ещё с какой-нибудь местной мерзостью, освоившей эту экологическую нишу с её пищевыми ресурсами... Вон: видишь, снизу эти чёртовы грибы обгрызаны! Или обглоданы – как правильно сказать-то?

– Ух ты, точно! Обглоданы. Мыши?

– Скорее – крысы.

– Но... Почему эти грибы – все серые?

– Н-да, многокрасочной палитрой им не похвастать. Но всё в мире рационалистично. Значит, такой цвет помогает им эффективней всего усваивать то дохленькое освещение, что доходит досюда. Впрочем, тьфу ты – о чём это я: у них же нет хлорофилла. Они просто своими выделениями из корне-

вой системы – мицелия! – растворяют, и пожирают субстрат. То есть – вот эту известковую скалу.

– Немного же им достаётся, ничего не скажешь. – презрения в голосе Пенелопы не уловил бы только ручеек талой воды, сочившийся по одной из стен. – Да и кушать их... Бр-р! Наверное, они и невкусные!

– Не нужно так к ним относиться. Вкус пищи – это сейчас последнее, что нас интересует. Мы ищем всё потенциально съедобное. Грибы – это прекрасно. Особенно, как мы убедились – съедобные. Вот теперь я уверен, что мы с голоду-то – не умрём. Даже если не завалим какую-нибудь местную крысу. Кстати, ну-ка потише. – Роджер снова поправил сам себя, разворачиваясь к глубине тоннеля, откуда донеслись подзрительные звуки, одной рукой доставая из кобуры на поясе УЗИ, другой одновременно мягко задвигая Пенелопу себе за спину.

Пенелопа говорить ничего не стала, а тоже приготовила оружие, озабочено всматриваясь в еле заметное блёклое отверстие входа у них за спинами – похоже, её тянуло вовсе не принимать тот самый «бой», а очень быстро свалить отсюда к такой-то матери.

– Тоннель сзади свободен. Если что – пути отступления есть.

А молодец. Возможно, с такой разумной, хваткой, и деловой напарницей у них и правда получится. Заселить Землю. Получилось же у Адама?

Крысы и выглядели как крысы.

Небольшие – они-то почему-то от радиации не выросли так радикально, как вараны, но у Роджера сейчас не было времени рассуждать о перипетиях местной эволюции! – и на вид противные и злущие. Серо-бурые. С огромными, свирепо и выпукло поблёскивающими чёрными глазищами, и длиннющими, чуть ли не в фут, усами-вибриссами. На людей шли неторопливо, словно ощущали свою силу, и понимали, что тем деваться теперь просто некуда. Роджер позволил телу расслабиться, а затем снова чуть напрягся: стрелять придётся быстро и метко. Не оборачиваясь, он скомандовал:

– Я начну. Твоя задача: не дать раненым уйти! Туда, в глубину!

За спиной раздалось подтверждающее «угу!». Луч её налобного фонаря стал шире и мощней: отрегулировала. Хорошо. Молодец она у него. Не выделяется своими советами и комментариями, а выполняет.

Роджер неторопливо опустился на пол, и залёг, уперев приклад в каменный пол. Целиться сразу стало удобней: видеть, руки всё же подрагивали!

Подпустив крыс на пять шагов, Роджер щёлкнул переводчиком огня, и принялся стрелять одиночными. В первых трёх крыс попал без проблем, остальные заметались, затрудняя задачу. Но тут в дело вступила Пенелопа: она, присев на колени, чётко перекрывала сектор, не позволяя крысам

драпануть назад. Палила напарница короткими очередями, и было похоже, что уж стрельбищами на полигоне в своё время не пренебрегала!

Когда двигавшихся на полу не осталось, и сполохи от их выстрелов прекратились, Роджер буркнул:

– Хорошо, что эти штуки с глушителями, а то бы точно оглохли.

– С-сколько их было?

– Думаю, не больше двадцати – двадцати пяти. Одна семья. Клан. Они, похоже, теперь так и охотятся: отрядами.

– Ладно, мы с-справились. – оглянувшись, он обнаружил, что его «бравую» напарницу буквально трясёт, – Чт-то дальше?

– Дальше я тебя должен обнять, приласкать и согреть, вселяя своим бодрым видом и тоном уверенность, а телом – даря тепло. – он подошёл, и на краткий миг так и сделал, продолжив уже совсем другим тоном, – А на самом деле нам нужно как можно скорее собрать все эти трупы, донести до бота, разделать, и запихать тушки в холодильник.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что мы всё-таки будем их?!..

– Вот именно. Нам сейчас не до выпендрона, как я уже сказал. Привередливых гурманов нам тут уж точно изображать не придётся – дай Бог хотя бы нашим внукам дожить до пищевого, как говорится, изобилия. Но если хочешь, первую крысу я приготовлю сам. – глядя, как по её лицу расплза-

ется гримаса, он поспешил добавить, – И опробую, конечно, тоже сам. Вдруг они ядовитые. (Грибы же жрут!) Так что если сдохну, похоронишь.

– Ну и шуточки у тебя!..

– Дебильные. Согласен. Ладно, пришла в себя? За дело!

Закидать трупики размером с небольшого сурка в пластиковый контейнер с особо тонкими стенками, что хранился в сложенном виде в набедренном кармане его комбеза, оказалось нетрудно. А вот со следами крови на серой поверхности пола, что выделялись отсветами и полосами в лучах пробивавшегося сюда света, поделать уже ничего было нельзя – они недвусмысленно выдавали место боя.

– Проклятье. Ну да ладно: наши друзья вараны всё это подлизут, и тоннель снова будет как новенький!

– Ты шутишь?

– Вот уж нет. Единственное, что здесь и сейчас выдаёт живых существ – это их запах, и кровь из ран. Естественный отбор наверняка постарался. За триста-то лет.

– Понятно. Так что – с... трупиками?

– А что – с трупиками? Помогай давай: тащить нужно так, чтоб не прорвать пластик, то есть – волочить по полу нельзя. Да и для варанов нельзя оставалось следы или борозды. Поэтому перемещать эти пятнадцать с чем-то кило придётся по воздуху.

Хватайся-ка вон за то конец.

Пока дотащили неудобный, и так и норовящий вырваться из пальцев, скользкий мешок, с них сошло буквально семь потов. Роджер вспоминал странную серебристую как бы сеть на потолке тоннеля, и радовался, что не в этот раз пришлось выяснять, что это такое. С гигантскими пауками он сейчас вовсе не горел желанием встретиться – с крысами бы разобраться. Пыхтя и потея, он матерился про себя, а Пенелопа – уже вслух:

– Чтоб им провалиться, тварям ...реновым! Б...! Такие мелкие, а такие тяжёлые!..

– А, ничего. Ладно, останавливаемся здесь. Жаль, нельзя их разделять там, у нас внутри – а то вонять будет так, что жить не сможем. Ну, дня через три, я имею в виду. – он поправился, видя её недоумённый взгляд, – Неси с бота ещё плёнки, и не забудь кирку и лопату – шанцевый у нас в порядке, я уж смотрел. А я пока наточу нож.

Нож точить он, конечно, не стал, а занялся пока сортировкой. Вскоре подошла и Пенелопа.

Кусок плёнки Роджер расстелил в доброй сотне шагов от их «дома», и сверхострому десантному ножу, который он отобрал ещё у давешней сердитой охранницы бота, пришлось действительно поработать. К концу экзекуции, когда горка внутренностей, голов, и шкурок достигала чуть ли не его колена, позеленевшая и помрачневшая Пенелопа, помогавшая в основном тем, что держала тушки, чтоб не скользили, пока

он разделявал их на одном из упавших стволов, и высказывавшая разные пожелания и комментарии в их адрес, сделала совсем уж кислую мину:

– Роджер! Как ты это сделал? Я хочу сказать – как тебя не стошнило?

Роджер оказался действительно огорошен:

– А почему это меня должно было стошнить?! Для охотника разделка добычи – вполне обычный, и даже обязательный ритуал. Почётный, можно сказать. Ну, для нормального охотника, а не такого, который заплатил колоссальные бабки, выстрелил в слона или там, тигра, сфотографировался на его фоне для выпендрона перед друзьями, поставив ногу на голову или бивень, и на этом успокоился. Поскольку всё остальное, типа вырубания бивней для развешивания над камином, или сдирания шкуры для подстилки в кабинете, доделывают наёмные проводники, шерпы, и прочие егеря природного заповедника.

– Да, это-то я понимаю, – она дёрнула плечом, – Я про то, что тут столько кровищи, кишков этих сизых и скользких... Хвосты, вонючая шерсть эта поганая... Ф-фу.

Не мерзко?

Он посмотрел на неё. Вздыхнул:

– Мерзко. Но есть-то нам надо? А это – мясо. Настоящее, а не какой-то там тухлый эрзац. Тут – всё *натуральное*. Протеин. Белок. Жиры. – он утёр пот со лба тыльной стороной предплечья, – Ладно, мы закончили. Теперь давай-ка я вы-

рою яму поглубже, да закопаем всю эту требуху. Нам нельзя допустить, чтоб она воняла, и кто-нибудь захотел разрыть.

Копание ямы, пусть и в почве-перегное, что имелась на дне их «колодца» оказалось задачей не из лёгких. Во-первых, под более-менее оттаявшим слоем у поверхности, вскоре встретился промёрзший за три века слой – чуть ли не вечной мерзлоты. Правда, его преодолели с помощью кирки за час – Пенелопа решила было не отставать, и тоже минуты три махала орудием землекопа. После чего сказала:

– Я выдохлась. Да и о ребёнке надо подумать. – после чего огладила себя по животу, и присела шагах в пяти на одном из поваленных стволов.

Роджер усмехнулся:

– Подумать-то, конечно, надо. А как ты узнала? Две полоски, что ли, вылезли?

– Ты это о чём?

– А, ну да, откуда же вам бедолагам об этом... – он рассказал, какими методами проверки на «залёт» пользовались женщины его времени. Пенелопа фыркнула:

– Вот уж – старьё какое! Сейчас на Станции могут на сканнере определить уже на третий день!

– Ну, положим, сканнера у нас нет. А вот определить... Не раньше, чем на десятую-двенадцатую неделю. Когда начнёт подташнивать. И воротить от запахов.

– А-а, ну это-то я знаю. Проходили в школе. На начальном этапе, так сказать.

– О! Заинтриговала. А у вас есть и школа? И, небось, что-то вроде детсадов?

– Нет, скорее – яслей. Там всех младенцев из одной партии воспитывают и обучают вместе. Ну, примерно до пяти лет. Потом – уже по специализации. Ну, ты же видел в «Истории», которую... э-э... позаимствовал у любимой Дианы. Кто-то больше тяготеет к технике, поэтому вот таких как я – и ведут и учат как инженерный персонал: физика, математика, механика, геометрия да сопротивление материалов всякое...

А кто больше ориентирован на какие-то общие... Ну, типа, как их раньше называли, гуманитарные, предметы – тех и направляют. В медицину. Кулинарию. Швейный цех. Оранжею... Ну, и, само-собой – рожать!

– Погоди-ка, – Роджер, сделав перерыв в махании и долбёжке, выпрямился, кое-что дотумкав, – Так тебе, как работнику инженерной службы, рожать – что? Не светило?!

– Нет. *Такое* – для избранных! Тех, кто физически здоров. Пропорционально сложен. Красив. – от Роджера не укрылось, как остренькое плечико под комбинезоном дёрнулось, – И не заморачивается глубокомысленными размышлениями. Да всякими нравственными терзаниями.

– Что?! – после последних слов у Роджера сама-собой отвалилась челюсть, и пришлось хлопнуть по ней рукой, чтоб встала на место. – Уж не хочешь ли ты сказать, что в матери, так сказать, производительницы – отбирают самых... Здорово-

вых и тупых?!

– Именно так. Считается, что моральная устойчивость и физическое здоровье носительницы будущего члена нашего сообщества имеют приоритет над интеллектуальностью, склонностью к технике, и разным творческими порывами, и всяким «умным» специализациям.

– Чёрт. Теперь понятно, почему вам нужен именно интеллектуальный и здоровый «самец-производитель». Для компенсации, так сказать! Ха! – Роджер покачал головой, стараясь только не заржать в голос, – А не было опасений, что в результате такого «искусственного отбора» родятся через одну – умные, но «обременённые». Терзаниями. И тупорылые и совершенно беспомощные, ничего не умеющие и не желающие, козлы?

– Во-первых, не козлы, а «козы». У нас тщательно контролируют пол будущего члена нашего социума. И всех мальчиков просто ликвидируют. Ещё на стадии трёх-четырёхнедельного плода. (Зачем тратить силы и жизненные соки матери на того, кого всё равно утилизируют после рождения?! После соответствующей паузы для отдыха таких носительниц просто осеменяют повторно!) А во-вторых, социальную политику руководства я тебе растолковать не могу. Поскольку не посвящена. Статусом не доросла! Да я и особо никогда не интересовалась... – она закусила губу и нахмурилась, – Хотя...

Если подойти непредвзято, то примерно так у нас дело,

похоже, и обстоит!

– Ага, понятно. – Роджер взмахнул было киркой, но снова приостановился, – У нас есть возможность отсюда, с бота, связаться напрямую с... «Матерью»?

– Нет.

– Проклятье. Ладно, не суть. То, как будут выживать идиотки там, наверху, – он кивнул головой. – Меня уже не беспокоит. Меня больше волнует, как мы будем воспитывать. Так что? Будем нашим малышам пропагандировать прелести однополого Социума?

– Н-нет... – было заметно, что она не совсем искренна, – Думаю, будем проповедовать ценности, имевшиеся до войны. Традиционные. Женщина и... мужчина – Семья!

– Ну, то-то. Ладно, уже хочется, если честно, согреться и поесть. Но придётся всё же это дело – он обвёл рукой кучу требухи, – зарыть. Как положено.

Углубившись ещё на штык, Роджер обнаружил в почве странные отверстия. Норы, что ли?! А похожи. Правда вот, определить, кто их понарыл, не удалось: ни один «копатель» не оказался настолько глуп, чтоб вывалиться в вырытую им яму. Да и ладно.

Груды требухи зарыли на глубине почти двух метров – насколько Роджер помнил, такое расстояние от поверхности считалось во всех отношениях безопасным, а уже в метре под промёрзшим слоем снова оказался вполне нормальный

рыхлый чернозём. Роджер предпочёл засыпать неаппетитно выглядящую кучу вначале мягкой сравнительно землёй, регулярно спускаясь вниз, и утаптывая её, а кверху ямы приберёт как раз те куски и глыбы из среднего слоя, что были заморожены.

– Нормально. Сейчас они чуть оттают, и потом ночью снова прихватятся – словно кирпичи на цементе. А мы их ещё и польём для этого: вон из той лужи. Тогда уж точно ни наши любимые вараны, ни ещё кто, не разроют.

– Логично. А в чём воду будем носить?

– Да хотя бы в пластиковом мешке.

– А-а, точно. Его же можно сложить. – Пенелопа, на ходу складывая полотнище в подобие ёмкости, быстро направилась к небольшому озерцу, судя по-всему образовавшемуся давно: на пологих берегах даже имелись следы от отложившихся солей. Напарница Роджеру попалась действительно вполне ушлая и практичная, поэтому догадалась вначале полотнище в воде отмыть и прополоскать.

Зачерпнуть воду оказалось нетрудно: достаточно было просто правильно кусок пластика сложить. Роджер, уже отряхнувший комья и пыль с комбеза, подошёл помочь.

Донесли литров двадцать быстро, вылили равномерно.

– Порядок. Что там у нас с закатом? – Роджер знал, что то, что в их яме наступили густые сумерки, вовсе не значит, что зашло за горизонт и солнце там, на поверхности.

– Если верить хронометру, полчаса.

– Отлично. Управились, стало быть, чётко. Давай-ка теперь пообливаемся, чтоб смыть с комбезов грязь – а то уж больно жалко тратить нашу. Пусть и техническую.

Они «обливались» минут пять. Грязь смывалась отлично – не иначе, как наружное покрытие комбезов было из чего-то вроде тефлона.

– Ну, потопали. Мяса у нас на пару-тройку дней хватит, можно отдохнуть. А потом можно и ещё на кого-нибудь поохотиться. Так что предлагаю поужинать, да порассказывать друг другу сказки. Ну, вроде тех, которыми вас потчевали в начальном.

Да и в постельку.

Его окинули взглядом, который в его время называли «рублём подарить».

Неужели его снова ждёт что-то вроде «я устала», или «голова болит»?!

Стоило тогда из-за такой хренотени просыпаться снова спустя триста лет?!

Готовить чёртовых крыс оказалось несложно.

Роджер сам отобрал пару, что собирался поджарить на ужин, остальные тушки аккуратно уложил в холодильнике – Пенелопа морщилась, но смирилась: понимала, что в их положении особо привередничать да выбирать не приходится. Роджер буркнул:

– Ну? Понятно, почему мы грамотно поступили, что не

стали заваливать варана-переростка? Он бы всё равно сюда не влез! Морозильная камера у нас – как раз только-только на тридцать-сорок крыс.

Пенелопа не смогла удержаться от ехидной шпильки:

– Это всё ты виноват. Всё рассчитал. Если б камера у нас была побольше, ты и крыс пригласил бы побольше!

– А я смотрю, ты всё любишь, чтоб было – побольше! – он подмигнул ей, облизав губы. Пенелопа вспыхнула. Он усмехнулся: какая у него «скромно-стыдливая» девушка! Но сейчас – не время. Нужно и правда – опробовать. Крыс.

Роджер, пока резал две самые крупные выбранные тушки ломтями, морщился: под острейшим и прочнейшим ножом хрустело, и сопротивлялось – мелких костей попадалось много. Да и ладно: время на аккуратную еду, вроде, есть. Никто их в шею не гонит, можно поосторожничать при жевании, выплёвывая или вынимая изо рта эти самые мелкие кости.

Крыс он приготовил на сковороде, обжаривая за неимением другого, на машинном масле из запасной канистры. Благо, масло оказалось высшей пробы и очистки.

Послить и посыпать перцем, нашедшимся, как ни странно, в НЗ, он ломтики тоже не забыл – румяная корочка на готовых бифштексах даже на вид оказалась весьма аппетитна. Запах – Роджер назвал бы его приятнейшим из до сих пор унюханных в этом мире эрзацев и заменителей! – наполнил кабину бота, но вот против него даже Пенелопа не стала

протестовать. Проветрить во-всяком случае, не предложила. Что же до вкуса...

Роджер уплетал за обе щёки, стараясь только не причмокивать – вот это действительно было – *мясо!* А не какой-то, пусть и «навороченный и продвинутый», и «максимально близкий к естественному», заменитель! Единственное, что раздражало – что мелких и чертовски острых косточек действительно оказалось до фига: рёбра, конечности и прочее такое... Но к концу еды он приспособился обгрызать мясо с таких костей в два движения. Кучка костей между ним и Пенелопой заняла целую пластиковую тарелку.

Женщина ела медленней, и заметно было, что ей это отнюдь не столь приятно, как Роджеру. Когда остался последний кусок, сказала:

– Роджер. Может, съешь его за меня? А то мне что-то...

Роджер, давно обративший внимание на её подозрительно позеленевшее лицо, вскочил на ноги, и сунул Пенелопе под нос склянку с мазью от аллергии:

– Ну-ка, быстро занюхай!

На «занюхивание» ушло добрых полминуты. После чего цвет лица Пенелопы вернулся к своему естественному состоянию. Ну, почти вернулся. Женщина выдохнула, поморгав:

– Ф-фу-у... Прости. Просто как-то вдруг представила, как эти крысы жрут всякую падаль, и даже, наверное, и друг друга, когда зимой жрать нечего... И что-то повело меня.

– Ага. Но я у тебя циничный и прагматичный. Не позво-

лил избавиться от калорийной и полезной белковой пищи, и не дал ей таким образом пропасть.

На него снова посмотрели. Но ничего не сказали. Роджер закончил свою мысль сам:

– Сам знаю. Омерзительно. И непривычно. Разум требует съесть, потому что деваться некуда – выживать нужно, а бесовское подсознание инстинктивно вопит: «Гадость! Мерзость! Нужно вырвать!». Но, как я уже говорил, и наверняка повторю ещё примерно восемь тысяч сто сорок два раза: нам тут выбирать и привередничать особо не придётся. Это уж точно. Так что держи свои инстинкты и рефлексy в железной узде самоконтроля. И рационализма.

– Чёрт... Хорошо излагаешь. А что это ты мне дал, чтоб занюхать?

– Да это просто мазь от аллергической сыпи... Я, когда мы разбирали нашу аптечку, понюхал её. И сразу понял – пригодится. И даже представлял, для чего.

– Скотина прагматичная. Хамло. Не дал девушке... Облегчиться.

– «Облегчиться» нужно теперь только с того, – он показал глазами, – конца! С «правильного»! Да и то – осторожно. А то туалетной бумаги у нас – не больше чем на месяц.

– Ну так!.. А чего б ты хотел? Это же – спасательный бот. Рассчитанный на десять человек. На две недели. А потом должен подлететь спасательный корабль, да спасти. Всех. – видно было, как энтузиазм буквально с каждым словом ухо-

дит из Пенелопы.

– Не нужно расстраиваться. – но он и сам чувствовал, как под кожей лица опять заходили желваки, – Никто нас не спасёт. Кроме нас самих. Но я надеюсь, что глупая бравада и угар восторгов от осознания «свободы» скоро пройдут. И шаблоны втемяшенных стереотипов поведения и обучения спадут, словно шелуха, с нашего закованного в шоры привычек, разума. Потому что всё окружающее непривычно не только тебе. Но и мне!

Но мы втянемся. В долгий и нудный марафон по выживанию.

Грязный, да. Невероятно тяжёлый чисто физически. Да и морально... – он хмыкнул, увидев, как Пенелопа передёрнула плечами, – Но! Терпение и труд всё перетрут. Знаю, звучит занудно, и банально. Но ведь деваться-то нам просто некуда.

Само-собой, понадобится время. Много времени. Поверь: штурмом тут и не пахнет – нет, в нашей ситуации нам придётся долго и кропотливо работать, и бороться. И с собой, и со всем окружающим. И заниматься, скорее, планомерной осадой крепости. Под названием «природа».

– Я... Умом понимаю, конечно, что ты прав. Кроме того, ты и старше, и... умнее. Ты пытаешься вселить в меня веру в наши силы. И оптимизм. Но сейчас, когда всё это – не теория, и не радужные мечты, и мы действительно – только вдвоём... На враждебной и неприспособленной планете...

Нет: это я к ней – неприиспособленна. Ты-то... – она вздохнула, – Жил здесь. Ну, хотя бы твой разум жил. А вот мне всё – внове. Приходится и мёрзнуть, и пахать, как лошадь, и охотиться, и на самом деле есть всю эту... – она не договорила, но Роджер и так знал, что она хотела сказать «гадость», – Нет, я не так себе *это* представляла!

– Ха! – он приобнял её, и нежно похлопал ладонью по мускулистой тоненькой спине, а затем и по округлым полушариям внизу, – Можно подумать, я себе это «так» представлял!

– А как? Как ты представлял?

– Как? Хм-м... Если честно – то, то, что я очнулся вообще в чужом, пусть и молодом, и как потом выяснилось, всё же – моём, теле, меня сильно напрягло. Нет, не до такой, конечно, степени, чтоб прямо вот спятить... Но где-то близко. Я понял, конечно, что мнемоматрицу снимали с меня не зря. Только всё время ждал, когда же я смогу снова вернуться... – он невольно сглотнул, – К нормальной жизни.

Той, которая у нас – ну, у меня! – была до войны. Я считал, что все эти дебильные тесты, лабиринты и задачки на сообразительность, которым меня вначале подвергли – это просто проверка. Чтоб выяснить, сохранились ли все те знания и навыки, что были у меня до...

Как я ошибался.

Потому что – вместо возвращения домой!..

Вот когда меня, словно цепного пса, стали стравливать с

животными, а потом и с другими бойцами-людьми... Я подумал, что моя «оценка ситуации» была, мягко говоря, ошибочной – меня воскресили явно не для того, чтоб я кайфовал в своё удовольствие.

А для работы.

И я подумал, что выжить нужно. Любой ценой. Хотя бы – назло тем тварям, что проводят надо мной такие сволочные эксперименты.

– А... отомстить? Не хочется?

– Отомстить? Нет, пожалуй. Ведь теперь, когда я знаю, понимаю, почему и как вы поступаете с «отборными» производителями, я не могу особо на вас – ну, вернее, на девочек там, на Станции! – обижаться. Понимаю, что они руководствовались *своими*, вполне конкретными и разумными (Ну, по их мнению!) доводами и рассуждениями. И, конечно, прецедентами. С «бунтовщиками». Так что – нет. «Отмстить» я не собираюсь никому.

А вот выжить вопреки всему, и заселить Землю *нашими* потомками – с моим большим удовольствием! Вот именно – назло идиоткам, оставшимся там, на Станции!

– Рационалист. – она покачала головой. Выражения на её лице он не понял: это могло быть и презрение, и восхищение.

– Да. Стараюсь, по-крайней мере. А ещё я чертовски рад и счастлив, что упирался. И несколько не стыдно, что поступал с противниками подло. Хитрил, изворачивался. Иногда и бил в спину. Кидал песком в глаза. Да мало ли!.. Словом,

делал всё, чтоб выжить. Потому что понимаю: никому другому такой шанс Судьба во второй раз не даст! Ведь тот, первый, в-смысле, «исходный» я – наверняка погиб. А я этот – с новым телом, и моими старыми знаниями – идеальный кандидат. На основание династии.

Ну что? Новую библию будем сочинять? И назовём первых людей – Пенелопа и Роджер.

– «И было лет Роджера, когда он умер – девятьсот девяносто. И родил он сынов и дочерей. И заселили они землю, которую Господь дал им во владение!..»

Роджер решил, что не надо его девушке сейчас цитировать Священное Писание. Заняться составлением летописей и легенд можно и позже. А пока он не придумал ничего лучше, как запечатать пухлые губки нежным поцелуем, прерывая ироничный спич...

Проснулся среди ночи – не от звуков внутри бота, к которым уже привык: ворчание клапанов подачи воздуха, жужжание вентиляторов климатизатора, попискивание датчика углекислого газа, и других техногенных шумов. И не от того, что смутные мысли беспокоили. Нет – он почуял. Снаружи что-то происходит!

Что-то нехорошее, и угрожающее их жизням! Но что?!

Ведь не доносится ни звука?!

Он старался не двигаться, и только тихо лежал, прислушиваясь, и оглядывая придирчиво все углы трюма бота, ста-

раясь вертеть головой так, чтоб головка с разметавшимися по его телу волосами не соскользнула с его груди.

Нет, *это* – точно снаружи.

Пенелопа, сопение которой вдруг изменилось и прекратилось, подвинулась, прошептала ему прямо в ухо:

– Что происходит? Ты что-то услышал? Почуял?

Роджер внутренне усмехнулся: вот они уже и совсем как настоящие муж и жена, прожившие душа в душу лет сорок: чувствуют друг друга даже во сне! А ведь прошло не больше трёх дней, как они вместе! Да и любили друг друга всего два раза. Правда – каких раз!.. Но нужно ответить, а то маленькое тело у него под боком всё напряглось, готовое бежать, или стрелять, или ещё как-то реагировать на опасность! Которую, похоже, действительно почуяла его изощрённая ...адница.

– Я видел у нас в боксе со строительным оборудованием – огнемёт. – он старался шептать одними губами, так, чтоб не отдавалось в груди эхо от его зычного, в-общем-то, голоса, – Он работает?

– Не знаю. Но должен по-идее, я и мои девочки проверяем такое оборудование регулярно.

– Отлично. Сползай туда, – он махнул рукой, – и открывай люк, когда скажу!

А молодец она у него. Не стала ни протестовать, ни сыпать дурацкими вопросами.

Роджер прополз до нужного бокса, напрягся, открыл двер-

ду так, чтоб не скрипнула. Всё верно: вот он, огнемёт. Портативный.

Он проверил заряд – на максимуме. Снял с предохранителя. Отрегулировал на малую мощность. Встал перед люком, уперевшись как следует в палубу босыми ногами.

– Давай!

Люк открылся довольно быстро: секунд за пять. Роджер прыгнул во тьму, освещаемую только его налобным прожектором, сидящим на пластиковом кольце, обнимавшим всю голову. Пока летел, заметил кое-что странное и действительно страшное: слева, там, откуда чёртовы ящеры сорвали давешнюю антенну, возвышалась странная массивная фигура: ого!

Фигура вскинулась, и встала на задние лапы! Обалдеть! Вот это – рост!..

Тварь между тем раскрыла в злобном оскале огромную – любая акула позавидовала бы! – пасть! Роджер не стал ждать, пока его достанут зубы, или мощные передние лапы с огромными, словно у гризли, лезвиями когтей, отсвечивающих в свете луны тускло-жёлтым, а выпалил со всей дури прямо в центр силуэта!

Огнемёт, как оказалось, работал. К счастью. Вот только особо насладиться этим фактом не удалось. Потому что когда факел, похожий на огненный бутон раскрылся, ударив монстра в середину туловища, и заставив вспыхнуть густую белёсую, словно брюхо дохлой рыбы, шерсть на животе, Род-

жеру в уши ударил жуткий по громкости вопль: тварюгу обожгло явно так, что мало не показалось! Пламя явно не только напугало, но и пробрало нападавшего от души! В воздухе отвратительно завоняло палёной шерстью.

Тварь проявила редкую догадливость: не прошло и секунды, как примерно пятиметровый в длину монстр хлопнулся на брюхо, сбив часть пламени, а затем вскочил, и со всего духу ломанул сквозь частокол голых и поваленных стволов, прочь: во мрак ночи, подвывая и рыча. Но Роджеру особо радоваться не пришлось: подозрительные звуки за спиной заставили его срочно развернуться, и пальнуть в ещё одну громадину, пытавшуюся незаметно (Ха-ха!) подкрасться сзади.

Этой опалило морду. Длиннющие вибриссы, напоминавшие крысиные, только куда длинней и толще, мгновенно вспыхнули и опали, словно осенние листья с деревьев. Воя, и теребя нос лапами, странная фигура тоже бросилась со всех ног прочь – в сторону, противоположную той, куда удрала первая тварюга. Напоминала она ему кого-то очень знакомого. Но – кого?..

Поле боя осталось за Роджером. Однако радости он не испытывал: твари большие, и могли «работать» тут достаточно давно: мало ли чего успели понатворить?!

Однако вначале пришлось вернуться на борт, и одеться. А главное – обуться, поскольку теперь можно было не бояться грохота каблуков по пандусу. Пенелопа спросила только одно:

– Сам – цел?

– Угу. – Роджер только пытаюсь попасть в штанину комбеза ногой, обратил внимание, что она лезет плохо: дрожит, как лист на ветру, да и тело трясёт явно не только от холода, – А что? В камеры не глядела?

– Глядела. Да только не видно там ни ...на без прожекторов. Но включить боялась. Чтоб не спугнуть.

– Правильно сделала. Докладываю результаты, госпожа верховный главнокомандующий. Противник в панике бежал, поле боя за нами, наши доблестные войска ведут наступление и преследование по всем фронтам.

– Спасибо за попытку морально приободрить меня. (Ух ты – я и не заметила, когда приучилась выражаться в стиле твоего дебильного казённого юмора!) Кто это был?

– Хм-м... Когда ты так ставишь вопрос, я начинаю и сам думать: чёрт. А что это, и правда, было?

– А серьёзно?

– А серьёзно, я думаю, – Роджер мысленным взором ещё раз охватил омерзительную и странно безглазую треугольную морду-пасть с непомерно громадными усиками-вибриссами, захлопнувшую прямо перед ним метровую воронку рта с острейшими мелкими зубами, – что это были кроты. Семья кротов. Самец, стало быть, и его самка.

– А почему ты решил, что тебе понадобится именно огнемёт?

– Ну... Как бы это попроще... – он закончил одеваться,

выдохнул, посмотрел на руки. Они послушно перестали дрожать. Ну, почти перестали. Он снял со стены, вынув из державков, мощный карабин с разрывными, – Снаружи было уж слишком тихо. А поскольку это я копал промёрзшую землю, то и обратил внимание, что, когда скребёшь этот самый промёрзший слой, всё вокруг словно сотрясается. Ну, как при небольшом землетрясении. Вот я и почувял. Спиной через матрац. Это самое сотрясение. Вроде бы.

Мысли возникли самые элементарные: кто-то очень большой и хитрый пытается подкопаться под наш бот, чтоб завалить его в глубокую яму. Чтоб уже там его, или его содержимое, без посторонних глаз и ртов, в тишине и спокойствии, сожрать.

– Красиво излагаешь, я уж отмечала. Прошёл курс риторики?

– Нет. Курс выживания в экстремальных ситуациях.

– Шутишь как всегда?

– Нет. Я ведь работал в том числе и на буровых платформах, ну, тех, которые ставили на шельфе. А там в курс обучения входило и спасение при экстремальных обстоятельствах. В условиях шторма. Из-под воды – при затоплении. Из тонущего вертолётa. От пожара. И даже эвакуация при нападении террористов. Словом – практическими занятиями я не пренебрегал: как чувял. Что могут пригодиться. Ладно, одевайся и сама.

Нужно посмотреть, насколько наши новые друзья пре-

успели в своих попытках.

«Друзья» «преуспели» весьма неплохо.

Под всей носовой частью бота яма была вырыта на глубину не менее четырёх метров. Свежие и отблёскивающие льдинками комья земли высились двухметровыми отвалами по обе стороны кораблика, почти погребя под собой ближайšie стволы и пеньки чащобы. Роджер поразился: всё казалось сделано аккуратно и с расчетом: чтоб закапывать было быстрее и удобней. Гады.

– Обалдеть. – в голосе Пенелопы чувствовался неподдельный ужас, – А хорошо, что они не догадались начать с кормы – мы тогда и выйти-то не смогли бы!..

– Точно. – Роджер не стал уточнять, что вероятней всего они не то что выйти, а и просто выжить не смогли бы: ещё бы! С почти метровым слоем земли над головой! И люком, впирающимся в промёрзлую землю!

– Ну, муж мой, опора моя и надежда, что делать-то будем?

– Странный вопрос. Ты что, забыла, где у нас хранятся лопаты?

– Блинн... Проклятушие твари. Вот уж поработали от души... – теперь в тоне женщины преобладали здоровый пессимизм и злость. А ещё бы!

Закапывать предстоит явно долго!

Закапывали до рассвета.

Роджер, конечно, впахивал как конь. Но и на долю Пенелопы пришлось никак не меньше пяти-шести кубометров.

Когда яма оказалась засыпана, и они остановились, утирая пот со лбов, и разминая затекшие поясницы, Пенелопа мрачно буркнула:

– Проклятье. Устала. Да и ты выглядишь похлеще, чем после очередного боя.

– Ну и ладно. Главное – живы. И целы. Ну, сравнительно. Сейчас снова обмоемся в любимом озере. А потом и нормально помоемся. Поедим. А потом и в постельку: отсыпаться. И отъесться: крыс у нас хватит ещё дней на пять. – он нагло подмигнул.

Пенелопа вскинулась:

– Ты хочешь сказать, что ещё способен на секс?!

– Нет. Расслабься. Это была только дурацкая шутка. – Роджер, помассировав снова дико ломящую поясницу, подумал, что и правда: секс сейчас – последнее в списках его приоритетов. Да и ладно – никто их в шею не гонит с «приятным досугом». Человек предполагает – Господь располагает. Никуда ведь не денешься от реальных фактов и обстоятельств. И, похоже, такие обстоятельства у них здесь будут складываться весьма часто. Так что работа сейчас – на первом месте. А приятные развлечения – на последнем.

Они же – «первые люди на Земле»! И в первую очередь обязаны исполнить Долг перед возрождаемым Человечеством! То есть – банально выжить.

За завтраком, уже после мытья, которое совсем разморило Роджера, и явно нисколько не взбодрило и его напарницу, они помалкивали. Поскольку Роджер оказался не в силах готовить, пришлось жевать НЗ: концентраты и консервы.

Пенелопа закончила есть первой. Откинулась на табурете так, чтоб опереться спиной на переборку:

– Уф-ф... Вот теперь я понимаю, что такое – настоящее мясо. Если б закапывать яму пришлось на таких, – она кивнула на столик, – харчах, точно не справилась бы.

– Справилась бы. Для себя ведь старались. – Роджер кушал аккуратно, методично, и тщательно пережёвывая то, что полагалось пережёвывать. И даже пальцы облизал, – Нам очень повезло. Что не встретили этих тварюг раньше. В смысле, не провалились в одну из их действующих ям-ловушек, которых тут наверняка понатыкано.

– Каких ещё ям-ловушек? – заметно было, что Пенелопа насторожилась.

– Да таких, как пещерные люди ставили на мамонтов. Или тигров. Глубокая яма, метра в четыре-пять. А сверху – только тонкий слой почвы. Мы же видели. Уже сработавшую. – Пенелопа опять побледнела, но ничего не сказала. Роджер продолжил мысль, – Думаю, чёртовы кроты так отлавливают чёртовых варанов.

– Вот умеешь же ты вселить бодрость и оптимизм в свою девушку!..

– Ну... Стараюсь. Делаю, что могу. С другой стороны и вараны сюда явно неспроста наведываются. Не было бы тут чего, как ты изящно выражаешься, «пожрать», не совались бы небось. Наверняка мы ещё не все звенья местной «пищевой цепи» обнаружили!

– Вот уж не горю желанием...

– Разумеется. Не сейчас. Сейчас единственное, что нам надо – здоровый и крепкий сон. Ложись. Первая вахта – моя.

Роджер честно отстоял пять часов, добросовестно «бдя», и не забывая оглядывать «периметр» через видеокамеры с термовизором, одну из которых они установили на самой верхней точке корпуса. Затем растолкал Пенелопу:

– Хватит наслаждаться объятиями Морфея. Я тоже спать хочу.

– Ладно уж. Подожди только – я схожу куда надо, да ополосну лицо.

Как прошла её вахта, Роджер не знал: отключился сразу после того, как голова опустилась на подобие подушки – они свернули валиком один из запасных комбезов, и затолкали в чехол от автомата – так спать было, конечно, удобней, чем на упаковке гигиенических салфеток.

Его, конечно, мучили кошмары, а один раз даже показалось, что Пенелопа с кем-то разговаривает, причём – шёпотом, и явно злясь, но стоило перевернуться на другой бок, и лёч поудобней, как это ощущение пропало.

Разбудил его снова вкусный запах. Ага: его жёнушка научилась, похоже, нарезать и обжаривать крыс сама! Впрочем, вставать на ноги Роджер не спешил. Взъерошил короткие волосы на макушке, развернулся лицом к плите. Сказал:

– Кстати, я вот подумал... У нас есть, чем стричь волосы?

Пенелопа отвела на секунду внимательный взор от сковородки:

– С чего это ты спрашиваешь про волосы?

– Да понимаешь, какое дело. У нормального мужика волосы растут очень быстро. И если не состригать, и не брить, через три-четыре месяца я превращусь в настоящего пещерного троглодита. И буду некрасивый.

Пенелопа рассмеялась:

– Вот уж не в красоте твоё главное достоинство!..

– Я знаю. – он «скромно» улыбнулся, – Но не хотелось бы ходить как неряха. Да и мало ли: вдруг здесь где-нибудь можно набраться бекасов. – на её непонимающий взгляд он пояснил, – Ну, вшей. Например, у тех же кротов.

– Успокойся. Я смогу тебя, если что, обкорнать. У нас есть лазерный пистолет. На малой мощности он отлично режет тонкую органику.

– Ага. Уже неплохо. Только вот я не люблю подгоревшие или секущиеся кончики.

Пенелопа снова кинула на него взор, полный огня:

– Молчи уж, молодящийся шестидесятилетний старикашка. Оторвавший себе шикарную молодуху. Чего ты там мо-

жешь знать про уход за волосами!..

– Ха! Да всё! Всё я могу знать про уход за волосами. Моя вторая бывшая работала парикмахершей. В каком-то там навороченном и элитном салоне. С интернета скачивала себе и учебники и пособия всякие. И рекомендации. По уходу.

– Не впечатлил. Я к трёхсотлетним старухам не ревную.

– Да и правильно. Я и сам с ней прожил всего года три...

Ну, что там – крысы?

– Готовы. Только, – она чуть прикусила губу, переворачивая что-то на сковороде с помощью большого охотничьего ножа, – не получилось у меня так аппетитно, как у тебя.

– Да и ладно. Всё равно же – съедим!

Действительно – съели. Сегодня его девушка ела даже ещё быстрее его. Роджеру пару раз даже пришлось попенять:

– Не жуй так быстро – мало ли! Мелкие...

– Да, знаю! Я наострилась их прощупывать заранее – пальцами!

– А, вот так... Логичный подход. Надо попробовать.

Роджер, правда, на этом методе не остановился. Ему не понравилось, что кусок после «прощупывания» выглядит не как кусок мяса, а как истрёпанная старая тряпка. Ну и ладно. У каждого – свои предпочтения. В области гастрономии и эстетики.

– Ну – что? Сегодня можем продолжить разведку?

– Можем. Что там у нас с солнцем?

– Не вышло. Сегодня – тучи.

– Блинн... Да и ладно: рассеянный свет даже лучше для наших целей. Не будет контрастных теней.

– Сильно сказал. «Контрастных теней». Теперь скажи, что твоя третья работала в фотостудии.

– Нет, в бухгалтерии. Третью брал специально – с таким расчетом, чтоб не страдала. Избытком воображения, да разными «творческими порывами». Хотел создать, наконец, нормальную, уравновешенную и спокойную, семью. Наивно, да?

Пенелопа снова фыркнула, дёрнув плечом так, что оттуда даже соскочил комбез, который она как раз одевала:

– Пошляк. Незачем напоминать мне лишний раз, что у тебя было полно баб. И так мы – в курсе.

Тут она почему-то опять прикусила губу, но Роджер тоже – опять не стал заострять, сразу переведя разговор:

– Я сегодня гранатомёт не возьму. Потому что огнемёт и легче и эффективней. Для отпугивания. А ты потащишь УЗИ.

Однако на ус себе он странное поведение и слова напарницы намотал.

Что это – неужели она... Снова проговорилась?!

Обход «периметра» решили теперь начать с противоположного края «своей ямы».

Пробраться сквозь уже привычный частокол торчащих

стволов и пеньков оказалось нетрудно, и чувствовали они себя почти как «дома» – обламывали то, что мешало, рубили мачете сохранившиеся торчащими палки и сучья, ворчали, ругались почти вслух.

Пробираться пришлось долго: до дальнего, южного, края оказалось почти полтора километра. Так что с неизбежным перелезанием через поваленные стволы и обходом подозрительных мест ушло больше часа.

«Подозрительные» места Роджер научился выделять быстро: расположение ям-ловушек от кротов-охотников отличалось стандартным, если так можно сказать, исполнением: только наподобии полянок, и – только с ровной, словно специально расчищенной, площадкой сверху. Роджер усмехнулся:

– Похоже и правда: никого умней варанов здесь не ошибается. Только совсем уж тупые не догадались бы, что тут, раз расчищено – что-то не так...

– Зато обо что угодно готова спорить, что эти тщательно взлелеянные «крышки» ничем не пахнут! А вараны явно ориентируются на запах.

– Точно. Более того: скажу тебе, что они и видят-то плохо. Да и глаза у них расположены низко над землёй. Нет перспективы, кругозора, оценки, как говорится, с высоты. Так что повторяю – только на безмозглых. Пресмыкающихся.

– А что – пресмыкающиеся? – она спросила так, словно ей было за этих самых пресмыкающихся обидно. Будто он

покусился на их добродетели и достоинства.

– Они – потому и пресмыкающиеся. – он подумал, что ни этологию, ни общую биологию она явно не проходила в должном объёме, – Отличаются. Хотя бы устройством мозга. (Мало там коры!) Поэтому эти зверушки страдают примитивностью мышления, да ещё с преобладанием стереотипов поведения, рефлексов, и образом жизни, базирующемся больше на инстинктах. Ну, типичные представители – динозавры. Помнишь, те громадные и зубастые, вроде наших, местных, ящерицы? Которые вымерли.

– Ага, вот как, стало быть. – она запыхалась, и была рада приостановиться для разговора, – А как насчёт их пищевых приоритетов?

– Тут придётся тебя огорчить. Только мясо. Так что бди внимательней: нам должен попасться некто, кого они тут приходят сожрать!

– Уж постараюсь. – нет, она за ящеров точно обиделась. Или просто устала. Или...

Роджер проглотил готовый сорваться с губ вопрос – про то, когда у его девушки начнутся «эти дела». Когда начнутся – он и сам узнает! И поймёт. Было ли странное поведение и непонятные обиды «предменструальным синдромом».

Они двинулись дальше, радуясь, что впереди, всего в пятидесяти шагах, виднеется, наконец, стена «ямы». А вот кротовин-проходов, или дыр, или просто – ниш, в ней не наблюдалось. Роджер, собственно, не удивился: этот край ямы-изо-

лята – верхний. И дренажа для отвода талой воды тут может и не быть – она прекрасно стечёт куда надо и по поверхности. С другой стороны – совсем без воды тоже нельзя. Иначе здесь ничего не росло бы: раньше катаклизма, и не будет позже. Ну, когда изолят окажется достаточно прогрет.

– Пенелопа.

– Что?

– Вот мы высадились в той половине планеты, которая от Станции на противоположной стороне. Южней экватора. Отлично, конечно. А какое здесь сейчас время года?

– Зима. Вроде. Поскольку не знаю, имеет ли значение этот факт для зон возле экватора.

– Имеет. Правда, всё-таки не столь большое, конечно, как в более высоких широтах. Но раз зима – здесь скоро будет теплее. Ну, в нашей яме. По-идее.

– Хорошо бы. Правда, сейчас я и так вся взмылилась, а тут ещё и мачете это чёртово... – Пенелопа три раза подряд пыталась справиться с какой-то непокорно-упругой веткой, но та каждый раз возвращалась в исходное положение, напоследок хлестнув женщину по лицу, – Вот ведь сволочь! Не рубит ни хрена!

– Это – не мачете виновато. Просто ты не совсем правильно выбираешь точку удара. Бери ближе к основному стволу, и руби – вдоль этого ствола. Тогда прогибаться не будет.

– Ага. Ты прав. Так лучше. – ветка, наконец, перерубилась, повиснув на тоненькой полоске коры, но проход осво-

бодив, – Ну что? Двинемся вдоль стены?

– Да. Думаю, к обеду как раз доберёмся до «крысиной» норы, и закончим на сегодня. А завтра – обойдём ту сторону окружности нашей ямы. – он кивнул головой.

– Ваш план, господин майор, устраивает. Начинаем фазу «А». – она облизала губы, затем вытерла лоб рукавом комбеза, – Чёрт. Никогда бы не поверила, что будет так жарко.

– Попей воды из фляги. Только – мелкими, очень мелкими глоточками. И высуну язык. Собаки всегда так делают, чтоб усилить теплоотдачу организма. Ну, вернее, делали. Пока водились. – он не торопясь двигался впереди, на неё даже не оглядываясь: хватало и других потенциально опасных моментов прямо по курсу, – За тобой как всегда – тыл и правый фланг.

– Вот спасибо, так спасибо. Значит, на твой взгляд – я – не полезней собаки?!

Он остановился. Повернулся к ней, постаравшись сделать взгляд максимально нейтральным. Спросил:

– У тебя когда в последний раз были месячные?

Вопрос явно поставил Пенелопу на какой-то миг в тупик. Затем она сообразила:

– А-а, думаешь, у меня ПМС, раз я «кидаюсь» и ворчу?!

Был скотина прагматичная, скотина и остался.

– А что? Разве ты не придираешься сегодня по пустякам, и не пытаешься спровоцировать скандал на ровном месте? Вот, скажем, вопрос про собак и полезность... Тебе как от-

ветить – честно или дипломатично?

Пенелопа прикусила изуродованную верхнюю губу – Роджера резануло по сердцу от её растерянно-беззащитного вида – и на какой-то миг отвела взгляд в сторону. Роджер буквально видел, как вертятся шарики в её маленькой головке. Вертятся на форсаже.

Проследить и вычислить ход её мыслей было нетрудно. Тем более, что цепочка рассуждений очень быстро закончилась на итоговом выводе. А именно таком: «Нужно сделать всё, как было. Чтоб этот гад успокоился и не догадался!» И вот её ротик открылся:

– Милый. Прости меня пожалуйста. Это не ПМС. Мне до следующего раза больше недели. Я просто... Волнуюсь очень. Сержусь. Сама, правда, не знаю на что. – она глупо хихикнула. – И ещё мне непривычна вот именно – спартанская простота нашего быта. Вся наша чёртова кабина словно насквозь провоняла потом и калённым маслом, я вся липкая и вонючая от собственного пота и пыли, а мыться нужно всего двумя литрами воды! Это, это...

– Ах, ты бы хотела, конечно, персональную пещеру с кондиционером, ванну с горячей водой, и огромный плазменный телевизор на стену. И чтоб там шли мелодраматические латиноамериканские сериалы, а ты бы только посуду загружала в посудомоечную машину, да кнопочки нажимала на панели автоповара и стиральной машины? Да палочки подкидывала в костёр, чтоб очаг не погас?

– Н-нет... И не нужно *так* иронизировать. – она снова посмотрела в сторону, – Я прекрасно помню, что это я тебя сдёрнула. С тёплой и мягкой постели Администраторши. Я, конечно, спасла тебе жизнь... Но – старалась-то... Больше для себя! И я знаю, что ты сейчас тоже стараешься. Сделать так, чтоб мы и правда – выжили. Я... Буду молчать.

Он не посчитал нужным подтвердить то, что она сказала – уже понял, что по части рационализма и прагматизма она ему несколько не уступает. Когда способна мыслить логично.

Но это же – женщина!!! А у каждой женщины такие моменты логичного мышления можно пересчитать по пальцам одной руки... В остальное же время...

Как говорится – туши свет, бросай гранату. Зато вот по части изворотливости, им, женщинам, равных нет. Поэтому она сейчас так легко подобрала нужные слова и объяснения. Но он не собирается устраивать дознание, и обличать, и разоблачать подлый План.

Ещё не время.

Поэтому вместо ответа он только кивнул:

– Извинения приняты. А теперь, солнышко моё ненаглядное, постарайся шуметь поменьше – я видел впереди уж больно подозрительное пустое пространство.

– Поняла. Затыкаюсь. – она сделала жест, словно застёгивает рот застёжкой-молнией.

Он хмыкнул:

– Ставлю на три секунды.

– Что – ставишь?!

– Условный доллар. На то, что обещания хватит ровно на три секунды. И вот он у меня в кармане – виртуальный доллар.

– Кобель ...ренов! – теперь её тон и взор лучился неподдельным восхищением, – Подловил-таки!

Очевидно, она считала это – ругательством. Этаким мужским эквивалентом выражения «С-сучка с...аная!». Но поскольку даже ругательства в её исполнении звучали не как оскорбления, а, скорее, как признание его достоинств, он только ухмыльнулся:

– И я тебя люблю. Ладно, выдвигаемся.

Подозрительно ровное пространство действительно выглядело очень подозрительно. Во-первых, хотя бы тем, что до сих пор они здесь столь большой – с доброе футбольное поле! – прогалины, почти полностью очищенной от поваленных стволов, не видели.

Из-за спины Роджера донеслись треск и шипение: это Пенелопа наступила на хрустнувшую ветку. Но Роджер не обернулся, а поднял руку в предупреждающем жесте:

– Стой там. Не приближайся.

Сам же очень медленно и осторожно двинулся к куче земли, видневшейся в паре десятков шагов – такие же, примерно ему по колено, кучки, были здесь, на прогалине, навалены

езде, буквально через каждые три-четыре шага. Гранатомёт Роджер снял и положил наземь, поближе к Пенелопе, буркнув только: «Пригляди. Если что – прикрывай!» После чего передвинул любимый УЗИ на грудь, и даже снял с предохранителя.

Однако стрелять пока не пришлось: к кучке он подобрался без проблем.

А вот её осмотр заставил его действительно напрячься, и побыстрее, аккуратно ступая по своим следам, вернуться назад – к кромке того, что осталось от джунглей, и где его с опасливым нетерпением поджидала напарница.

– Ну, что там?

– Ладно, можешь перейти на нормальный тон. – он больше не видел смысла говорить шёпотом. – Те, кто оставили эти кучи, слухом не сильны. Зато сильны чувством вибрации. Но здесь, среди массы несгнивших пока корней, да ещё за слоем «вечной мерзлоты», они, я думаю, нам не опасны.

– Что?! О ком ты говоришь?! Кто там?!

– Дождевые черви.

– Кто-о?!

– Черви, говорю. Дождевые. Ну, или очень близкие им по виду, твари. Подземные. Кучки состоят из характерных только для них шаровидных сегментов. Ну, почва, прошедшая через пищеварительный тракт, и выделившаяся с того, – он снова кивком указал, – конца. С остатками, так сказать, пищеварительных ферментов и слизи. Хотя таких больших

«фекальных» шариков я отродясь не видал. Не удивлюсь, если сами черви – метров по пять-шесть длинной. Да и толщиной, наверное, соответствуют. Чего ты на меня моргаешь? Ты же сама говорила, что видела этих червей?!

– Э-э... Да, видела. Но ты говоришь, эти – пять-шесть метров. А я-то видела – всего лишь метровых. Ну, примерно в руку толщиной.

– Нет. Судя по всё тем же кучкам, тут метром не отделаешься. Но – тише. – он присел сам, заметив движение в подлеске, и сделал жест напарнице, – Сейчас, похоже, состоится охота. Кое-кого на кое-кого. Ну-ка, ложись. Да-да, прямо сюда. – он указал на неопратно выглядящую, а точнее – просто грязную яму у основания одного из оставшихся пока стоящими, стволов, – Глянь-ка туда: во-он, видишь?

– Да. Да, вижу. – Пенелопа даже не брякнув какую-нибудь глупость, типа того, что «опять потом комбез стирать в луже», медленно и без резких движений опустилась вниз, и вскоре Роджер и сам прилёг рядом, не забыв предварительно внимательно оглядеться. Но в тылу пока было «чисто». Отлично. Надеемся...

Пятиметровый варан между тем то ли храбро, то ли – глупо забрёл уже почти прямо в самое сердце прогалины, тычась рылом в каждую из встреченных по дороге кучек. Варан почему-то был один, и не похоже было, что он и сам хорошо понимает, что он тут делает, и чего собирается достичь. Но Роджер подумал, что это сугубо его личное, субъективное

и предвзятое, мнение. И вовсе незачем приписывать животным чувства и эмоции, свойственные только человеку. Антропоцентризм, так сказать.

Варан между тем начал принюхиваться, и вдруг с азартом принялся передними лапами разрывать одну из кучек, выглядящих потемней – очевидно, свежую: сырую.

Тут-то всё и началось!

Земля под ящером буквально вскипела!

Вверх вокруг варана взлетели фонтаны трухи и чернозёма, и откуда не возьмись из-под земли повыскочили огромные, толщиной с человеческое бедро, чёрные, и очень подвижные не то – шланги, не то – трубы! Один из «шлангов» оказался развёрнут к ним передним концом, (Ну, не называть же это место – лицом или даже мордой!) и Роджера приняло: острые зубки, натканные правильным кольцом по периметру почти полуметровой разъявленной пасти, впечатляли! К таким невольно проникнешься уважением!

Пенелопу, похоже, тоже потрясло: её крепкие пальцы так и вцепились Роджеру в предплечье, и он невольно подумал, что там наверняка останется синяк! Или пять. Ну и ладно – главное, чтоб она не кричала, и не привлекла таким образом тех десятерых или больше ящеров, что сейчас ломанули из подлеска со всех лап к месту сражения!

– Похоже, они только этого и ждали! Ловля, так сказать, «на живца»! – он приблизил губы к её уху, и старался только говорить на выдохе, без басовитых обертонов. – А что –

грамотно. И рационалистично. Таковую же тактику применяют обычно и крысы: заставляют сожрать приманку с возможным ядом – самую низшую по иерархии особь. И если та не подохнет, едят уже всей семьёй. Готов поспорить, эта пятиметровая монстра – самая слабая. И находится на последних ступенях иерархии стада варанов. Конечно, мало шансов, что эта особь выживет... Но если что – думаю, они съедят и её.

Зато вот добытых на такую наживку червяков всё племя будет жрать добрый месяц. Причём – без ограничений. Так сказать – от пуза! Туши не испортятся: заташат в холодные пещеры. Там, небось, и живут эти гады...

– Роджер. Как ты можешь на это смотреть?! – в глазах Пенелопы, когда она наконец подняла их от земли, застыли боль и жалость.

– Станный вопрос. А как же я смотрел на выпущенные кишки и отрубленные конечности всех моих противников там, на Арене?! – он кивнул головой за спину, – Так что посмотреть мне – можно. И нужно. Хотя бы для того, чтоб знать, какими приёмами они тут предпочитают убивать несчастных червяков, и прочих врагов!

Червяков между тем, и правда, убивали. Но не всех, разумеется, а лишь тех двоих, что в пылу азарта позабыв об осторожности, всё-таки пытались затащить под землю отчаянно орущего и упиравшегося варана, размером только вдвое им уступавшего, и пропустивших из-за этих стараний начало

атаки. Теперь же, когда кольцо из двенадцати – Роджер пересчитал! – восьмиметровых сухопутных крокодилов сомкнуло кольцо вокруг жертв, отрезав пути к спасительным дыркам-норам, положение бедолаг стало заведомо проигрышным: противопоставить зубам и когтям бронированных нападавших они могли лишь зубки в пастьях! Но этого явно оказалось недостаточно.

И вскоре трупы буквально на куски разорванных десятиметровых червей споро и деловито тащили к дебрям на опушке прогалины, оставив выбираться своими силами несчастную «наживку» с полностью откушенной задней лапой, и перебитой передней. Однако Роджер вынужден был констатировать, что дух коллективизма всё же свойственен стае варанов: двое из собратьев проковыляли неспешно к раненному собрату. Но вовсе не для того, чтоб, как он посчитал, прикончить и тоже сожрать, а для того, чтоб, двигаясь сзади, и внимательно поглядывая по сторонам, прикрывать его медленное и мучительное отступление от новых поползновений червей.

А грамотно. Потери минимальны, а еды теперь чёртовым пресмыкающимся хватит надолго. Возможно, что на обильной диете и пострадавший оклемается. Хотя бы частично. Хотя... Роджер смутно помнил, что регенерация – то есть, отращивание новых конечностей взамен утраченных – свойственна как раз ящерицам. Зря, получается, он их...

– Зря ты назвал их тупыми пресмыкающимися. – ну вот.

Они уже и мыслят почти параллельно! – Оказывается, они могут охотиться стаями. Организованно. С продуманным планом. Как львы. Как волки. Или гиены.

– Признаю: был неправ. Впрочем, это их наверняка «изменившиеся внешние обстоятельства» заставили отказаться от привычного свойственного им поведения. Думаю я и вот о чём: в ближайшие две-три недели мы в этот район нашей ямы – ни ногой!

Не знаю, как ты, а я всё, что хотел узнать – узнал.

На боте всё было привычно. Мерно гудели дежурные механизмы, шумел вентилятор отопительной системы... Благодарить, казалось бы!..

Но Роджер всё не мог успокоиться, и мерил крохотное пространство нервными порывистыми шагами. Пенелопа не мешала, а только иногда поглядывала, полёживая себе на их импровизированной постели, и почёсывая туго набитый очередной крысой животик. Приготовил её Роджер, и даже сам себе порадовался: а неплохой из него мог бы получиться кулинар!.. Ну, там, в *той* жизни...

– Может, хватит зря расходовать драгоценные калории, и пора заняться более приятным и полезным делом?

Он оглянулся на неё. Нет, таких авансов не заметить, конечно, невозможно... Да и пикантно-точёные ножки, что она приоткрывала сейчас, неторопливо стаскивая с них казённое зелёное одеяло, могли бы завести и импотента... А эти глу-

бокие, в поллица, томно прикрытые глаза с хитринкой, чуть искоса мечущие на него... Эротизм в его вещественном воплощении!

Он сглотнул ставшую почему-то вязкой слюну.

Всё, вроде, у них так. Ему спасли жизнь, умыкнули, если можно так сказать, на «необитаемый остров» в виде целой, и сейчас находящейся в их безраздельном владении, планеты. Его приглашают. Продолжить благородное дело по восстановлению человечества. Какого же ...я ему неймётся?!

Он знает, какого.

Но не время сейчас проявлять свои знания. Выпячивать догадки. И задавать простой исполнительнице неуютные вопросы.

Не-ет, он должен, если и правда хочет получить ответы, найти другой вариант, кроме расспросов своей напарницы!

А пока действительно – хватит дурью маяться, девушка ждёт.

Как написано в каком-то из русских романов, «Барышня легли и просят!»

«Барышню» свою сегодня Роджер реально зат...ахал.

То ли от того зрелища, что им выпало сегодня увидеть, то ли от натурального мяса, то ли – от внутренней неудовлетворённости, но Роджер по выражению Пенелопы, «свирепствовал», как никогда. Буквально до позднего вечера. За что удостоился очередного – не то – комплимента, не то – руга-

тельства: «Кобелина призовой!..»

Пенелопа даже отказалась от ужина. Но Роджер всё равно приготовил себе полкрысы – знал, что восполнить потерю сил нужно. Завтра им предстоит обход другой половины изолята. Мало ли! Готовым нужно быть ко всему. И если бы из каких-то неведомых глубин их ямы, или проломов в её периметре полезли мамонты и шерстистые (Как дань глобальному похолоданию!) носороги, он не удивился бы. Но вот с разделкой туш...

Да, здесь ему нужно что-то придумать. Потому что холодильник у них действительно маленький – примерно на пятьдесят литров. А туша даже варана по самым скромным прикидкам – килограмм триста. Не влезет. Да и кроты, попадись они снова им на пути, весьма аппетитны, если правильно их разделать. Но тянут уже на добрых полтонны. И мясо крота наверняка уж повкусней, чем жилистое и вонючее мясо пресмыкающихся – теплокровные же. Вроде даже – млекопитающие. Что же делать?

Может, стоит хранить мясо в типа погребе – скажем, выкопав в грунте яму с горизонтальной полкой там, где проходит как бы слой вечной мерзлоты? Хм-м... Вряд ли. Разроют те же вараны. Или кроты. Или ещё кто-нибудь, не слишком нуждающийся в свете солнца, кто исхитрился выжить здесь под почвой, схоронившись от заморозков и кромешной тьмы первых нескольких лет ядерной зимы.

Тогда, может, соорудить какой-нибудь лабаз на высоких

шестах – как делают (ну, делали) охотники сибирской тайги? Тоже – нет. Ведь днём – температура плюсовая. Лучи солнца будут нагревать крышу, и, соответственно, и мясо. Оно протухнет или прогоркнет.

Проклятье. Вот блин: они, вроде, нашли, кого могут тут заготовлять и кушать, так теперь получается – им негде хранить запасы мяса. Вот хорошо было древним пещерным троглодитам: завалили того же мамонта, да сразу сожрали – столько, сколько в пузо влезло! И ещё три дня так жрали. А оставшееся недоеденным да требуху – просто выкидывали, не парясь с сохранением: на фига, если мамонтов вокруг – не считано-немерно?!

В их случае так не получится. Потому что изолят – крохотный. Здесь и вараны, и кроты, и даже крысы и черви – наверняка и считаны и меряны. Популяции не могут быть слишком большими – иначе они просто вымерли бы, сожрав все ресурсы пищи...

Значит, нужно убивать местную живность – с расчетом. Или уж тогда базироваться на тех тварях, что сохранились где-то снаружи. Правда, Пенелопа сказала, что там шишь кто сохранился... Нужно бы просмотреть записи на флэшках, оставшихся там, на Станции, да в памяти «Матери». Уж там-то должно быть всё конкретно и документально – кто где помер, кто где сохранился. Может, где-то есть ещё выжившие растения. Или хотя бы их семена? Потому что без растительной поверхностной биомассы не будет травоядных:

сусликов, мышей, или привычных зебр-антилоп. И, соответственно – хищников. Порвётся пищевая цепочка. Вот уж постарался человек...

Правда, Роджер слышал или читал где-то, что таких, глобальных, катастроф, с тотальным вымиранием девяноста процентов видов, случилось на памяти Земли – четыре или пять. Одна такая, самая, конечно, известная – случилась семьдесят пять миллионов лет назад – когда в Мексиканский залив грохнулся чудовищный булыжник-астероид. И динозавры вымерли. А млекопитающие, имевшие тогда размеры как у мыши – выжили. Именно потому – что были крохотными. И смогли найти, чем прокормиться...

А, может, таких «глобальных» вымираний-катастроф было и больше. Однако не хотелось думать, что в хотя бы некоторых виновато, вот именно – очередное человечество, добравшееся до ядерной энергии, и в очередной раз решившее доказать самому себе, что ядерная зима ему нипочём.

А вот – почём.

Что он сейчас здесь и наблюдает.

И его прямая и непосредственная задача – ликвидировать последствия недавней катастрофы, открыв своими потомками Шестую Эру жизни на планете Земля...

Ладно, хватит о грустном. Нужно спать. Хотя бы для того, чтоб завтра, с новыми силами и надеждами, продолжить обход выделенной ему ямы.

Чтоб и правда – возродить чёртово человечество в ше-

стой, или какой там, раз...

Он поёрзал, устраиваясь поудобней. Головка Пенелопы чуть сдвинулась, и он снова замер, придержав её ладонью: пусть себе спит. Она сегодня «ухайдакана» от души. А у него на груди, судя по-всему, ей очень даже комфортно. И ему это, если честно, нравится – девушка почти ничего не весит, приятна на ощупь, да и доверяет ему. Когда расслаблена сном, и мирно посапывает ему в ключицу или ухо – мягкая и тёплая. Хотя не самом деле жилистая, и, как он имел возможность убедиться, сильная и выносливая.

Идеальная боевая подруга.

Даже слишком идеальная.

С этой мыслью он и заснул.

Про то, что наступило утро, ему опять сказал запах.

Потому что шкворчания масла на сковородке он как всегда не услышал за жужжанием на повышенных оборотах вентилятора климатизатора: тот всю старался, бедолага, отсосать дым и чад. Пахли жаренные крысы, по мнению Роджера, вполне ничего себе! Так что он поторопился встать, и приветствовать жену нежным поцелуем в шейку. Та дёрнула плечиком:

– Хватит! Не пристраивайся! И не нужно этих нежных поглаживаний моей истерзанной груди – вчера, небось, тискал совсем по-другому, сексуальный террорист! Кобель бессовестный! Использовал меня, как хотел... Ну хватит, говорю

– а то я ведь могу и пойти на поводу своей похоти. А мясо сгорит. Иди уже мойся – через пять минут как раз хотела тебя будить.

На то, чтоб умыться и почистить зубы Роджер старался теперь расходовать не больше стакана воды: они оба отлично понимали, что экономить надо. Спасательный бот пока служил им отличной базой, и его ресурсы нужно было растянуть на как можно больший срок. А уж потом...

Вот об этом «потом» им и нужно сейчас, после завтрака, побеспокоиться.

После еды, ковыряя в зубах кончиком тонкого крысиного рёбрышка, Роджер решил спросить:

– Ты иди-то... сможешь? Поскольку я прекрасно понимаю, что вёл себя вчера как последняя свинья. Ты должна себя чувствовать так, словно по тебе танк проехал.

– Я знаю, что такое танк. Видела, правда, только на картинках. Но сравнение подходящее. Да и то, что ты – похотливая и азартная скотина, я подтверждаю. Но я – в порядке. Ну, относительно.

Так что если будем идти не слишком быстро, я не против. Прогулки. Только, если можно, без таких эксцессов, как вчера. Я не в настроении изображать валькирию. Или землекопа.

– Договорились. Стрельбу и сложности переговоров с местной биотой я беру на себя. А ты просто идёшь сзади, по-

свистываешь, поплёвываешь, любишься видами девственной природы, и даешь подышать свежим воздухом нашему будущему сыну.

– Что такое биота?

– Ну, как бы это попроще... Словом, это одно из старых названий для всего того, что здесь обитает. Флоры-фауны, другими словами.

– Умный, да? Я тоже училась. Уж как-нибудь соображу, что «биота» и «сообщество проживающих в одном месте видов» – синонимы.

– Вот и отлично. Я так рад, что у моего будущего сына – пардон, сыновей и дочерей! – будет строгая и сообразительная мать!

На это Пенелопа как обычно только фыркнула, и одарила его традиционно обозначаемым как «рублём подарить», взглядом.

Роджер уже к такому привык. Даже и ухом не повёл.

Сегодня они вышли пораньше, в десять по бортовому, и солнце ещё не успело показаться над кромкой стены их ямы. Поэтому стоял неприятный холодок. На почве и стволах снова лежал тонкий слой инея.

– Ничего, пока будем идти – согреемся.

– Тебе легко говорить, – Пенелопа поправляла снова пристроенные на груди и спине прокладки для тепла, – А у меня масса тела куда меньше. И слой жира под кожей гораздо

тоньше. Мне ещё холодно! И бегать, или ломиться сквозь эти дебри, словно спятивший носорог, чтоб «согреться движением» и вспотеть, мне вовсе не улыбается!

– Договорились. Я буду идти помедленней. Посматривай. За тобой – как всегда.

– Помню я. Тыл и правый фланг.

– Ну, двинули.

– Ха! А раньше ты пижонил, и говорил как в армии: «выдвигаемся»! – иронии в тоне не заметил бы только мамонт. Которого они ещё не встретили.

– Это я не пижонил. Потому что работал я и на армию. Строил им стационарные бараки. В пустыне, на полигоне.

– Да зна... – она вдруг оборвала сама себя, и закончила совсем не теми словами, которые явно собиралась произнести, – Знаю я, что термин «выдвигаемся» применяют не только в армии. Наши дуры, которые числятся в подразделении Службы Внутренней Безопасности, тоже так говорят. Когда собираются сделать какую-нибудь гадость.

– Да? Интересно. Кстати: ты мне никогда не рассказывала про ваш, так сказать, общестанционный, быт. Просветишь?

– Обязательно. Но давай как-нибудь потом – оно же не горит? Да и сейчас имеет для нас чисто академический интерес... А то сейчас мы с нашим трёпом – во-первых шумим, а во-вторых – отвлекаемся. От насущной задачи.

– Справедливо. – он кивнул, хотя ему-то их общение внимательно смотреть под ноги и вокруг вовсе не мешало. От-

метил он и то, как ловко она опять ушла от разговора, – Ну, выдвигаемся.

Она снова фыркнула.

Начать решили снова с того края, где находилась «крысиная» пещера.

По проторенной тропке дошли быстро – буквально за несколько минут. Дыры и норы в стене уже не выглядели угрожающими. Пугает ведь только неизвестность. А они уже почти знали, чего, кого, и откуда тут можно ожидать.

– Ладно, вот она стена. – Роджер похлопал рукой по шершавой и покрытой чем-то вроде лишайника поверхности, махнул рукой, – Нам, стало быть, туда. Двигаемся медленно, смотрим под ноги, и по сторонам. Молчим. Если чего заметишь – похлопай меня по спине.

– Хорошо. – она даже не выступала, как наверняка сделала бы вчера, и Роджер подумал, что что-то не так. За один день – вернее, за одну ночь! – «необъяснимое раздражение» не проходит. Так что вариантов всего два. Или его девушка что-то задумала, или...

Вот именно: или – её кто-то...

Отчитал. И проинструктировал.

Ничего. Придёт время – и он всё узнает. А пока – за дело. Ему так и так нужно выяснить, что здесь и как.

И действительно ли его будущие дети смогут здесь жить.

Возле самой стены оказалось не так много торчащих стволов, как в глубине ямы, да и почва здесь оказалась как бы слегка повыше, чем в остальном пространстве ямы. Роджер объяснил это себе как результат действия водных потоков, стекавших по стенам, и отсутствию смываемого ими в центр ямы плодородного слоя: они с Пенелопой шли сейчас почти по голым камням, иногда даже приходилось придерживать-ся рукой за саму стену, чтоб не грохнуться на осклизлых серо-белых обломках, не то вывалившихся из стены, не то – появившихся во время процессов, благодаря которым этот изолят и возник.

Роджер действительно старался идти помедленней, чтоб его напарница успевала за ним. Она успевала. Но – снова удивительно! – ничего не говорила и не комментировала.

«Бдил» вперёд Роджер очень внимательно, не забывал глядеть и под ноги, но хотя бы здесь всё было однозначно: в известняке яму-ловушку не больно-то спрячешь! Так что он полностью переключился на осмотр по фронту. И вскоре и правда кое-что обнаружил.

Он поднял руку со сжатым кулаком. Шаги за спиной, до этого весьма шумные и не слишком-то даже стремившиеся стать потише, мгновенно прекратились. Он обернулся:

– Ты пониже меня. Тебе, наверное, пока не видно?

– Нет. А что мне должно быть видно? – она тоже говорила шёпотом. И даже попробовала заглянуть вперёд из-за его спины, приподнявшись на цыпочки. Хе-хе. Куда уж ей с её

метр-пятьдесят-пять!

– Залезь-ка вот сюда. – он показал на огромный валун, и подал руку, – Посмотри: во-он там, между вон тем корявым стволом, и стеной... – теперь он указал пальцем, отодвинувшись, – Да-да, в просвете. У самой стены. Теперь видишь?

– Да. Вижу. Какая странная штуковина. Как будто насыпь в карьере. Но что это?

– Насыпь-то она насыпь. По сути. Но где ты видела насыпь из обломков, почвы, и *стволов*? Да ещё сформированную как конус? Нет, больше это похоже на самый обычный муравейник. Если только обычным можно назвать муравейник в пять метров высотой.

– А... Почему тогда не видно муравьёв? – Пенелопа слезла с валуна. Подошла ближе к просвету, чтоб рассмотреть получше открывшийся пологий и собранный из стволов, обломков известняка, земли, и разной трухи, холм. Сам Роджер ходы-лазы в поверхности, и саму конструкцию строения успел рассмотреть достаточно хорошо. И понимал, что для такого монументального строительства муравьёв, и правда, должно быть много. И размер самих насекомых должен быть... Весьма приличным. Скажем – с крысу!

– А не видно их потому, что холодно. Эти тварюшки имеют дурацкую привычку выползать только тогда, когда вокруг тепло. Ну – насекомые же. Температура крови напрямую зависит от температуры окружающей среды. Соответственно, и активность. Думаю, их кучу достаточно прогреет только к

обеду. Впрочем, для совсем уж глубинных слоёв это, конечно, не имеет значения. Там, ниже трёх-четырёх метров от поверхности, всегда царит местная среднегодовая температура. Ну, для экваториальной зоны.

Пенелопа посмотрела на него.

Он пожал плечами:

– Я не ходячий справочник, точно не помню. Но думаю – не ниже плюс пятнадцать. Но всё равно они наверняка не вылезают, пока снаружи настолько холодно, что можно замёрзнуть.

– Значит, мы сейчас можем беспрепятственно осмотреть их логово?

– Вот уж нет! – он показал пальцем, – Видишь, вон там, нет, ещё правее? – он убедился, что теперь она смотрит в нужном направлении. – Часовой. Думаю, с другой стороны кучи есть и другие. Блюдут, так сказать. Во все стороны. Никто и ничто движущееся не останется незамеченным. И если нас увидят, могут и в погоню пуститься. Добыча же!

– Так что? Мы пойдём назад?

– Думаю, да. Так будет лучше хотя бы для того, чтоб не оставлять здесь много пахучих следов. Насекомые же – нюхачи. И им даже важнее запах добычи, чем её визуальное обнаружение. А ещё у них есть тупая и порочная привычка набрасываться на эту добычу всем скопом, жалить, рвать и кусать, и не отступать, и не считаться с потерями, пока жертва не будет обездвижена и расчленена. Так что если не хочешь,

чтоб нас покусали и расчленили, давай-ка, пяться.

Пенелопа, конечно, пятиться не стала, но обратно по их же следам шла весьма резво. При этом даже не ворчала как обычно, и не отпускала ехидных комментариев в стиле «какой он умный». И, похоже, даже забыла про то, что не хочет потеть! Впрочем, через несколько десятков шагов Роджер её остановил:

– Нет. Я передумал. Сейчас мы пойдём вот туда, – он жестом указал прямо вглубь зарослей, – и попробуем просто обойти наших друзей. Нам нужно всё-таки осмотреть середину нашего изолята. А то с той стороны нам не дали сделать это – черви-ящеры. С этой – мурашки... Так дело не пойдёт. Нам здесь жить.

– Мысль понятна, – Пенелопа снова не возразила на предложение, похоже, её и саму томила неизвестность, – Но сможем ли мы обойти их так, чтоб нас не засекали?

– Конечно. Кроме того, как я понял, в нашей яме есть места, куда муравьи предпочитают не соваться. Например – наш конец ямы. Будем надеяться, что середина ямы в эти места тоже входит.

– Ага. Я рада, что хоть ты «понял». (Объяснишь, чего ты там понял – в следующий раз. А сейчас я не в настрое.) А ещё будем надеяться, что там, в середине, ещё кого-нибудь, да пострашней мурашиков, не живёт. А так-то конечно: почему бы им туда, да и к любимым червям, раз уж на то пошло, не сунуться?

– Логично. – Роджер кивнул, показывая, что согласен с доводами, – Но пока не увидим и не узнаем конкретно – не будем знать, так ли это. Ну что? Продолжим обход?

– Э-э, чего ж нам в нашем положении бояться?! Обратного-то пути нет! Значит, будем и дальше рыскать, словно сбрендившие таксы, по нашей яме. Попёрлись.

В центре ямы обнаружилось то, что Роджер смутно подозревал с самого начала: небольшое озерцо. Не больше сотни шагов в диаметре. Сейчас оно, правда, было покрыто у самой кромки воды тончайшим слоем льда, но к обеду эта корочка без сомнения растает.

Роджер достал из набедренного кармана портативный анализатор, который изучил и сунул в карман комбеза ещё в самом начале, сразу после приземления. Опустил в воду:

– Ну-ка, посмотрим. – взгляд на то, что написал в окошечке встроенный микрочип, не порадовал, – Я так и думал. Слишком много карбонатов. Что вполне понятно – карст же. Стало быть – супержесткая. Дальше. С солями кальция полегче. Не более двух на литр. Калий, магний... Многовато. Что странно – откуда они здесь: в дождевой или талой воде солей, по идее, быть не должно. Ладно. Главное – пить можно. Но! Только прокипятив. Мне вовсе не улыбается, чтоб у меня в сосудах тела откладывались разные корочки магниевых и калиевых солей. У нас здесь докторов нет. Лечить атеросклероз не у кого. Да и банальный понос не хотелось бы

подцепить из-за местных бацилл-бактерий. Я, конечно, свято верую в эффективность сделанной нам прививки, однако бережённому Бог бережёт!

Пенелопа тяжело вздохнула. Очевидно, это должно было значить, что она сыта по горло его «тупым и плоским» юмором.

Роджер двинулся по кромке почти круглого озера. Его напарница, тихо побряхтывая, и сердито сопя, последовала за ним. Они всё ещё старались не шуметь, и двигаться медленно. Но из чаши никто не показывался. Впрочем, тишина, стоявшая вокруг, не позволяла расслабиться: имелось в ней нечто настораживающее...

Проклятые инстинкты. Их-то не призовёшь к порядку. Да и хорошо.

Глядишь – и выжить удастся. С ними. С инстинктами-то.

Затянувшееся молчание прервала женщина:

– Роджер. У меня не выходят из головы чёртовы мураши. Раз они отгрохали себе такой холмище, значит – находят здесь чего пожрать. Вопрос только – чего?!

– Не парься. Не думаю, что это обязательно – какая-то мясная добыча. Муравьи, если вспомнишь учебники биологии, – Пенелопа на этот раз для разнообразия не фыркнула как обычно, а зарычала, – отличные не только охотники, но и фермеры. Они пережёвывают какие-то там листья в субстрат, и на нём выращивают грибы. Там, в глубине муравейника. Где всегда тепло.

– Ага, отлично. Я рада за них. Только вот... Где они листья-то берут?!

– А ...рен его знает. Сам недоумеваю. Хотя пара-тройка мыслей у меня имеется.

– Поделишься?

– Да. Вот мне, например, бросилось в глаза, что муравейник прямо-таки примыкает к стене. Стало быть, в ней – наверняка есть куча отверстий, ведущих вглубь скал. А там, как мы уже видели в «крысячей» норе, могут расти и лишайники, и другие грибы, и... Клещи там всякие, тараканы. Тараканы, если не знаешь – могут вообще выдерживать до десяти тысяч рентген. Так что как одно из звеньев пищевой цепи – заслуживают. Если не уважения, так хотя бы признания. Да мало ли чего ещё тут живёт. Жаль, что мы не учёные с целым арсеналом чувствительных приборов – быстро просветили бы всю почву до дна ямы, например, гамма-сканнером, да всё узнали... Но раз есть муравейник, стало быть есть и пища, которую муравьи едят. Правда, это не значит, что она съедобна для нас!

Говорю же: биомасса, которую используют для поддержания популяции и жизни муравьи, тут может быть весьма разнообразна. И помимо традиционных листьев и лишайников с грибами её тут может иметься до фиго.

– Я счастлива. За биомассу. Но сможем ли, и правда – *мы* чего-нибудь из неё съесть?

Роджер, отметив, что вчерашнее раздражение к его напар-

нице вернулось, и не помог никакой самоконтроль, пожал плечами:

– А ...рен её знает. Поживём, походим, посмотримся, авось и узнаем!

Пенелопа буркнула:

– Лишь бы нам самим к этому моменту не стать чьим-то обедом. Или ужином.

– Да не должны, вроде. Оружия у нас достаточно. И патронов пока тоже. Мы же – экономные, мать его... Вот приготовь, кстати. Пушку. С такой гадиной мы здесь ещё не сталкивались!

«Гадина» и правда, выглядела странно. Приземистая, шумная, и чертовски, если использовать это мягкое слово, «пахучая» – запах чего-то вроде уксуса, или муравьиной кислоты, доносился и за пятьдесят шагов. Правда, ветер был как раз в их сторону.

В профиль зверушка напоминала половинку сферы, широкой частью – книзу, а поскольку ног заметно не было, казалось, что какой-то шутник отрезал кусок чудовищного футбольного мяча, да и тащит на верёвочке через джунгли...

Впрочем, передний конец от заднего всё же отличался: там высывался из-под подобия панциря гибкий и что-то сейчас вынюхивающий прямо перед собой, нос, напоминавший хобот слона. Больше всего штуковина была похожа на муравьеда, однако оказалась вся покрыта не густой шерстью, как помнил про этих животных Роджер, а тонкими и грохо-

тавшими при каждом шаге, не то – костяными, не то – кожистыми, но сильно задубевшими узкими пластинами, очень острыми на концах.

А с учётом того, что в холке громадина достигала двух с лишним метров, и сильно напоминала ещё и древнего стегозавра, не отнестись уважительно к такому созданию мог бы только идиот. Ну, или носорог. Соответствующих размеров. Роджер буркнул, быстро отступая в чашу:

– Скорей, скорей! Если вынюхает нас – придётся точно – бегать!

– Кто это?!

– Кто-кто... Ночной кошмар несчастных мурашиков. Муравьед!

– А я-то думала, они покрыты шерстью... – Пенелопа, тем не менее, очень быстро «отступала», похоже, вовсе не обрадованная перспективой, обрисованной Роджером. Затем ей в голову пришла мысль:

– Слушай! У нас же полно оружия! У тебя и УЗИ, и гранатомёт. У меня – помповый винчестер с разрывными. Какого же ...я мы каждый раз, как видим огромную тварюгу – сваливаем?! Или «отпугиваем»?!

– Объясняю ещё раз. Для особо непонятливых. – Роджер повернулся к женщине, поскольку они уже скрылись в подлеске, и сейчас, за стволами, увидеть их было куда трудней, – Мы ящеров убивали?

– Нет...

– А дождевых червей?

– Тоже нет.

– А кротов?

– Опять нет!

– А почему, как думаешь?

– Ну... Кротов и ящеров, положим, мы всё равно не смогли бы съесть так, чтоб большая часть мяса не пропала. А останки и кровь воняли бы у бота. Привлекая к нам остальных местных хищников. Ну, это ты мне так объяснил. А червей не трогали... Наверное, потому, что жрать их как-то... Не хотелось! Уж больно неаппетитные.

– Логично, конечно. Для женщины. – она снова возмущённо вскинулась, явно собираясь сказать очередную гадость или глупость, Роджер сдержал её жестом, приложив палец к губам, – Ч-ш-ш-ш... Слух у муравьеда наверняка получше зрения. Тише. Дослушай. Мы не убивали всех этих с виду агрессивных и смертоносных зверушек потому, что мы – не в Голливудском фантастическом боевике, или фильме ужасов.

Это только там, для вящего сочувствия и душевного трепета зрителя, все героини стреляют во всё движущееся и недвижимое, большое и малое. Хлещет кровь, зубатые и когтистые тела красиво дёргаются, агонизируя... Словом – человек – царь Природы!

Так вот: всё это – полная хрень.

Потому что баланс в Природе поддерживается очень про-

сто. И без искромётных спецэффектов. Хищник убивает ровно столько, сколько может съесть. А то львы-леопарды-гиены давно поистребили бы всех антилоп-газелей-зебр. И им стало бы нечего жратеньки. И они окоchureились бы от элементарного голода. Культурно по-научному это называется – подорвали бы свою кормовую базу. Антилопы и зебры съедают столько травы, сколько выросло. Травы же вырастет столько, сколько те же антилопы и зебры – удобрили. Ну, своим навозом. Вот популяция и не может слишком уж разрастись.

Это место – наш будущий дом. Все эти зверушки – наши будущие домашние животные. Питомцы. Страшная или противная внешность, или попытка укунуть – не повод для убийства. Ты же не будешь, скажем, убивать всех кур только потому, что петух тебя больно клюнул, или дамы из его гарема нагадили в твою клумбу с георгинами? Потому что тогда некому будет нести тебе яйца. Ты и барана не будешь резать потому, что он сослепу наступил тебе копытом на ногу. Или, приняв за другого барана-самца, боднул в ...опу!

Короче: нам здесь выделяться, доказывая, что человек всех круче и сильнее – нельзя. Потому что чёртов биотоп, а проще говоря, местные кормовые цепочки явно сформированы. Давно. И баланс налажен. Незачем лишний раз раскачивать лодку. Да и о наших детях нужно подумать: если мы растратим – а мы растратим! – все патроны, придётся переходить на старые добрые копыта и луки со стрелами! А учить

наших детей я в первую очередь собираюсь вовсе не стрелять во всё, что можно легко убить или съесть.

А – думать. И – прятаться!

«Смертельная схватка» с любым зверем – это крайность. И если уж убивать кого – так только для еды! Всем племенем. Потому что куда лучше биотоп не подавлять, и не разбазаривать бездумно, а разумно использовать. Чтоб комплекса «спортивной охоты» и ненужного кровопролития избежать. Тогда и проблем будет меньше. И в изоляте нашем можно будет прожить подольше. Это уж потом, когда «размножимся» и обоснуемся капитально, можно будет вылезать наружу. И осматриваться уже там.

А пока – просто прячемся. И местных монстров и врагов стараемся не убивать.

– Блин. Какая-то у тебя... Трусливая политика! Мы же легко можем их всех!..

– Ага. Мы, конечно, легко и быстро всех местных хищников можем ликвидировать. Как в своё – вернее, моё! – время Китай, всех воробьёв перебил, под лозунгом «спасём урожай от нахлебников!», не понимая, что воробьи жрут не столько зерно, сколько насекомых, питающихся этим самым зерном, а заодно и портящих этого зерна в десять раз больше, чем сожрали. И ещё птички питаются побегам и зёрнами сорняков. Которые начинают расти бесконтрольно и неограниченно на пахотных землях, напрочь заглушая ту же пшеницу. Китайцам потом пришлось завозить этих «вредных»

птичек за валюту. Из России и Индии.

Самый хрестоматийный, конечно, пример безмозглого вмешательства в то, чего не понимаешь, – «святая» Инквизиция. В средние века она провозгласила всех чёрных кошек исчадьями ада и носителями всяких чёрных дел. И чёртовы фанатики и дураки тогда кошек в Европе почти поголовно истребили – и чёрных и нечёрных. И что? Расплодившиеся бесконтрольно крысы разнесли по городам и сёлам чуму. И вымерло две трети населения. Этой самой Европы.

Ну, или как в конце двадцатого века было в Канаде – там так называемая «спортивная охота» привела к почти полному истреблению волков. В результате чего экземпляры, которые эти волки «отбраковывали», забивая старых, больных, и генетически неполноценных, стали оставаться в стадах карibu. Ну, то есть – местных оленей. О финале догадываешься?

– Да. Да. – на лице его напарницы почти явственно сквозила гримаска скуки и желание побыстрей оказаться в тишине. Но Роджер мог быть и сознательно жесток:

– Сама знаешь: в двадцать первом веке избалованные медициной женщины сами даже рожать не могли. Не говоря уж об антибиотиках, которые людей, конечно, лечили, но и одновременно стимулировали появление новых, чрезвычайно устойчивых к ним, штаммов гриппа и прочих бактериальных прелестей. Так что чёртовы карibu пострадали от этих самых болезней. Потому что расплодившиеся, словно

лемминги, стада жвачных, сожрали летом всю траву, а зимой повымерзли. Почти поголовно. От тесноты. И эпидемий каких-то новомодных, да и старых болячек, которые и переносили «отбраковываемые» волками экземпляры.

Но Правительство срочно выделило деньги на целую программу. По спасению. Егеря стали подкармливать выживших оленей завозимым сеном. Солью. Дорого, но подействовало.

Только вот для полного восстановления популяции пришлось ждать пятьдесят лет. И завозить волков. Пока не восстановилась и своя популяция волков. Их удалось-таки спасти, вовремя запретив охоту. И завезя из Сибири. За валюту.

Видишь, как дорого может обходиться головотяпство? И бесконтрольная пальба во всё, агрессивно и противно выглядящее? Ну, всё ещё хочешь доказать местным гадам, что мы тут самые крутые?

– Слушай. Раньше я говорила, что ты умный. – он подбоченился. Однако она поспешила вылить ушат ледяной воды на его самооценку, – А сейчас скажу – какой ты нудный. Хуже наших преподавателей. Можно было обойтись без лекции по общей экологии?

– Можно. Но так – веселей!

На него в который раз посмотрели. Покусили губы. Затем всё же сказали:

– Твой тупой юмор, если честно, тоже подзадолбал.

– Каюсь, есть грех. Но – без него уж никуда! Он, так ска-

зять, неотъемлемая часть этого, – он постучал по виску. – мозга. Поэтому нравится тебе или не нравится – а руководствоваться при принятии важных и жизнеобразующих решений я буду, советуясь с ним. – он снова постучал, – И если я решил, что мы пока не освоимся, никого без разбору и надобности убивать не будем, мы так и поступим. А сейчас тихо и незаметно свалим, стараясь не оставлять следов. – но подозрительные звуки заставили его наконец оглянуться, и поправиться, – Э-э, чёрт! Уже не удастся. Проклятая тварь унюхала-таки нас! Туда! Ходу, ходу!..

Они ломанули через джунгли мёртвых стволов, да так, что только пятки сверкали. Пенелопа, задыхаясь, но попеняла:

– Как-то странно ты назвал эту «милую» зверушку... пф-пф... «неотъемлемого члена» пищевой цепи!.. А до этого – ф-фу... только что не целовать его собирался!

«Милая» зверушка, подвывая и фыркающая, неслась по их следу, разбрасывая вокруг себя стволы, попадавшие на пути, и явно горя желанием познакомиться поближе.

– Странно... – Роджер тоже запыхался, но бежал легко. – Ведь эта штука ест, вроде, только муравьёв! У неё, насколько я помню, и зубов-то нормальных нет! Какого ... ра ей надо от нас?!

– Это же ты у нас умный!.. Пф-пф... Ты и думай!

– Ладно, я подумал. Разворачиваемся, обходим гада по дуге, и бежим снова к озеру. Нажми-ка на акселератор, надо бы прибавить ходу!

Пенелопа явно возмутилась, но возражать не стала.

Поэтому они сделали большой круг, стараясь только оставаться невидимыми, и ломанули теперь в обратном направлении – снова к озерцу! Добежали, когда муравьед ещё сопел и трещал сухими стволами где-то вдалеке. Роджер жестом указал, что делать.

Они вбежали по щиколотку в воду, и обежали по периметру озера на его противоположный конец. Бежать оказалось довольно трудно: ил, оказавшийся на дне вместо песка, здорово задерживал: сапоги в нём вязли. Но они успели сделать почти половину круга, и спрятаться в подлеске на другом берегу, когда их преследователь подбежал к воде.

Тем, что следы оборвались столь подло и однозначно, он явно оказался недоволен. И какое-то время ещё топтался по кромке пляжа, рыская маленькой головой во все стороны, иногда фыркая и возмущённо подрёвывая. Но вот он убедился окончательно в бесплодности попыток найти источник запаха, и ушёл в чащу – теперь обошлось без треска.

Пенелопа буркнула:

– Вот настырная скотина.

– Ага. И чего ему от нас надо было? Ведь он – не хищник.

Ну, в привычном понимании этого слова.

– Собственно, я не про него.

– А-а, понял. Это ты так комментируешь моё упорное нежелание кого-нибудь из местных мясообладателей таки-грохнуть.

– Точно.

– Ну так фиг же вам, девушка. Пока не доедите крыс – свежатинки вам не будет.

Пенелопа так ткнула его локтём под рёбра, что за шутили-вое «приветствие» это мог бы принять только совсем уж полный кретин.

В боте всё было как всегда.

Хотя нет: кое-что изменилось. Температура оказалась пониже, чем обычно. Роджер проверил: всё правильно. Это он сам, в целях экономии запасов энергии, поставил климатизатор, пока их не было, на плюс десять.

Пенелопа проворчала:

– Проклятье! Даже дома не отогреешься как положено. Потому что «экономный» муж решил сэкономить. На здоровья жены. А вот если я замёрзну и простужусь – то придётся тратить драгоценные и невозполнимые таблеточки из аптечки!

– Фиг тебе – простудиться. Ты же «привитая». А чтоб ты согрелась, ласточка моя ненаглядная, я намерен применить совсем другие методы. Ну, и на плюс семнадцать сейчас снова поставлю.

– Свинья. Нет: монстр. Деспот. Ещё и занудный. А уж велеречивый... Ладно, сегодня, чур, готовишь ты. А то я чего-то подустала...

Роджер не возражал. Достал и отделил от кучи тушек оче-

редных двух крыс. Нарубил и нарезал на ломти. Поставил сковороду на плитку, прикидывая, что масло уходит как-то уж слишком быстро. Если так пойдёт и дальше, скоро придётся-таки завалить кого-нибудь из местных жиро- и мясочисителей. Хотя бы для того, чтоб было на чём жарить.

Крысы получились прожаренные. Вкусные. Но Пенелопа кривила носик, кушая их:

– Уже надоели. Мы не могли бы... разнообразить наше меню?

– Могли бы. Вон: паёк НЗ.

– Ешь его сам! Я про ящериц. ...рен с ним: я согласна и на жёсткое и жилистое мясо, только чтоб оно было *другое*.

– Хм-м... Я работаю над этим вопросом. Дело в том, что нам так и так придётся скоро поохотиться. Только пока не знаю, на кого. Но на такого зверя, чтоб был жирным. Нам готовить, в-смысле, жарить – не на чем. А кастрюлю ты, как я уже говорил...

– Да уж, прости! Не догадалась! Вот в следующий раз – обязательно! – она раздражённо оскалилась, – Ты – что?! Правда – идиот, или умело прикидываешься?! Говорю ему как человеку – не было времени почти ни на что, так хотела его вырвать из лап чудовищной смерти, а он мне теперь устраивает! Разборки из-за того, что не взяла, понимаешь, с камбуза кастрюлю!.. Нудит и нудит, словно склеротик: кастрюлю ему, да кастрюлю!..

– Прости, солнышко. Виноват. Ну вот такой я мелочный,

скрупулёзный и занудный. Но ты можешь отомстить мне! Вот сегодня возьми – и не дай мне ничего! Сошлись, как вы обычно делаете, на то, что обиделась. Или – что голова болит. Или устала.

На него в который раз посмотрели. Взгляд Роджера удивил. А ответ ещё больше:

– Да, я обижена. Я, можно сказать, в ярости! И чтоб загладить свою вину, вам, призовой элитный самец, придётся сегодня поработать – так уж поработать!..

Через пару часов, когда они уже помылись и лежали, полностью вымотанные, но умиротворённые и помирившиеся, на своих матрацах, Роджер позволил себе проворчать:

– Придётся, наверное, завалить-таки муравьеда. Раз он жрёт мурашей, то наверняка – не один. А с семьёй. Нужно найти их, и выбрать какого-нибудь... Старого.

– Ну уж нет! Я хочу нормальное мясо, а не такое, чтоб зубы обломать!

Роджер, про себя отмечая, что лишь совсем недавно она была готова на «любое, только другое» мясо, предпочёл промолчать.

Пенелопа снова пристроилась у него на груди, поёрзав, и разместившись так, как уже привыкла: основную массу тела распределив по его чреслам. Вскоре он почувствовал, как её тело привычно расслабилось, и девушка довольно вздохнула. Проворчала:

– Хотя ты и скотина призовая, и зануда редкая, но как печка очень даже хорош. Пока не найдём подходящую пещеру с костром для нашего племени, буду греться об тебя.

– Договорились. – он чуть подождал. Спросил мягко и нарочито небрежно:

– Ну что? На настоящем-то мужчине спать небось куда удобней, чем на манекене?

– Понятное дело! – она вздохнула. Вдруг её дыхание прервалось. Во время возникшей паузы он почувал, как вновь обрели упругость и твёрдость её мышцы, и вот перед его лицом вскинулась лохматая головка. Расширившиеся глаза с почти чёрным зрачком настороженно впились в его:

– Давно догадался?!

Он криво усмехнулся:

– Да, почитай, с самого начала!

– А... Как?!..

– Как вычислил? Да вас, конспираторш хреновых, вычислить – пару раз плюнуть! Чего стоит хотя бы брехня о том, как ты, с твоими сорока килограммами, справилась с начальницей Службы Безопасности. Которая наверняка покрупнее чуть не вдвое, и тренируется каждый день часа по три... А спасательный бот? Слишком ценное оборудование, чтоб его гробить. Я никогда не поверю, что ты не практиковалась часами, чтоб научиться его нормально водить. И что он – единственный оставшийся. Да и сейчас... Нас, надеюсь, прослушивают и просматривают?

– Нет. В смысле – только прослушивают. Видео действительно сдохло.

– Ну и то приятно. Всё-таки – не совсем сами по себе. А под присмотром. Почти как нашкодившие детишки в детсаду. – он подумал, что от зрелища их «ретивых» игрищ кому-то из наблюдательниц, если б таковые случились, и правда могло бы стать дико. И завидно. Удивительно только, как его милая партнёрша сумела настолько отключиться от мысли, что за ними приглядывают, что получала реальные оргазмы. *Такое* не симулируешь!.. Впрочем, и в этом деле она наверняка тоже... Тренировалась и готовилась. – Ну а очередное подтверждение я получил только что.

Да оно и понятно: с чего бы это тебе, якобы в «первый» раз увидевшей, и получившей в своё безраздельное владение мужчину, объект, к которому в вас, амазонках недоделанных, с детства воспитывают неприязнь и презрение, уже успеть так привыкнуть спать на его могучей груди? Ведь если б было и правда – так, ты, скорее всего, просто отказалась бы. Ну, или фыркала бы и ёрзала. Ворчала, что тебе жёстко, и жарко. Да мало ли... И спала бы сама, демонстрируя независимость и самодостаточность, отвернувшись к стене. А ты...

Нет, *такое* достигается только тренировкой! Или уж – хотя бы пятью годами брака. Честно скажи: долго привыкала?

– Д-да. Месяцев пять. – Пенелопу передёрнуло, – И ты, конечно прав. Манекен... Не слишком приятное ложе. Как и гипновнушения.

– Ладно, я не в претензии. И я не соврал тогда. Ты мне и правда нравишься. Только ответь мне сейчас, когда мы ещё в безопасности. Ну, сравнительной.

Ты как бы предпочла – чтоб мы, бросив всё, что нельзя унести на себе, сбежали в местные джунгли, и вели действительно первобытный образ жизни? Или всё-таки... – он спокойно смотрел ей в бегающие глаза.

Пенелопа прикусила губу. Затем всё же разрыдалась:

– Нет! Конечно нет! – она снова прилегла, прильнула, щедро поливая его грудь холодной влагой, так и льющейся из прекрасных глаз, и обняв так, словно он – неколебимый утёс в бушующем океане, – Ты и сам всё отлично понимаешь!.. Я... Хотела бы, конечно, вернуться на Станцию! В тепло, в привычную уютность. В свою каюту. К удобному, и как ты сказал тогда, налаженному быту. К нормальной еде. И душу, где не нужно экономить каждый грамм воды. К тому же «технической», вонючей и холодной.

– Ну хорошо. Мы скажем им об этом. Предположим, ты вернёшься. А я? Что будет со мной? Меня утилизируют?

Ответ раздался совсем не оттуда, откуда Роджер ждал. Он прозвучал из динамика трансляции с подволка бота:

– Нет. Столь ценный экземпляр, к тому же доказавший нам, что у него гибкий и прагматичный интеллект, утилизировать глупо. Это если мягко говорить.

– Добрый вечер. Координаторша, это вы? – Роджеру показался знакомым голос.

– Да. Здравствуй, Роджер. Меня зовут Анна.

– Приятно познакомиться, Анна. Вы уж простите, что так въехал вам тогда в челюсть... – Роджеру и правда было стыдно. Но только – самую малость. Ведь если то, что он подумал о яде было правдой...

– Я не в обиде. – она и правда, рассмеялась – легко и просто, – Да и яд был... Настоящий. Так что ты тогда просто – в очередной раз выжил.

– Рад, что не разочаровал. Но сейчас... Это, как я понимаю, и была моя – верней, наша, – он глянул в настороженные глаза, затем снова поднял взгляд к подволку, откуда доносился вполне доброжелательный грудной голос, – основная миссия? Проверить Землю на пригодность для...

– Да. Для ре-заселения.

– И... как?

– Ответ отрицательный. Счётчик у вас на борту показывает, что вы за четыре дня нахватали столько радиации, что через примерно год наберёте смертельную дозу. Так что если ты, и правда, хочешь жить – собирайтесь, и улетайте оттуда. Да и то: придётся недели две вам посидеть в карантине. А только потом я тебя, козла призового, выпущу «порезвиться». В наш станционный огород с капустой.

– Анна. – Роджер продолжал разговаривать с Координаторшей, обращаясь к подволку, поскольку считал, что на боте именно там лучше всего прятать и микрофоны, чтоб им не мешал звук шагов, стук и гул механизмов, и прочие неизбеж-

ные посторонние шумы, – Можете сказать честно? Сколько их было? До меня?

– Двенадцать. Но на базе твоего тела и мозга – лишь один. Он был самым первым, и продержался на поверхности всего шесть дней. У его «походной» жены начались эти дела, и он отправился наружу один. Некому было прикрыть его тыл. Вот его и задушил, прыгнув из засады, и обвинив кольцами, двадцатиметровый монстр: боа-констриктор. Назвать эту гадину обычным удавом я при всём желании не могу. Я видела запись. Да и ты посмотришь её, когда вернётесь: тогда видео у нас ещё было. Посмотришь и на других тамошних тварей. Они вполне под стать – одни трёхметровые гориллы чего стоят...

Собственно, поэтому мы и избегаем пока Африки. И Индии.

– Понял. Спасибо за простой и честный ответ. Кстати, хотел спросить: мы разговариваем... Через спутник-ретранслятор?

– Нет. Через простой атмосферный зонд. Он сопровождал ваш бот всю посадочную траекторию, и висит над вами с момента посадки.

Роджер прикусил губу. Понятненько. Значит, его надежды на то, что их хотя бы не с самого начала прослушивают, не оправдались. Вот и получается: сколько сил потратили зря. На укрытие плёнками и маскировку... Он вздохнул. Спросил:

– Анна. Я понимаю, что сейчас не время и не место, но всё же хотелось бы знать... Вы и правда – размораживаете нас, мужчин, в-основном для... Осеменения? Или больше всё же – для разведки планеты?

– Вот уж нет. Только «осеменение!» – в голосе Анны снова послышался смешок, – Это было бы слишком... Расточительно. Нет, мы, конечно, размораживаем одновременно от пятнадцати до двадцати экземпляров. Можем себе позволить – губернатор тут рассчитан на восемь тысяч самцов. Затем заставляем очухавшихся пройти стандартные тесты и полосу препятствий. Потом – схватки. Нужно же проверить и физические и умственные кондиции.

– Погодите-ка... То есть – мужчина может и не... Очухаться?

– Да, может. Примерно один из тридцати пяти-сорока не выживает при разморозке.

– Понятно. И что же – после... Схваток?

– Да то, что ты, – снова смешок, – проделал со мной. Да, один оставшийся победитель даёт нам сперму, которую мы извлекаем из спермоприёмника и замораживаем. И, если уж совсем честно, нам накопленной спермы хватило бы уже лет этак на тысячу.

Но ведь ты уже всё и сам понял. Да, пусть это и подло и прагматично, но основная ваша – ну, мужская! – миссия, это – показать, пригодна ли уже Земля к нашему тотальному исходу. Возвращению в Землю, так сказать, обетованную.

А вы – наша лакмусовая бумага. Показатель. Потому что мы – точно слабее вас, мужчин. И мы – не охотницы. То есть – у нас таких, заложенных самой Природой, инстинктов, нет. У нас другая специфика психики. И вот: ты в очередной, тринадцатый, раз доказал, что заселяться ещё рано. Стало быть, сэкономил нам силы, ресурсы, и предохранил от излишнего риска, а, возможно, и смерти. Разведчиц. Потому что то, что тебе рассказал Пенелопа о погибших добровольцах – правда.

Роджер не мог не признать рационалистичность такого подхода – после того, как он «сдал» сперму, они там, на Станции, и правда, не много бы потеряли, погибни он!:

– Я понял. Разумно, да. Раз уж вы считаете, что все беды проистекают от того, что правили всеми Правительствами мужчины, и они же – источник вечной агрессии и войн, такое решение напрашивается само собой. Рискнуть человеком второго сорта, чтоб сберечь драгоценные жизни девушек.

– Рада, что ты понимаешь это. Впрочем, я как раз удивилась бы, будь иначе. Ты же у нас – прагматик номер Один! Как и «племенной», элитный, самец. Хоть и «человек второго, – она хмыкнула, – сорта». Готовься: после карантина женщин у тебя будет столько... Сколько захочешь осеменить! Естественным, так сказать, путём. Правда-правда.

– Спасибо на добром слове. – Роджера передёрнуло так, что Пенелопа возмущённо вцепилась в его бицепсы, чуть не

слетев, и сердито рыкнула. Пришлось приобнять её снова за гибкую талию, и опять нежно погладить и похлопать по спине, – Ладно. Раз убивать меня пока не планируется, я думаю, об остальном мы ещё успеем поговорить. В любом случае вы меня знаете. Глупостей делать не собираюсь.

– Вот и отлично. – всё же ему почудилось некое облегчение в тоне Анны, – Ждём вас в любое время. Как соберётесь – так и прилетайте.

– Ага. Ну, спокойной ночи, Анна!

– Спокойной ночи, Роджер.

Щёлкнуло. Вероятно, это Анна отключила динамик трансляции.

Но Роджер был уверен, что микрофоны в боте никто не отключит. Мало ли!..

Как ни странно, они с Пенелопой произошедшее почти не обсуждали. Роджер и так узнал всё, что хотел, а его «походной жене», похоже, было стыдно и неудобно. Единственное, о чём она спросила, закусив на этот раз нижнюю губу, было:

– Сердишься на меня?

Он, нисколько не покривив душой, улыбнулся:

– Нет! – чувствуя, что она не довольна его кратким ответом, и вряд ли ему удалось убедить её в том, что он и правда – не сердится, он с расстановкой пояснил, – Более того: я и на Анну не сержусь. Как и на тех, первых, кто придумал этот коварный план.

Она пошевелилась, словно хотела что-то спросить, но он продолжил:

– А неплохой план, должен признать. Циничный, и грамотный. Использовать того, кто пусть и считается низшим, второсортным, существом, но обладает нужными «инстинктами». Русские называют это «загребать жар чужими руками». Или, по-другому, «заставлять кого-то таскать каштаны из огня». В мою эпоху так использовали собак. Чтоб вынюхать и вспугнуть дичь для охотника. Найти наркотики на таможне. Или – взрывчатые вещества. Да мало ли!.. План, говорю, продуманный.

И если б его разрабатывал я, примерно так бы и поступил: вначале сделать вид, что подопытного спасла для себя первая женщина: чтоб ему казалось, что смерть миновала только чудом, и он должен теперь проявить себя во всей красе любовника – ну, чтоб пожить подольше. Для начала в качестве – пусть и сексуальной, игрушки.

Затем его должна спасти, уже от этой унижительной роли, вторая женщина – спасти уже для того, чтоб создать Семью. Якобы. А поскольку на Станции им не спрятаться, приходится бежать на Землю – единственное место, где он, последний мужчина на всю Солнечную систему, ещё может надеяться избежать утилизации. И продолжить свой род. Это тоже грамотно: первичный и основной инстинкт требует от настоящего мужчины именно этого: продлить свой род! То есть – передать потомкам-самцам именно *свои* гены.

А поскольку получается, что на Земле рассчитывать кроме самого себя ему не на кого, подопытный и должен: сам сделать всё, чтоб выжить. И всё узнать про планету, где якобы жить его детям...

Вот этот момент – насчёт выращивания тут, на заражённой пока планете детей – конечно, спорный... Потому что любой мужчина захочет, конечно, чтоб им было хорошо, и уж расстарается. Нет, спорный он не в этом смысле, а в том, что делать упор именно на детях, которых пока всё равно опасно рожать и выращивать здесь, и было самым... э-э... подлым моментом плана. Но, как говорится, стыд глаза не выест, а результат нужно получить. Пожертвовав, если придётся, и самим подопытным – его не жалко. Поскольку в иерархии Сообщества амазонок он занимает примерно такое же место, как занимали негры у нас в Америке до отмены рабства.

Тут я, конечно, попенял бы вашему ведомству пропаганды: глупо представлять нас, мужчин, так однобоко и примитивно. Гитлер уже пытался представить так – евреев. Как второсортных и ущербных и нравственно и физически, вырождающихся. А наша, штатовская, пропаганда – русских. Они, дескать, все агрессивные, неадекватные, и пьяницы. А китайцы – мурашики-трудоголики. Эстонцы – тормоза. А Индусы – грязно...опые идиоты и лентяи. Годные только мелодрамы с песнями и танцами снимать. А итальянцы – любвеобильные макаронники.

Ни к чему хорошему такая политика не ведёт: презирать тех, кто живёт просто по-другому, руководствуясь своим разумом и своими традициями уклада жизни – глупо.

Но не буду сейчас втуне разбрасывать перед тобой перлы моего красноречия: то, что вдолбили с младенческих лет, не переделать никакими доводами разума! – он потихоньку постучал ей в висок кончиком указательного пальца. Пенелопа предпочла промолчать. Роджер подумал, что он и правда: зануда. Зачем ей вся эта мораль?! Она хочет лишь одного: вернуться в тёплый и уютный мирок Станции! Пора заканчивать с нотациями:

– Ладно, всё уже сделано. Понять и уже вполне добровольно исполнить ваш план мне так и так пришлось.

Собственно, понять его было не трудно: я должен был проникнуться мыслью, что выжить тут, внизу – моя основная задача. Идея тех, кто разработал этот план, была в том, чтоб сыграть на моём чувстве долга и ответственности. Для начала – за тебя. Спасшее меня, и целиком доверившееся мне существо. Такое тоненькое, хрупкое, и беззащитное. Практика показала, что мой характер вычислен верно. Да вы наверняка и мои сексуальные предпочтения узнали из анкеты. Ты – мой секс-идеал!

И сработало же.

Потому что тот, кто хочет что-то сделать – найдёт тысячу способов. А кто не захочет – тысячу причин. А я захотел. Спасти тебя. Ну, и себя, конечно... Чтоб мы подольше

были вместе, ласточка моя ненаглядная. Малышка. Кошечка. Сокровище бесценное, хоть иногда и капризное и ворчливое. Тростиночка моя, божественно стройная и гибкая... Всё у нас теперь будет хорошо. Мы будем вместе, и проживём счастливую жизнь! Голубка ты моя сизокрылая...

Он продолжал осторожно гладить и водить руками по её такой приятной на ощупь спинке, и шептать нежные слова в ушко до тех пор, пока через буквально несколько минут её мышцы снова не расслабились, и она не засопела, уткнувшись маленьким носиком ему в ключицу.

Самому Роджеру не спалось.

Конечно, он понимал, что сейчас уже и правда – почти ничего сделать не сможет.

Да и с самого начала ему было понятно, что то, что он выжил, а потом был «чудесным» образом спасён – просто часть плана. Коварного плана. Подлого и прагматичного.

Самец, уже давший семя, бык-производитель, может быть полезен только для двух вещей. На – вот именно – ещё семя! И – на мясо.

Он – пушечное мясо. Вернее – лабораторная крыса. На которой проверяют возможность остаться в живых на заражённой и промёрзшей планете. (А, получается, хорошо, что он не стал никого там, на Станции, да и тут, внизу, убивать! Не нарушил никакого «природного» равновесия. И не подорвал «доверия» к себе. У контингента. У женщин.)

На Станции он, конечно, просмотрит материалы осталь-

ных двенадцати миссий.

Сможет дать несколько дельных советов руководительницам Станции. И с точки зрения заселения, и с точки зрения текущего ремонта самой Станции. . . И комплектации бота для следующего раза. Сможет удовлетворить своё любопытство, узнав у Матери, как погибли мужчины. Осеменить несколько десятков, или сотен – не суть! – отобранных для этого самок. Тыфу ты – женщин, если называть этих «носительниц-инкубаторов» столь высокопарным термином.

Однако никаких сомнений в том, что изменить принципиальный подход к себе, и мужской половине человечества в целом, он не сможет. Ему этого просто не позволят.

А всё – из-за прецедентов. С бунтами предыдущих «осеменителей». С другой стороны он не мог не признать, что чёртовы амазонки, похоже, научились неплохо выживать, и до сих пор свято верят, что все беды человечества проистекали от них, от мужчин!

Наивно, да. Но пока не нужно им указывать, что от кое-каких пороков *любого* Социума и им не удалось отделаться.

Карьеризм. Амбиции. Зависть. Подсизживания, сплетни, закулисные интриги.

Роджер был уверен, что ещё столкнётся со всем этим там, на Станции.

А ведь всё это рано или поздно приводит к разборкам. Жертвам.

Или, когда уж градус противостояния зашкаливает –

гражданским войнам.

Так что его задача на предстоящем этапе – просто...

В очередной раз выжить.

Утром он обнаружил, что Пенелопа снова проснулась первой. Но с его «могучей и тёплой» груди слезать не спешит. Он потянулся всем телом, похрустев лопатками:

– Знаешь, на Станции наверное, будет тепло. Нужно освоить для разнообразия и сон на боку. Слезь. А теперь повернись-ка спиной. Ага, вот так.

Роджер уложил тело, сейчас не оказывающее никакого сопротивления, в привычную позу. Одну её ногу продвинул вперёд, согнул в колене. На другую её ногу закинул свою. Поёрзал.

– Нормально?

– Угу. Где ты раньше был? Я об тебя, скотина костлявая, всю грудь намяла.

– Ну-ка, дай-ка я посмотрю... – он нежно облапил, поглаживая, а потом и целуя, означенные предметы, замычал – ему и правда, её миниатюрные груди нравились. Соски затвердели. Он перебрался губами ниже – на животик, а затем и ещё ниже. Она откинула голову назад, тяжело задышала...

И скоро всё у них завершилось так, как завершалось после таких «прелюдий».

Пенелопа, закончив содрогаться, вдруг застонала и разрыдалась:

– Скотина! Кобель! Теперь ты уже не будешь только мой!
Роджера покорило. Но он нашёл в себе мужество отве-

тить весело:

– Не парься. Не твоим я буду только во время работы. А по ночам-то, на отдыхе – я безраздельно твой! Нас же так и так поселят – в твоей каюте?

– Нет. Ты будешь жить в люксе, с огромной кроватью. И прислуживать тебе будут самые симпатичные горничные. В эффектном и сексапильном кружевном белье, и в туфельках на шпильках.

– Серьёзно?

– Нет, конечно... – она сморщила носик, – Шучу. Читала и смотрела порно. Откуда у нас на Станции кружевные чулочки и трусики?

Он засмеялся. Пенелопа пару раз подхихикнула. Потом посерьёзнела:

– Ладно, давай вставать. Пора завтракать, да убираться отсюда к такой-то матери.

– Насчёт позавтракать – с моим большим удовольствием. А вот насчёт убираться... Мы же не всё тут осмотрели, если уж честно. Если ещё с денёк посвятим разведке – горячо любимой радиации особо много не нахватаем.

– Хм. И чего это столь важного ты собираешься тут найти?

– Если честно – не знаю. Но вот чует моя задница, что кое-каких звеньев местной пищевой цепи мы-таки ещё не увидели! Не люблю, когда работа недоделана.

– Зануда. Педант. Ну, это я уже говорила. С другой стороны, я рада, что ты – такой.

– Это ты просто привыкла.

– Точно. Ну, подъём!

Вышли из бота ближе к одиннадцати. Туч для разнообразия не было. Солнце уже вылезло над кромкой их ямы, и сейчас слепило глаза: они двигались прямо на восток. Роджер вдруг остановился, остановил и развернул к себе напарницу. Подмигнул, и сделал жест Пенелопе – молчать.

Она кивнула.

Роджер вынул из набедренного кармана клочок бумажки и карандаш – вот хорошо, что не поленился обследовать все шкафы трюма заранее. Написал:

«На, или в твоём теле – есть микрофоны?»

Пенелопа, хмурившая брови, это дело прекратила, и закивала головой, взяв у него карандаш, и быстро написав:

«Есть!»

«А видеокамеры?»

«Нет!»

«А где-нибудь на мне?»

«Нет! Иначе ты бы почувял и нашёл их!»

– Ну что, попробуем идти помедленней, а то шумим и запыхались?

– Ладно. Только не слишком медленно. А то ты задолбал со своим «недостающим звеном» – ищи уж побыстрее. Я всё

же рассчитываю обратиться отсюда к обеду. – она отлично поняла, что их слишком долгое молчание может насторожить прослушку.

– Угу. – он за это время написал:

«Какое сегодня число и месяц?»

«Двадцать второе сентября».

«Двадцать третьего октября в четырнадцать часов по общепортовому времени собираемся у бота. В трюме. Бежать нужно днём. Согласна?»

«Согласна-то я согласна. Но – почему?!» – она так смотрела на него, словно и правда не понимает. Роджер глянул на неё с печалью. (Глупенькая!) Покачал головой:

«Я уверен, меня всё равно скоро убьют. Я – слишком сильный и уваренный в себе Лидер. Твои начальницы просто побоятся такого оставлять в живых. Даже в качестве почётного пенсионера!» Во избежание.

Пенелопа прикусила губу – слова чуть было не вырвались наружу! Написала:

«Ты прав! Придётся драпать. Куда?»

«Думаю, в Африку.»

«Да, наверное.» – он забрал у неё листок, и аккуратно сунул в рот. Разжевал, проглотил. Пенелопа скривилась – словно это она съела невкусную бумагу.

Он кивнул, и они осторожно, стараясь не шуметь, двинулись дальше сквозь джунгли. Роджер вглядывался в окружающий хаос внимательно: знал, что «недостающее звено» на-

верняка где-то рядом. И не ошибся.

«Звено» само буквально выползло к их ногам. Пенелопа принялась смеяться. Роджер подумал, что в этом смехе, пожалуй, имеется добрая доля истерии.

Звено оказалось дикобразом.

Небольшим – не больше крупного ежа, на вид сердитым, и жутко колючим.

Роджер, увидав, как зверёк длиной-то – с руку, уверенно направился к его ноге, сердито кося глазом, и принюхиваясь, буркнул:

– Бежим-ка мы отсюда. Да побыстрее. У такого харизматичного и самовлюблённого на вид паршивца наверняка имеется твёрдая уверенность в том, что он тут – царь зверей. И сможет сожрать или закусать до смерти любого, покусившегося на его территорию.

– С чего бы это нам бегать от такого заморыша?!

– А с того. Раз выживает до сих пор, значит – или колючки действительно очень прочные и острые, или – концы смазаны – вон, видишь, блестит! – чем-нибудь вроде трупного яда. Уколешься – гангрена обеспечена!

Пенелопа очень быстро, так, что даже обогнала Роджера, двинулась в указанном им направлении. Пока они со всех ног ломились через чащу по своим же следам, она лишь старалась дышать поглубже, да утирать пот с лица. Зато когда они укрылись в безопасности трюма за закрывшейся дверью, не удержалась, чтоб весьма желчным тоном не поинтересо-

ваться:

– Ну, биолог-любитель? Доволен теперь?

– Нет. – он резко сменил тему, – Есть у нас портативный аккумулятор и пара кабелей?

На него недоумённо поморгали, затем смилостивились:

– Есть. – тон оказался весьма недоволен. Задержка же!

Аккумулятор и лопату тащил Роджер, кабели и металлические пруты – Пенелопа.

Правда, идти далеко не пришлось. Роджер быстро раскидал до половины яму, где она зарыли трубу от крыс, стал копать чуть в стороне ямы – в глубину: «Это чтоб не нюхать!» Когда пошёл снова слой с отверстиями-норами, остановился.

Чтоб установить аккумулятор на расстоянии десяти шагов от ямы, вбить стержни, и протянуть к ним по пять метров кабеля, ушло минуты три.

– Порядок. Смотри: когда я покажу, прикоснёшься клеммой вот к этому полюсу!

Роджер громко потопал позади штырей. На цыпочках вернулся к яме. Сделал жест: «Давай!»

Слышно ничего не было, но через буквально пять секунд что-то из одного из отверстий вылетело – если б его не затормозила стена ямы, Роджер и не понял бы – что! Вернее – кто. А так вполне удалось разглядеть.

Существо навроде мыши, только с толстеньким тулови-

щем, и без глаз. И с чудовищными зубами-резцами спереди: два торчало сверху, два – снизу. Он поманил напарницу рукой.

Пенелопа долго чесала в затылке, разглядывая бессмысленно тычущуюся в поисках норы, тушку:

– Кто это?

– Слепыш. Он типа крота, но копает гораздо лучше. И если кроты – хищники, и жрут только мясо – ну там, червей дождевых, клещей, тараканов всяких, то слепыш питается корнями. И клубнями. Вот оно: наше недостающее звено. Тот, кто перевёл всё, что здесь было под землёй растительного и съедобного – в свою массу. А уж его едят, думаю, и черви, и дикобразы, и даже муравьи. Ладно, иди выключи ток.

Слепыша Роджер лично, правда – кованным носком сапога, поскольку не без оснований опасался полудюймовых резцов! – направил в ближайшую норку...

Яму закапывать не стал. Зачем?

На обратном пути он первый нарушил молчание:

– Теперь я доволен. Этот гад отлично вписывается в ту нишу, которую я считал незаполненной. Он – и травоядный, и всеядный, и – водится повсеместно. Яму изрыл вдоль и поперёк.

– Ну, я очень рада. И за него и за тебя. *Теперь* можем лететь?

– Теперь – можем. Обедать будем... Уже там?

– Да! Да.

Поднять кораблик в «стойку» гидравликой опор-шасси оказалось нетрудно, потому что они не стали заморачиваться со стаскиванием с него маскировочных плёнок. Старт прошёл штатно, и Пенелопа уже не старалась показать ему, что приборы управления ей знакомы плохо. Роджер сидел, даже не пристегнувшись, и пялился в экраны. На подлёте, когда Станцию уже было видно, буркнул:

– Ну вот. Порезвившиеся и нашалившиеся цыплята снова возвращаются под тёплое и уютное крылышко мамы-клушки.

Пенелопа ничего не сказала, но губки её дрогнули.

На весь путь ушло целых полтора часа. Потому что Пенелопа теперь шла по «экономичной» траектории, сберегая всё то же горючее.

В шлюз вплыли осторожно, и медленно. Магнитные захваты притянули и зафиксировали шасси. Минуту пришлось ждать, пока в шлюзовую вернут воздух. После чего открылась внутренняя переборка, и тележка с ботом въехала по рельсам назад в трюм.

Их уже ждали.

Встречающих оказалось трое. Мило улыбающаяся Администратроша, Координаторша, недвусмысленно облизывающая губы, словно кошка перед миской сметаны, и ещё одна женщина с весьма хищной и неприятной улыбочкой, явно не

натуральной, а нарисованной на жёстком квадратном лице. Роджер покивал всем по очереди:

– Анна. Диана. Добрый день.

– Здравствуй, Роджер, здравствуй, Пенелопа. – Координаторша вежливым жестом указала на незнакомку, – Это Марина, наш начальник Отдела Внутренней Безопасности. Она настаивает, чтоб мы сейчас не обнимались, как старые знакомые, а проследовали сразу в карантинный блок.

– Понимаем. Разумно. Кстати – я удивлён. Ведь мы с Пенелопой обследовали карстовую воронку счётчиком, там нет такого уж прямо – огромного остаточного фона. Откуда мы нахватили?

– Думаю, из крыс. – голос у Марины оказался весьма жёстким, ничуть не разочаровав Роджера в её оценки как циничной и желчной особы, – Пищеварительные органы в десятки раз чувствительней к радионуклидам. У них же нет кожи и мышц.

– Логично. Ну что, идём?

– Идём. – они двинулись, держась на расстоянии не меньше двух метров позади так троицей и пошедших женщин. Анна повернула голову:

– Желательно, конечно, чтоб вы хотя бы на первых порах не... Предавались игрищам слишком активно. Роджер, ты уж извини – но ещё как минимум неделю твоя сперма будет... э-э... опасна. С точки зрения мутагенеза. Ну а уж после карантина...

Чур, я – первая!

Роджер криво усмехнулся:

– Договорились! – Пенелопа посмотрела на него, но промолчала. Похоже, её сдержало присутствие вот именно – начальства. Но уж лицо его «походная» сделала!..

Карантинный блок представлял собой две практически стандартные комнаты – в точности таких же, как у Дианы. Стоя на пороге, Роджер попрощался с женщинами коротко:

– Ну, вот возвращение блудного сына и состоялось. Девушки, до новых встреч!

Анна покачала головой:

– Скорей, уж – блудного кобеля.

Роджер подумал, что вряд ли кто тут заценит его образованность и кругозор: никто Рембранта наверняка «не читал».

Пенелопа опять промолчала.

Зато когда дверь за начальством закрылась, щёлкнув замком, бросилась прямо на пол, и разрыдалась. Роджер почесал в затылке:

– Не понял. Это же ты первая хотела сюда вернуться! Здесь же удобства, и налаженный быт, и еду готовит кок, а не шестидесятилетний дебил! Или это – от радости?

– Нет, – она не вставая, повернула лицо к нему, – Не от радости. Я понимаю, что по-идее, должна быть рада... Но почему-то не рада.

– А-а, значит, это от тоски по экстремальным развлечениям, от которых мы добровольно... Вернее – *почти* добровольно...

– Нет! – она перебила его, – Я и сама толком не понимаю, с чего это я веду себя как последняя идиотка. Плохо мне, вот и всё!

Роджер подошёл. Нежно приподнял девушку с пола. Обхватил, на руках пронёс в спальню, и бережно уложил на кровать, в который раз поразившись, как мало его напарница по побегу весит. Сам сел рядом, автоматически глянув на решётку климатизатора.

Пенелопа буркнула:

– Плевать. Пусть слышат. Я, когда в самом начале соглашалась на эту «почётную миссию», если честно, думала, что всё будет совсем по-другому... Что это я с тобой буду носиться, как дурень с писанной торбой, и учить уму-разуму. И беречь от опасностей. И монстров. Всё-таки, это я – ознакомлена с материалами всех предыдущих миссий. Натренирована на тренажёрах и симуляторах, даже экзамен сдала: по матчасти и каверзным вопросам. Легенду так вообще – заучила зубок! Как заправская шпионка... И знала, где и чего ждать, и опасаться. Вроде бы.

Ан – нет. Там, в изоляте, мы до сих пор не приземлялись. Выбрали только потому, что там температура и правда была – выше, чем где бы то ни было ещё в центральной Америке... И нате вам – оказалось, что вот именно там – уникальные

условия. Да и зверушки. Так что я даже не знаю, справилась ли я со своей миссией, или нет...

– Не парься. – Роджер в который раз применял это выражение, понимая в то же время, что не слишком-то оно успокаивает явно расстроившуюся девушку, – Уж если кто и справился, так это – ты. Кстати, а как тебя на эту роль вообще – отобрали? У вас был кастинг? Бои? Как проводился отбор на звание самой крутой и безбашенной экстремалки?

– Нет. Нет... – теперь она, кажется, расстроилась ещё больше, потому что слёзы буквально брызнули из глаз, – Кастинга не было. Меня... Я...

Словом, Комиссия посчитала, что мной можно, без ущерба для колонии, пожертвовать. С таким лицом я ни в производительницы потомства, ни в высококвалифицированный персонал не гожусь. «Вызываю отрицательные эмоции» и неуставные мысли у смотрящих на меня! Ну, сам видел! – она ткнула пальцем в свои шрамы, – Таковую – только в неквалифицированный обслуживающий персонал. Типа уборщицы. Или младшей кладовщицы. Чтоб не маячила. И не нервировала. Меня даже в столовой ставили в графике после всех – когда уже все поели!

Роджер не придумал ничего лучше, как провести осторожно ладонью по травмированной стороне лица, улыбнувшись:

– Дурочка. Ты у меня – самая красивая и умная. Потому что это – он нежно положил руку снова на шрам, – Шелуха!

Ты – кремень и сталь там, внутри. И я чертовски рад... И горд, что выбрали тебя!

Потому что девушки с прекрасными лицами и фигурами всегда больше думают о том, как они выглядят, да как сохранить подольше эту неопишемую красоту, чем заботятся о каком-нибудь деле. Да и амбиции у них... В смысле карьерного роста.

А ты – переживала за нас с тобой. Реально – я же видел. И с делом справилась отлично. Такую «боевую» подругу не стыдно было бы иметь и Адаму!

– Спасибо, конечно... С точки зрения успокаивать женщин, обзывая и унижая их, тебе, конечно, равных нет!

– Всегда мечтал унижить тебя ещё сильнее! Ну-ка, скидывай чёртов комбинезон!..

«Унизить» действительно пришлось – чёртова кровать оказалась слишком уж непривычно мягкой и неудобной, и в процессе «унижения» Роджеру пришлось стащить матрас с постели, и кинуть прямо на пол.

Зато когда они закончили, на этот раз придя к пику в полной гармонии, он пожалел. Что они так низко: по полу дуло. Кряхтя, он потянулся, и перетащил одеяло: в пылу игрищ оно оказалось скомкано в углу постели. Пенелопа заворчала:

– Не надо – мне жарко!..

– Это *сейчас* тебе жарко. А я вовсе не хочу, чтоб ты, пережив земные морозы, простудилась уже здесь, от банального

сквозняка от климатизатора.

– Ну, спасибо. – она и правда подоткнула себе одеяло под бёдра и таз, – Заботливый ты мой. Радуйся, что сейчас тебя эксплуатирую только я. А скоро придётся тебе поработать и на благо всех способных родить женщин колонии!

– Ничего. Надо – и поработаю. – Роджер подмигнул, – Надеюсь, за пару-тройку лет управиться! Или вас, готовых к осеменению, гораздо больше?

– Да нет. Собственно говоря, способных родить сейчас у нас, думаю, имеется не больше двух сотен. Если принять за норму одну женщину за ночь... Да «обрабатывать» через день... (День – на отдых!) Управишься и за год, кобелина призовой!

– Вот и хорошо. Главное – питаться полноценно. И кушать натуральное мясо. Вы тут не практикуете отправку зондов на охоту за дичью?

– Хм... Насколько я знаю – нет. Да и дичь так и так была бы... Радиоактивная. Жрёт же – еду с остаточной.

– Да и ладно. Мне, собственно, и наших крыс бы хватило. Хотя бы на первое время.

– Ну, уж это – на усмотрение начальства! И то – только после их деактивации!

– Ну что? Как вам, мэ, эта мысль насчёт «свежего мяса»?

– Хм-м... Вполне, кстати, разумно. Он прав. Для быстрого и полноценного восстановления мужских сил нужно за-

ниматься этим вот именно – через день. И питаться мясом. Яйцами. Молоком, творогом, сыром. А не тем, что мы тут синтезируем в автоклавах. Где у нас самый низкий фон?

– Сейчас – в Австралии, мэм. Но там кроме...

– Знаю. Ничего: пусть ест чёртовых, как он говорит, кроликов. «Мясо» же! Приемлемо: пару раз можно сгонять бот. На полгода ему штук тридцать хватит. А через полгода...

– Неужели мэм, мы и его?!..

– А почему – нет?! Что изменилось? Конечно, он и разумен, и прагматичен. Но – и коварен и хитёр! Тот ещё тип... Мы же не хотим, чтоб нами снова управлял какой-то вонючий козёл?! Он ведь может и наши Законы подправить – так, чтоб снова вернуть «нормальную семью»! А нам нужны лишние проблемы и вечные разборки и скандалы?

– Разумеется, нет, мэм! Не нужны.

– Ну, то-то... Так что через полгода, максимум – девять месяцев, когда начнут рождаться его дети, мы убедимся, что они – нормальные, и...

Распрощаемся с Роджером-два.

– Да мэм. Так точно, мэм.

Продолжение следует.